This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

РАЗГОВОРНИК :

Cmp 112

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Многоуважаемому
Александру Валентиновичу
Амфитеатрову
отъ автора — съ желаніемъ успѣха
на столбцахъ «Росс.»

А. А. КОРИНФСКІЙ.

Аполлонъ Коринфскій.

„БЫВАЛЬЩИНЫ"

и

„КАРТИНЫ ПОВОЛЖЬЯ".

LIBRAIRIE
PETITE BIBLIOTHÈQUE
des Auteurs Étrangers
S.A.R.L. Capital 1.000.000 F.
43, Rue Le Marois, PARIS-16e
R. C. Seine 365.520 B

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1899.
Второе изданіе.
Типографія Е. Евдокимова: Троицкая, 18.

PG3467
K58 K8
1899

Дозволено цензурою. Спб., 5 декабря 1898 г.

БЫВАЛЬЩИНЫ.

(1891—1898 г.г.)

Соціалист.-Революц. о Пермской губерніи
Екатерінбургская.

ПАМЯТИ
графа Алексѣя Константиновича
ТОЛСТОГО.

I.

Нашъ вдохновенный бардъ, нашъ сѣверный баянъ...
Онъ былъ пѣвецъ—воистину народный!
Какъ небо синее, что море-окіянъ,
Глубокъ его напѣвъ торжественно-свободный.

Въ годину смутную озлобленной борьбы
Съумѣлъ онъ овладѣть святынь предвѣчныхъ тайной.
Не поняли тогда пролётныхъ дней рабы,
Что онъ въ ихъ станѣ былъ свободный „гость случайный"!

„Двухъ становъ не боецъ"—входилъ онъ въ пламя сѣчь
Съ одними гуслями да съ вольною душою;
И подъ гуслярный звонъ могучею волною
Всплывала, пѣнилась разгарчивая рѣчь.

Какъ мощный взмахъ орла въ безоблачномъ просторѣ,
Какъ дружескій призывъ на общаго врага—
Звучала въ ней „любовь, широкая—какъ море".
И были тѣсны ей „земные берега"...

Съ повадкой княжею, со взоромъ соколинымъ,
Съ душою пахаря въ живой груди своей—
Онъ Змѣй-Тугарина разилъ словцомъ единымъ,
Какъ-будто былъ рожденъ въ вѣка богатырей.

Нравъ Муромца-Ильи, стать статная Потока,
Алёши удаль-смѣхъ, Добрыни смѣлый складъ—
Сливались въ немъ съ тоской библейскаго пророка
И въ пѣсняхъ залегли, какъ заповѣдный кладъ.

И вотъ живая пѣснь, какъ солнце—надъ землею,
Восходитъ изъ его пророческой мечты;
И таютъ передъ ней весеннею водою
Снѣга̀ надъ вѣчною святыней Красоты...

Я вѣрю: вспыхнетъ тьма, зимы утихнетъ за̀меть,
Опять Весна пойдетъ родимой стороной.
Близка она, близка,—когда проснулась память
О вешнихъ пахаряхъ поэзіи родной!

II.

О, если-бы—вѣщій пѣвецъ-богатырь—
Возсталъ онъ изъ гроба и кречета взоромъ
Сверкнулъ черезъ всю святорусскую ширь,
Надъ всѣмъ неоглядным привольемъ-просторомъ!

О, еслибъ весь гулъ перекрестныхъ рѣчей,
Стонъ пѣсенъ, рожденныхъ мятущимся духомъ,
Всю смуту конца нашихъ сумрачныхъ дней
Услышалъ онъ чуждымъ смятенія слухомъ!

Свои-бы звонча̀тыя гусли онъ взялъ,
Стряхнулъ-бы съ нихъ пыль, наметённую ложью,
И—кликнувъ свой кличъ по всему бездорожью—
Какъ въ старую старь, по струнамъ пробѣжалъ.

Вся кровь расходилась-бы съ первыхъ-же словъ,
Душа загорѣлась-бы полымемъ-гнѣвомъ,—
Наносную нѐмочь съ безсильныхъ пѣвцовъ
Спугнулъ-бы онъ мощнымъ, какъ буря, напѣвомъ...

„За честь нашей родины я не боюсь!“—
Грозою промчалось-бы смѣлое слово.
Всякъ вторилъ-бы пѣснѣ баяна родного:
„Нѣтъ, шутишь! Жива наша русская Русь!“

10 декабря 1898 г.
С.-Петербургъ.

Запѣвка.

Пиръ—горой... Въ пылу разгула
Льются волнами слова:
У честныхъ гостей отъ гула
Закружилась голова.

Рѣчи буйныя смѣняя,
По столамъ—полнымъ-полна—
Ходитъ чаша круговая
Чудодѣйнаго вина.

Кто хоть выпьетъ, хоть пригубитъ,—
Счастьемъ-радостью богатъ:
Какъ зазноба, всѣхъ голубитъ
Хмѣль подъ сводами палатъ...

На пиру—всѣмъ честь и мѣсто,—
Только, пѣсня, нѣтъ тебѣ,
Безпокойныхъ думъ невѣста
И сестра мнѣ по судьбѣ!

Только мы одни съ тобою—
Обойденные—стоимъ:
Ты кручинишься со мною,
Я—горю огнемъ твоимъ...

Но недаромъ пьяной чашей
Обнесли насъ на пиру,—
Съ простодушной правдой нашей
Не пришлись мы ко двору!

Здѣсь поютъ пѣвцы другіе—
Пира шумнаго льстецы,
Отъ разгула не впервые
Захмѣлѣвшіе пѣвцы.

Гдѣ царитъ одна услада,
Не знававшая тоски,—
Тамъ съ тобою насъ не надо,
Мы для всѣхъ тамъ—чужаки!

Мѣсто наше—за порогомъ
Этихъ праздничныхъ хоромъ;
По проселочнымъ дорогамъ
Мы, сестра, съ тобой пойдемъ.

По деревнямъ и по селамъ
Разстилается нашъ путь.
Намъ—и грустнымъ, и веселымъ—
Будетъ радъ хоть кто-нибудь...

Гой вы, гей вы, гусли-мысли!
Гой ты, струнъ гусельныхъ строй!
Что̀ вамъ тучи, что нависли
Надъ побѣдной головой?!.

Гряньте пѣсню дружнымъ ладомъ,—
Какъ пѣвали встарину!
Русскимъ словомъ, русскимъ складомъ
Подпѣвать я вамъ начну...

I.

МИКУЛА.

(Новая пѣсня о старомъ богатыр

Соціалист.-Революц. Группа
Библіотека.

Сказъ первый.

1.

Стародавнія былины,
Пѣсни родины моей!
Породили васъ равнины,
Горы, долы, даль полей.

2.

Ширь, размахъ, захватъ глубокій,—
Все звучитъ въ васъ, все поетъ,
Какъ въ забытый край далекій—
Въ глубь былыхъ вѣковъ зоветъ...

3.

Пѣснотворцевъ древнихъ ладомъ
Убаюкиваетъ слухъ,
Дышетъ зноемъ, вѣетъ хладомъ
Струнъ гусельныхъ русскій духъ.

4.

Вижу я: сѣдое время
Возстаетъ въ лучахъ зари;
Вижу—ѣдутъ, стремя въ стремя,
О-конь-конь, богатыри.

5.

Шишаки, щиты, кольчуги,
Шестопёры, кистени,
Самострѣлы, шелепуги,
Копій лѣсъ... Въ его тѣни—

6.

Волхъ Всеславьевичъ съ Добрыней,
Ставръ, Потокъ, Алеша-младъ,
Старъ-Илья—сѣдой, что иней,
Всѣмъ хоробрымъ—старшій братъ;

7.

А за нимъ—еще, еще тамъ
Богатырь съ богатыремъ;
Всѣ стоятъ стѣной-оплотомъ
Передъ вражьимъ рубежомъ.

8.

Словно сталь—несокрушимый,
Окрыленный духомъ строй...
Кто-же въ немъ изъ всѣхъ любимый
Богатырь завѣтный мой?!.

Сказъ второй.

1.

Съ непокрытой головою
И съ распахнутой душой—
Онъ встаетъ передо мною
Изъ-за дали вѣковой.

2.

Вотъ онъ—мощный и счастливый
Сынъ деревни и полей!
Вѣтерокъ, летя надъ нивой,
Треплетъ шелкъ его кудрей...

3.

Нѣтъ копья, меча-булата,
Каленыхъ-пернатыхъ стрѣлъ;
И безъ нихъ-бы супостата
На̀-земь грянуть онъ съумѣлъ,—

4.

Да, о томъ не помышляя,
Знай—свершаетъ подвигъ свой,
Са̀мъ-другъ съ лошадью шагая
За кленовою сохой.

5.

Пашетъ онъ,—каменья, корни
Выворачиваетъ прочь;
Что ни шагъ—идетъ проворнѣй,
Могутнѣетъ сила-мочь.

6.

Посвистъ пахаря въ далекомъ
Слышенъ во̀-полѣ кругомъ;
Не окинуть сразу окомъ
Новь, имъ вспаханную днемъ!

7.

А сохи его кленовой
Не взяла и Вольги рать;
Сумки ратая холщевой
Святогоръ не смогъ поднять!

8.

Не живалъ онъ въ нѣгѣ-холѣ
Княженецкаго кремля,—
Нѣтъ, Микулу—въ чистомъ полѣ
Любитъ Мать-Сыра-Земля...

Сказъ третій.

1.

Мать-Земля Микулу любитъ,
До сихъ поръ Микула живъ:
И ничто его не сгубитъ
Посреди родимыхъ нивъ.

2.

День за днемъ и годъ за годомъ
Онъ крестьянствуетъ вѣка,
Ухмыляется невзгодамъ,
Счастливъ счастьемъ бѣдняка.

3.

И зимой теплы полати,
Коль не пусто въ закромахъ;
Свѣтитъ свѣтъ и въ дымной хатѣ,
Прòсвѣтъ есть и въ черныхъ дняхъ!

4.

День-красёнъ: пирушки правитъ,
Мужиковъ зоветъ на пиръ:
И—„Микулу-свѣта“ славитъ
По Руси крещоный міръ.

5.

Чуть весна на дворъ,—за дѣло:
Селянина пашня ждетъ!
Только поле зачернѣло—
Тамъ Микула... Вотъ онъ, вотъ—

6.

Съ непокрытой головою
И съ распахнутой душой
Держитъ путь свой полосою
За кленовою сохой.

7.

Шелестъ вѣтра, птичій гомонъ
И весенній духъ цвѣтовъ;
Все, съ чѣмъ вёснами знакомъ онъ
Съ незапамятныхъ вѣковъ,—

8.

Все зоветъ его въ одну даль—
Въ даль полей, въ степную ширь:
И, сохѣ ввѣряя удаль,
Знаетъ пахарь-богатырь,

9.

Что за нимъ-то—вдоль загоновъ
Идутъ родиной своей
Девяносто милліоновъ
Богатырскихъ сыновей!..

II.

БЕРТРАДА.

I.

Въ парижскомъ славномъ зàмкѣ
Французскихъ королей
Отбою нѣтъ отъ званыхъ
И нѐзваныхъ гостей;
Въ парижскомъ славномъ зàмкѣ
Богатства всей земли
Подъ сводомъ залъ высокихъ
Пріютъ себѣ нашли;
Въ парижскомъ славномъ зàмкѣ
И счета нѣтъ пирамъ
Въ честь юной королевы—
Царицы гордыхъ дамъ...
Счастливецъ Генрикъ Первый
Всѣхъ латниковъ своихъ
Беречь ее приставилъ,
Стеречь отъ глазъ лихихъ;
Счастливецъ Генрикъ Первый
Съ Бертрадой молодой
Готовъ забыть и славу,
И честь страны родной...
Но юная Бертрада—
Отрада короля—
Томится и тоскуетъ,
Веселья не дѣля;
Но юная Бертрада
Все чаще съ каждымъ днемъ

Вздыхаетъ тихомолкомъ
И слезы льетъ тайкомъ...
Спросилъ, спросилъ-бы Генрикъ,
Что̀ мучаетъ её,
Что нѐлюбо такое
Веселое житьё;
Спросилъ, спросилъ-бы Генрикъ,—
Открылась-бы ему,
Супругу-властелину,
Владыкѣ своему...
Пируетъ дворъ разгульный,—
Отъ блюдъ трещатъ столы;
Охотничьей потѣхой
Смѣняются балы.
Пируетъ дворъ разгульный,—
Всѣ тосты—за одну:
За юную Бертраду,
За Генрика жену.
Пируетъ дворъ разгульный,—
Но весело-ли ей,
Подъ бѣлымъ горностаемъ,
Въ кругу своихъ пажей?!.

II.

Забудетъ-ли Бертрада,
Что Анной крещена̀,—
Звалася Ярославной
На родинѣ она!
Забудетъ-ли Бертрада,
Что здѣсь не свой народъ,—
Что взоръ ея ни въ чемъ здѣсь
Родного не найдетъ?
Забудетъ-ли Бертрада,
Какіе дни пришли
Съ красавицей-весною
Для всей родной земли?..

Нѣтъ, помнитъ королева,
Что на Руси святой
Всѣмъ свѣтелъ Свѣтлый Праздникъ,
Будь князь, будь смердъ простой...
Нѣтъ, помнитъ королева:
На цѣлый Кіевъ-градъ
Теперь на всѣхъ раскатахъ
По цѣлымъ днямъ звонятъ...
Всю Свѣтлую Недѣлю—
Пасхальный красный звонъ;
Отъ Лыбеди до Свири
Гудётъ, не молкнетъ онъ...
Всю Свѣтлую Недѣлю
Словутичъ-Днѣпръ и лѣсъ,
И горы, и пещеры
Поютъ: „Христосъ воскресъ!..“
Вздыхаетъ Ярославна:
„По берегу Днѣпра,
Поди, и хороводы
Давно водить пора!..“
Вздыхаетъ Ярославна,
А думушка—опять:
„Пусть тѣсенъ княжій теремъ,
Привольно въ немъ дышать!..“
Въ парижскомъ славномъ зàмкѣ
Конца веселью нѣтъ...
„Да въ Кіевѣ на радость
Наложенъ-ли запретъ?!.“
Въ парижскомъ славномъ зàмкѣ
Десятки трубъ гремятъ...
„Да въ гриднѣ Ярослава
Звончѣй гусельный ладъ!“
Въ парижскомъ славномъ зàмкѣ
Все есть—что̀ ни спроси!..
„Да зàмокъ-то, да зàмокъ—
Стоитъ не на Руси!..“

III.

РУСАЛОЧЬЯ ЗА́ВОДЬ.

(Изъ волжскихъ преданій.)

Подъ суглинистымъ обрывомъ,
Надъ зеленымъ крутояромъ
День и ночь на темный берегъ
Плещутъ волны въ гнѣвѣ яромъ.
Не пройти и не проѣхать
Къ той пещерѣ, что̀ подъ кручей
Обозна̀чилась изъ груды
Мелкой осыпи ползучей.
Выбиваютъ прямо со̀-дна,
И зимой не замерзая,
Семь ключей—семь водомётовъ
И гремятъ, не умолкая...
Закружитъ любую лодку
Въ пѣнѣ ихъ молочно-бѣлой,
И погибнетъ, и потонетъ
Въ ней любой безумецъ смѣлый.
Далеко̀ потомъ, далёко—
На просторѣ на гульливомъ
Тѣло мертвое на берегъ
Волга выброситъ приливомъ...
Было время... Старожилы
Рѣчь ведутъ, и не облыжно,
Что стояла эта за̀водь,
Какъ болото, неподвижно;
Въ камышахъ, огородившихъ
Омутъ чащею зеленой,

Семь русалокъ выплывали
Изъ рѣчной воды студёной,—
Выплывали и прохожихъ
Звали пѣснями своими
Въ развесёломъ хороводѣ
Порѣзвиться вмѣстѣ съ ними.
И, бывало, кто поддастся
Приворо̀тному призыву,
Да сойдетъ къ рѣчному логу
Косогоромъ по обрыву,—
На него всѣ семь русалокъ
И накинутся толпою,
Перекатнымъ звонкимъ смѣхомъ
Заливаясь надъ водою..
Защекотятъ сёстры на̀-смерть
Гостя бѣлыми руками
И глаза ему замечутъ
Рудожелтыми песками;
А потомъ, потомъ зароютъ
Въ той пещерѣ, въ той могилѣ,
Гдѣ другихъ гостей безъ счету—
Безъ числа нахоронили...
Кличъ русалочій приманный
Услыхалъ одинъ прохожій,
Вѣщей силой надѣлённый
Прозорливый старецъ Божій,—
Услыхалъ и проклялъ за̀водь
Нерушимымъ гнѣвнымъ словомъ,
И на берегъ, и на волны
Палъ туманъ густымъ покровомъ...
Въ тотъ-же мигъ сталъ осыпаться
По обрыву щебень сѣрый
И повисъ щитомъ надежнымъ
Надъ осѣвшею пещерой;
А русалки такъ и сгибли
Въ расходившейся пучинѣ,—

Семь гремячихъ водомётовъ
Выбиваютъ тамъ донынѣ...
Вешней ночью въ этомъ плескѣ
Слышны тихіе призывы,
Внятны робкія моленья,
Слезъ и смѣха переливы;
А подъ утро надъ ключами,
Передъ зорькой ранымъ-рано,
Семь тѣней дрожатъ и вьются
Въ дымномъ облакѣ тумана...
Конный мимо нихъ несется,
Не жалѣя конской силы;
Пѣшій усталь забываетъ
Близъ русалочьей могилы...
И поютъ ключи, и плачутъ,—
Слезно плачутъ въ гнѣвѣ яромъ,—
Точно правятъ панихиды
Надъ зеленымъ крутояромъ...

IV.

ЗЛАТООГНЕННЫЙ ЦВѢТЪ.

I.

Говорятъ, на Руси—
Съ незапамятныхъ лѣтъ
Расцвѣтаетъ въ лѣсахъ
Златоогненный цвѣтъ,—
На Иванову ночь,
Подъ намётомъ кустовъ,
Словно жаръ, онъ горитъ
Между травъ и цвѣтовъ.
Это—кладъ, не цвѣтокъ;
Подойди, да сорви,
А потомъ весь свой вѣкъ
Безъ заботы живи!
Да найти-то его
Мудренò-мудренò,
Да не всякимъ глазамъ
И увидѣть дано...
Кто и сможетъ къ нему
Подобраться тайкомъ,—
Такъ и то цвѣтъ-огонь
Упорхнётъ мотылькомъ...
Кто сорветъ,—такъ и тотъ
Не съумѣетъ уйти:
Съ нимъ порой въ трёхъ соснахъ
Не отыщешь пути!..

II.

— „Эхъ, была—не была:
Отъ судьбы не уйдешь,
А судьбы не пытать—
Развѣ долю найдешь?!“
И пошелъ онъ, пошелъ
Въ боръ сырой—въ темный лѣсъ

На Купальскую ночь,
Ночь великихъ чудесъ...
На опушкѣ лѣсной
Сердце сжалось въ груди,—
Словно кто зашепталъ:
„Берегись, не ходи!..“
Но въ зеленой листвѣ
Вспыхнулъ пòлымемъ свѣтъ:
„Ужъ не здѣсь-ли растетъ
Златоогненный цвѣтъ?..“
Буйный вѣтеръ пахнулъ,
Зашумѣлъ надъ травой:
„Догони-ка меня,
Паренёкъ молодой!..“
И за вѣтромъ лѣснымъ
Онъ не шелъ, а бѣжалъ;
И пришелъ онъ тропой
На крутой вѣтровалъ...

III.

Подъ обрывомъ—внизу
Пробивался потокъ:
Надъ ручьемъ въ темнотѣ
Засинѣлъ огонекъ...
Онъ въ оврагъ; передъ нимъ—
Шелеститъ очерётъ:
„Кладъ-цвѣтокъ золотой
На шиханѣ растетъ!..“
Онъ—наверхъ, на бугоръ,—
Нѣтъ и нѣту цвѣтка;
А въ душѣ—страхъ не страхъ,
И тоска не тоска...
Онъ—впередъ и впередъ,
Черезъ ямы, пеньки;
А вдали, впереди—
Огоньки, огоньки...

Вдругъ, какъ листъ предъ травой,
Всталъ старикъ передъ нимъ,—
Борода—словно лёнъ,
Волосà—точно дымъ...
Онъ—къ нему: „Чуръ меня!
Миръ тебѣ, вѣщій дѣдъ!..
Укажи, гдѣ растетъ
Златоогненный цвѣтъ!..“

IV.

Засмѣялся старикъ,
Покачалъ головой:
„Не найдешь ты его
Въ темной чащѣ лѣсной!
„Этотъ кладъ не въ лѣсу,
Не въ дубравѣ лежитъ,—
Въ знойномъ сердцѣ твоемъ,
Словно жаръ, онъ горитъ!..“
Усмѣхнулся старикъ
И за елью пропалъ.
А надъ пущей лѣсной
Лучъ зари заигралъ...
Солнце всплыло... Иль нѣтъ,—
То на бѣломъ конѣ
Богъ любви, Свѣтлый Яръ,
Выѣзжалъ въ вышинѣ.
Такъ-же землю лобзалъ
Онъ лучами, какъ встарь;
Такъ-же ризы его
Серебрилась объярь:
Такъ-же несъ онъ въ очахъ
Всѣмъ тепло и привѣтъ,
Сѣя людямъ въ сердцà
„Златоогненный цвѣтъ“...

V.

НА КОВРѢ-САМОЛЁТѢ.

I.

Снилось мнѣ, что чьей-то волей
Мы съ тобой превращены,
Вмѣстѣ съ нашей скромной долей,
Въ двухъ героевъ старины...

Снилось мнѣ: ты—Царь-Дѣвица,
Я—Иванъ-Царевичъ твой,—
Что съ тобой—любовь, жаръ-птица,
Гусли струнныя со мной...

На коврѣ—на самолётѣ
Въ неразгаданную высь,
Въ нашемъ сказочномъ полётѣ,
Вмѣстѣ съ вѣтромъ мы неслись...

Выше всѣхъ кремлей и башенъ
Былъ нашъ путь въ безвѣстный край;
Былъ расшитъ и разукрашенъ
Соболиный твой шугай...

Днёмъ—отъ солнца мы съ тобою
Укрывалися фатой,
Ночью намъ свѣтилъ звѣздою
Твой кокошникъ золотой...

Развѣвалась въ синей дали
Цареградская фата:
Алой зорькою пылали
Молчаливыя уста...

Убаюканные снами—
Мы любили глубокò;
Наше счастье было съ нами,
Наше горе—далеко...

II.

Снилось: мы плывемъ надъ моремъ
На коврѣ, какъ въ челнокѣ,
И, шутя, съ судьбою споримъ—
Отъ пучины вдалекѣ...

Я, надъ бездною морскою
Наклоняючись, пою,
Тѣша пѣсней удалою
Лебедь бѣлую мою...

Здѣсь—въ выси небесъ лазурной
Нѣтъ враговъ и нѣтъ друзей,
Нѣтъ волненій жизни бурной,
Нѣтъ бунтующихъ страстей.

Нѣтъ слѣда былой тревоги,
Такъ свободно дышетъ грудь;
Нѣтъ указанной дороги,
Всюду намъ—открытый путь...

Небо синее надъ нами;
А подъ нами, тамъ—вдали,
Словно чайки, парусами
Забѣлѣлись корабли...

Здѣсь съ тобой мы знали оба,
Что безсильны навсегда
Противъ насъ лихая злоба,
Въ дружбѣ скрытая вражда,—

Что непрошеннымъ участьемъ
Не отравятъ каждый часъ
Нашимъ счастьемъ, тихимъ счастьемъ,
Попрекающіе насъ!..

III.

Снилось: плавалъ на просторѣ
Нашъ волшебный самолётъ;
Глубоко синѣло море,
Глубже—неба синій сводъ...

Бралъ я гусли; струны пѣли
Про любовь мою безъ словъ,
Звуки пташками летѣли
Выше тучекъ-облаковъ...

Жаркимъ взглядомъ я впивался
Въ глубину твоихъ очей,
Въ нихъ съ мерцаньемъ дня сливался
Знойный мракъ нѣмыхъ ночей...

До колѣнъ змѣей сбѣгая,
По плечу вилась коса—
Тёмнорусая, густая,
Воли дѣвичьей краса...

Слышалъ я, какъ о соболью
Душегрѣйку у тебя
Сердце билось, сладкой болью
Замирая и любя...

Охвативъ меня рукою,
Припадая на плечо,
Ты уста мнѣ жгла порою
Такъ безумно горячо,—

Что, забывъ о незадачѣ
Нашей жизненной весны,
Были счастьемъ мы богаче
Всѣхъ героевъ старины...

VI.

ПОТАЙНЫЙ СКАЗЪ.

I.

„Что̀ за лихо приключилося,—
Взять и въ толкъ я не могу,
А его не пожелала-бы
И заклятому врагу!

„Изсушила немочь лютая,
Словно зельемъ извела,—
Думы дѣвичьи завѣтныя
Жаромъ-по̀лымемъ сожгла...

„Обвилась змѣёю, на̀-сердце
Припадаетъ, кровь сосетъ,—
Бѣлымъ днемъ и темной ноченькой
Сна-покою не даетъ!

„Не красно̀ мнѣ красно солнышко,
Опостылѣлъ Божій свѣтъ;
На бесѣдѣ у подруженекъ
И веселья словно нѣтъ.

„Пѣсни всѣ перезабыла я;
А пѣвала—больше всѣхъ...
То не вѣтромъ-ли развѣяло
Мой приманный звонкій смѣхъ?

„Все изъ рукъ, всё на̀-земь валится...
Сяду-ль прясть я бѣлый лёнъ,—
Не прядётся пряжа тонкая;
А въ глазахъ—все онъ, да онъ!

„Откачнись ты, ворогъ! Чуръ меня!..
Сгинь ты, нехристь!.. Нѣтъ, глядитъ;
И отъ черныхъ глазъ разгарчивыхъ
Сердце заревомъ горитъ!...

„Ну, добро-бы приглянулся мнѣ;
Ну, добро-бы сталъ мнѣ милъ!
Такъ вѣдь нѣтъ-же... Словно нѐспроста
Надо мной кто подшутилъ!..“

II.

„Ой, пойти—сходить мнѣ къ знахарю!..“
За околицей села,
На отшибѣ, хатка малая
Въ землю окнами вросла...

Постучалася легохонько
Подъ оконцемъ: „Дòма дѣдъ?..“
Распахнулась дверь скрипучая:
— „Съ чѣмъ пришла, краса, чуть-свѣтъ?“

До сырой земли низёхонько
Поклонилась старику,
Два конца холста лощёнаго
Подала: „Сыми тоску,

„Развяжи меня съ кручиною,
Злую немочь отгони!...“
Глянулъ старый въ ковшикъ нà воду:
—„Аль замаяли они?“

„Кто—они?!“—„Глаза-то черные!
Извели, поди, въ конецъ...
Охъ, ушибъ-убилъ касаточку
Вольный кречетъ-удалецъ!...

„Ну, да противъ глазу этого
Есть словечко у меня;

Коль не сыметъ бо̀лѣсть черную,—
Не взвидать мнѣ Свѣтла-Дня!

„Вотъ тебѣ мой крѣпкій на̀говоръ,
Вотъ тебѣ—потайный сказъ:
Гдѣ, когда ни встрѣтишь сокола,—
Не своди съ него ты глазъ...

„Откачнется вся къ обидчику
Немочь лютая!...“
И дверь
Заскрипѣла; вышла дѣвица:
—„Попадись-ка мнѣ теперь!..“

III.

Анъ, не мимо слово молвилось:
На вспоминѣ онъ лего̀къ...
На плечахъ—червленый о̀пашень;
Шелкомъ шитъ сафьянъ-сапогъ:

А въ рукахъ-то гусли-ро̀змысли;
Шапка-соболь на-бекрень...
Тёменъ взоръ, что ночь осенняя,
Веселъ—словно вешній день!

Поровнялся, молвитъ: „Гдѣ была?“
—„Тамъ давно меня и нѣтъ!“
—„Ой-ли? Можетъ, чернобурая
Замела лисица слѣдъ?“

—„Много будешь знать, состаришься!..“
И глазами на него,
Ненарокомъ точно, вскинула,—
Обожгла огнемъ всего.

—„Ой, не сглазь!“—смѣется мо̀лодецъ...
Улыбнулась: „Нѣтъ, мои—
Голубые, не опасные...
Не такіе, какъ твои!“

А пригожъ гусляръ-дѣтинушка:
Силой взялъ, въ рѣчахъ гораздъ...
Налетай орда поганая,—
Такъ и той въ полонъ не дастъ!

Говоритъ:— „А что, красавица,
Можетъ, намъ и по-пути?
Проводи меня до мельницы,—
Веселѣй самъ-другъ идти!..“

—„А сыграй!..“ Запѣли гусельцы...
Крѣпокъ былъ потайный сказъ,—
Всю дороженьку съ немилаго
Не свела касатка глазъ...

IV.

Исполать волхиту-знахарю!
Все сбылось, какъ молвилъ дѣдъ:
Минулъ день, а лиха-нѐмочи—
Словно не было и нѣтъ!

Исполать вамъ, гусли-розмысли!
Воротился звонкій смѣхъ;
Въ хороводѣ-ль, на бесѣдѣ-ли
Запоетъ,—слышнѣе всѣхъ...

Сядетъ прясть,—такъ шёлкомъ лоснится
Мягкій лёнъ въ рукахъ у ней,
Нитка вьется, всѣмъ-то нà диво—
Тоньше, крѣпче и ровнѣй...

Ой, ты, ночка безпотемная,—
Ты, какъ зоренька, свѣтла!
Ой, ты, дѣвица-красавица,—
Ужъ не кладъ-ли ты нашла?

Ой, гусляръ—пригожій мòлодецъ!
Да и чѣмъ-же онъ не кладъ?!—

Не холопъ,—людинъ свободный онъ.
Не богатъ—да тороватъ!

Счастье дѣвичье! Нищешься—
Не найти, коль не судьба;
На роду-жъ кому написано,
Не искалъ—полна изба!..

По рукамъ отцы ударили...
Старый знахарь на пиру
Веселъ былъ отъ меду пьянаго...
Говорили всѣ: „Къ добру!..“

Впрямь—къ добру; къ добру, старинушка,
Твой потайный крѣпкій сказъ:
Безъ него—не сговорили-бы
Голубыхъ, да черныхъ глазъ!..

VII.

БѢГСТВО БОГОВЪ.

(Изъ сказаній вымирающаго племени.)

I.

Двѣнадцать могучихъ тойоновъ-князей
Съ Тобола, съ Туры и съ поморья
Спѣшили на праздникъ къ святынѣ своей —
На Обь, къ Иртышу, въ Бѣлогорье...

На Бѣлой горѣ, за стѣнами лѣсовъ,
Сидѣли—безмолвны и строги—
Остеръ и Рача̀, господари боговъ,
И дѣти ихъ—мудрые боги.

Кипѣла ключомъ у подножья вода,
Клубились ночами туманы,
И каждое утро сходились сюда
Радѣть въ пѣснопѣньи шаманы...

Двѣнадцать князей разметали шатры;
И ночью надъ Обью глубокой
Зажглись-задымили повсюду костры
Дозорною цѣпью широкой.

Чуть ясная зорька надъ темной тайгой
Всполохи по-у̀тру забила,
Сошлась къ Бѣлогорью несмѣтной толпой
Народа остяцкаго сила...

Ударили въ бубны... Предъ ликомъ боговъ
Князья на колѣни упали,
И пѣніемъ вторили вою вѣтровъ
Шаманы въ священной печали.

Но вдругъ, заглушая молитвы князей,
Шамановъ призывные клики,
Съ гранитнаго трона, съ богиней своей,
Возсталъ Повелитель Великій:

„Закапывай стрѣлы въ трясину болотъ,
„Ломай острозубыя копья,—
„Могучая сила тебя, мой народъ,
„Размечетъ, какъ снѣжные хлопья...

„Князья! Хоронитесь за нами въ тайгу,
„Бѣгите въ лѣсистыя крѣпи,
„Когда не хотите поддаться врагу,
„Надѣть добровольныя цѣпи!“

II.

Не громъ прокатился надъ Бѣлой горой,—
Гранитныя сдвинулись ноги,
И съ троновъ своихъ, безсловесной гурьбой,
Бѣжали остяцкіе боги...

Но долго двѣнадцать могучихъ князей,
Къ добру-ли, не вѣдая—къ худу-ль,
Отважно изъ дебрей лѣсныхъ и степей
Скликали народную удаль.

И слышались рѣчи: „Мужайтесь, бойцы,—
„Мы силой и волей не слабы!
„Проклятье, позоръ вамъ навѣкъ, бѣглецы!
„Не боги вы—старыя бабы!..“

А Обью-рѣкой подплывалъ на стругахъ
Ермакъ-побѣдитель героемъ,
Съ крестомъ на груди и со стягомъ въ рукахъ,
Сопутствуемъ огненнымъ боемъ...

Пришелъ, постоялъ-порадѣлъ атаманъ
За русскую вѣру и правду;

И вѣсть пролетѣла о немъ, какъ буранъ,
Къ поморью, за Конду и Тавду...

А тамъ, гдѣ безлѣсныя тундры лежатъ,
Гдѣ жизнь и природа убоги,
До нашей поры одиноко стоятъ
Въ болотахъ застрявшіе боги.

Не ходятъ къ нимъ больше князья на поклонъ;
Не только не пляшутъ шаманы,
Но даже не носятся стаи воронъ,
Не плаваютъ даже туманы.

Ни хмурый остякъ, ни суровый якутъ
Не стонутъ предъ ними, рыдая;
Да ихъ и богами теперь не зовутъ,
За „каменныхъ бабъ“ принимая...

Княжія проклятья настигли боговъ,
Бѣжавшихъ владыкъ Бѣлогорья;
И будутъ имъ вторить во вѣки вѣковъ
Летучія вьюги поморья...

VIII.

ИЗМѢННИЦА-ЖЕНА.

I.

„Отъ толпы гостей непрошеныхъ
„Мы уйдемъ въ зелёный садъ,
„Гдѣ напѣвы соловьиные
„До утра всю ночь гремятъ.

„Мы нарвемъ въ саду черёмухи,
„Я сплету тебѣ вѣнокъ,
„И пойдемъ съ тобой тропинкою—
„Въ глушь, гдѣ плещется потокъ...

„У потока остановимся,
„Я взгляну въ глаза тебѣ
„И, вѣнокъ забросивъ нà-воду,
„Дамъ такой зарокъ судьбѣ:

„Если онъ прибьется къ берегу,
„Мнѣ вѣрна жена моя;
„А умчитъ вѣнокъ теченіемъ,
„Ты—измѣнница-змѣя!..

„Берегись тогда, красавица:
„Коль смѣялась надо мной,—
„Задушу тебя твоею-же
„Темнорусою косой!..“

II.

И пошли они въ зелёный садъ;
И заплелъ онъ ей вѣнокъ,

И пустилъ на волны тихія,
И—умчалъ его потокъ...

Затуманилась красавица;
Мужъ глядится ей въ глаза,
А изъ нихъ—бурмицкимъ жемчугомъ
За слезой бѣжитъ слеза.

Понялъ онъ: съ кѣмъ рѣчи сладкія
Безъ него вела тайкòмъ,
Съ кѣмъ любовно обнималася
Лиходѣйка вечеркомъ...

Да взглянулъ на косы русыя:
„Нѣтъ! Не мнѣ тебя судить!"
И—пошелъ обиду горькую
Въ зеленòмъ винѣ топить...

А въ саду запѣлъ соловушко,
А въ саду—какъ снѣгъ, бѣлà—
Кудреватая черёмуха
Ароматъ кругомъ лила...

III.

Плылъ вѣнокъ; волна зыбучая
Унесла его на прудъ—
Гдѣ у вершника берёзыньки
Бѣлоствольныя ростутъ...

Пѣной синихъ волнъ обрызганный,
Онъ приплылъ въ густой тростникъ,—
Тамъ, у берега отлогаго,
Дѣвки правили семикъ.

Краше всѣхъ изъ красныхъ дѣвушекъ
Сиротиночка была;
Къ ней подплылъ вѣнокъ черёмушный,—
Знать, судьба ея пришла!..

— „Выйдетъ замужъ дѣвка къ осени!..“—
Пробѣжала молвь кругомъ;
И алѣла цвѣтомъ маковымъ
Сиротинка надъ вѣнкомъ...

А изъ саду, саду тёмнаго
Доносилась въ тишинѣ
Пѣсня-сказка соловьиная
Объ измѣнницѣ-женѣ...

IX.

ВОДЯНОЙ.

Выплылъ сѣдой воевода,
Данникъ Морского Царя,—
Смотритъ: въ рѣку съ небосвода
Льется заката заря;

Смотритъ и черную думу
Думаетъ хмурый старикъ...
Берегу шепчетъ безъ шуму
Мягкій, пушистый тростникъ:

„Знаешь-ли, берегъ родимый,
Что за печаль, за тоска
Гложетъ, какъ звѣрь нелюдимый,
Сердце въ груди старика?

„Помнятъ и волны рѣчныя,
Какъ здѣсь красотка жила:
Косу тогда лишь впервые
На двѣ она расплела...

„Въ цѣломъ теперь околодкѣ
Нѣтъ у насъ больше такой
Рѣзвой пѣвуньи-красотки
Съ пышною русой косой.

„Какъ въ хороводѣ, бывало,
Пѣсню она заведетъ,—
Сводитъ съ ума запѣвало
Весь православный народъ.

„Всѣхъ красотой полонила...
Не поддавался отецъ,—

Ломитъ соломенку сила,—
Свёлъ съ чужакомъ подъ вѣнецъ!

„На̀-диво свадьбу сыграли,
Пиръ былъ на-славу... А тамъ—
Въ клѣть молодыхъ провожали;
Мужъ—и не вѣритъ глазамъ:

„Сгинула, нѣтъ молодухи...
Ищутъ всѣ, сбилися съ ногъ
Всѣ—до прабабки-старухи;
Гдѣ—никому не въ-домёкъ!..

„Ну, а она по задворкамъ
Дальше, да дальше съ села:
Шла по ложбинамъ, по горкамъ,—
Къ омуту прямо пришла...

„Дѣвичью волю-свободу
Крѣпко любила она:
Перекрестилась, да въ воду
И не всплывала со дна...

„Старъ Водяной, ну а все-же
Не устоялъ передъ ней:
Понялъ, что̀ въ жизни дороже
Жизни само̀й для людей.

Соціалист.-Революц. Группа
Библіотека.

„Сталъ онъ ее со слезами
Къ дряхлой груди прижимать,
Нѣжными тѣшить словами—
Точно родимая мать:

„— «Дитятко!»—молвилъ:—«съ тобою
Весело будетъ намъ жить!
Будешь довольна судьбою,
Въ жемчугѣ станешь ходить!..»

„Только хотѣлъ онъ съ добычей
Плыть въ свой подводный пріютъ—

Тѣшиться лаской дѣвичьей,—
Видитъ—двѣ лодки плывутъ...

„Смотритъ, а въ русую косу
Кто-то вцѣпился багромъ,
Тянетъ за лодкой къ откосу...
«Такъ не разстанусь добромъ!..»—

„Горло сдавилъ ей рукою,
Въ сердце впился—что змѣя;
Больше не быть ей живою...
— «Нѣтъ! Не моя—такъ ничья!..»

„Мертвое тѣло красотки
Къ мужу пришлось отнести...
Въ цѣломъ теперь околодкѣ
Новой такой не найти!

„Да, не найти!..“
Въ-перегонку
Весь—засмѣялся тростникъ...
Берегъ откликнулся звонко:
„Пусть-ка поищетъ старикъ!“

А надъ широкой рѣкою
Думалъ-гадалъ Водяной,
Волны покрывъ головою—
Точно огромной копной.

Вдаль онъ смотрѣлъ, на дорогу,—
Словно кого поджидалъ...
Блѣдный востокъ понемногу
Утренней зорькой пылалъ...

X.

ЛАДА.

— „Ой, Лада! Лель, люли!“

(Изъ народныхъ припѣвовъ.

1.

Чуть солнышко свѣтлѣе
Среди зимы блеснётъ,
Чуть взглянетъ веселѣе
На весь честной народъ,—

2.

Такъ—русскихъ зимъ услада,
Зазноба вешнихъ чаръ—
Пойдетъ пѣвунья Лада
Развѣять сердца жаръ...

3.

Веселая красотка
Дородна и статна;
Что бѣлая лебёдка,
Что павушка—она...

4.

Шугай изъ горностая,
Шелкòвая фата;
Коса у ней густая,
Сахàрныя уста;

5.

Глаза-то съ поволокой,
Посмотритъ—жизнь отдать!..
Красѣ голубоокой
Одинъ лишь Лель подъ-стать!

6.

Идетъ-нейдетъ, а пляшетъ,—
Сама поетъ о немъ,
Надъ бѣлымъ снѣгомъ машетъ
Парчёвымъ рукавомъ.

7.

Куда-куда ни глянетъ,—
Вездѣ-то путь предъ ней,
Что масломъ пòлитъ, станетъ
И глаже, и ровнѣй...

8.

За нею слѣдомъ тройки
Летятъ въ-перегонкй;
И смѣхъ, и пѣсни бойки,
И тѣшатъ слухъ звонки...

9.

Варятъ пивà по селамъ,
Вся Русь печетъ блины—
Въ разгулѣ развеселомъ,
Въ честь вѣстницы весны...

10.

Прихода свѣтлоокой
Одинъ не чуетъ Лель,—
Его въ тайгѣ глубокой
Баюкаетъ мятель.

11.

Истомною отрадой—
Что брагой—опьянёнъ,
Себя онъ видитъ съ Ладой...
И длится сладкій сонъ!

12.

Не день, не два—недѣлю
Идти краса должна

Путемъ-дорогой къ Лелю,
Отъ радости хмѣльна;

13.

Придетъ, найдетъ и будетъ
Лелѣять Леля сны;
И вся-то Русь забудетъ
Про Ладу до весны.

14.

Весна—не за горами;
Ужъ скоро вздохъ земли
Раздастся надъ лѣсами:
„Ой, Лада! Лель, люли!..“

XI.

БѢЛБОЖИЧЪ.

I.

Таинственныя горы
Зовутся облаками,
Таинственное поле
Засѣяно звѣздами.

Въ горахъ темнолиловыхъ,
Въ лазурно-синемъ полѣ
Томится онъ безславно
По славной прежней долѣ.

Онъ—въ латахъ изъ тумана,
Онъ—въ шапкѣ-невидимкѣ;
На нёмъ—цвѣтная ферязь
Изъ рудожелтой дымки...

Онъ на́ поле взоръ кинетъ,—
Тамъ молнія сверкаетъ,
Стрѣлою семивёрстной
Всѣ горы разсѣкаетъ.

Промолвитъ, гнѣвный, слово,—
Всё небо дышетъ громомъ;
Заплачетъ, обезсилѣвъ,—
Хоть пей слезу шеломомъ!..

II.

Онъ въ Кіевѣ когда-то
Людской кропился кровью—
Съ нагорной вышки виденъ
Днѣпру и Заднѣпровью...

Стоялъ онъ на желѣзныхъ
Ногахъ своихъ могучихъ,
Съ усами золотыми,
Съ колчаномъ стрѣлъ летучихъ.

Алѣли на рубахѣ
Каменья-самоцвѣты;
Какъ жаръ на нёмъ горѣли,
На шеѣ, амулеты.

И день, и ночь дымился
У ногъ костеръ дубовый;
И каждый день встрѣчалъ онъ
Кровавой жертвой новой.

И звали всѣ баяны,
Гусѐльнымъ вторя струнамъ,
Его всесильнымъ богомъ,
Бѣлбожичемъ—Перуномъ...

III.

Къ нему сходились гриди,
Онъ видѣлъ Святослава;
И за̀ море летѣла
О немъ грозою слава...

На Русь изъ Цареграда
Ударилъ свѣтъ въ оконце,
Надъ Кіевомъ взыграло
Владимірово солнце;

И грознаго Перуна—
Былой не вѣря силѣ—
Къ порогамъ ко днѣпровскимъ
Безславно проводили...

И плылъ онъ, плылъ—безсиленъ
Предъ силой неземною,
Поруганъ всей дружиной,
Оплаканный волною...

Погибъ бездушный идолъ,
Но духъ его могучій
Взлетѣлъ къ полямъ небеснымъ
Грозовой темной тучей...

IV.

Но день въ году остался
Когда Бѣлбожичъ снова
Могучъ, силёнъ и властенъ,
Грозёнъ—какъ въ дни былого...

Въ тотъ день никто въ народѣ
Не выйдетъ на работу;
Въ тотъ день—стрѣлокъ-охотникъ
Забудетъ про охоту.

Когда-жъ въ тотъ день сверкаютъ
Въ поляхъ серпы да косы,—
Перунъ на небѣ мечетъ
Утёсы на утёсы;

И молніи, что искры,
Летятъ изъ-подъ огнива,
И—полымемъ пылаетъ
Повѣть, гумно и нива...

Въ тотъ день святая церковь,
По всей Руси широкой,
Въ молитвахъ славословитъ
Великаго Пророка;

И всѣ-то, всѣ забыли,
Что не Илью—Перуна
Когда-то величали
Въ тотъ день баяновъ струны!..

XII.

СУЖЕНЫЙ.

„Суженое — ряженому!“

I.

У косящата окошечка—
Одинёшенька-одна—
Поджидала съ торгу дальняго
Мужа стараго жена.

Были святки; время позднее...
Нѣтъ и нѣту старика!
Пала нà сердце молодушкѣ
Неуёмная тоска...

Всѣ мы—люди, ходимъ пòдъ Богомъ:
Неровёнъ часъ!.. „Вотъ бѣда!“—
Словно шепчетъ кто ей нà ухо:
„Онъ—старикъ, ты—молода!

„Бралъ тебя твой старъ-неровнюшка,
Даже разу не спросилъ
У невѣсты, у красавицы:
Любъ-ли ей онъ, аль не милъ.

„Задарилъ отца подарками,—
Не нахвалится зятькомъ.
Сговорили... Какъ убитая,
Ты стояла подъ вѣнцомъ...

„Дни бѣжали, шли и мѣсяцы;
Пролетали и года.
А была-ль за нимъ ты счастлива,
Знала-ль радости когда?

„Пусть умретъ, вдовѣ—богачество;
А за вдовушкой такой
Хмѣлемъ будетъ увиватися,
Да не ктò-нибудь—любой!

„Можетъ быть, сидишь ты,—ждешь его,
А судьба твоя не ждетъ
И кощею-мужу старому
Память вѣчную поетъ...

„Можетъ быть, и новый суженый
Есть на свѣтѣ у тебя,
Торгаша вдову-красавицу
Дожидается, любя!..

„Чѣмъ крушиться безо времени,
Даромъ сердце жечь себѣ,—
Вспомни, вспомни волю дѣвичью,
Погадай-ка о судьбѣ!.“

II.

...Загадавъ—не передумывать!
Ленту въ косу заплела,
Крестъ сняла и передъ зеркаломъ
Свѣчи яркія зажгла.

Сѣла, смотритъ лебедь бѣлая,—
Очи темныя, какъ ночь,—
А кручины—словно не было,
А тоска умчалась прочь...

За окномъ мететъ метелица,
Точно водятъ хороводъ
Снѣги бѣлые пушистые
У тесовыхъ у воротъ;

То не тройка-ль прокатилася—
Съ гикомъ, съ посвистомъ лихимъ...

Что-же вздрогнула гадальщица
Передъ зеркаломъ своимъ?

Бѣлогрудая лебёдушка,
Черна ворона жена,
Что-жъ ты нàвзничь запрокинулась,
Ровно въ смертный часъ блѣдна?

Опустились бѣлы рученьки,
Глазъ молодкѣ не отвесть;
„Чуръ меня!“ нѣтъ силы вымолвить,
Ни молитвы не прочесть!

На нее глядитъ изъ зеркала,—
Статенъ, молодъ и пригожъ,—
Кто—невѣдомо, лишь знаемо,
Что на мужа не похожъ:

Кудри—смоль, глаза—что уголье;
Черна бархата камзолъ,
Шапка—соболя сибирскаго...
Молвитъ: „Вотъ и я пришелъ!..“

„Кто-же ты?“—„Да твой-то суженый!
Не гадала, не ждала?“
Усмѣхнулся, сѣлъ желанный гость
О-бокъ съ нею, у стола.

Кудри вьются, змѣи-змѣями,
Разсыпаются до плечъ;
Рѣчь повелъ,—сладка молòдушкѣ
Показалась эта рѣчь!

Страхъ прошелъ; знать, поцѣлуями
Выпилъ гость его до дна,
Что на ласки не осталася
И красотка холодна:

Разгасилась-разгорѣлася,
Словно зоренька-заря,—
Заглядѣлася, заслушалась
Удальца-богатыря.

Поклялась великой клятвою,—
Что, когда старикъ умретъ,—
За него, за добра-молодца,
Вольной волею пойдетъ;

И, на грудь его могучую
Спрятавъ бѣлое лицо,
Отдала съ руки червонное
Обручальное кольцо...

III.

Обнялъ гость и помѣнялся съ ней
Перстенёчкомъ золотымъ...
Вдругъ пѣтухъ запѣлъ, и мо̀лодецъ—
Весь растаялъ, дымомъ-дымъ...

Поблѣднѣла раскрасавица,
Краше въ гробъ кладутъ другихъ;
Гдѣ стояла—тамъ и грянулась
Прямо на полъ въ тотъ-же мигъ.

Потемнѣло все, померкнуло
У молодушки въ очахъ;
Ретивое разомъ смолкнуло,
Запеклася кровь въ устахъ...

А за дверью вьюга плакала
По хозяйкѣ старика:
„Рано замужъ ты собра̀лася—
Отъ живого муженька...

„Твой-то суженый—неряженый
Появился неспроста:
Отъ него-бы оградилась ты
Силой Божьяго креста!..“

...Мужъ вернулся утромъ,—стараго
Не встрѣчаетъ молода̀;
Что съ ней было, что ей сталося,—
Не узналъ онъ никогда.

Снаряжали въ гробъ, съ руки у ней
Перстенька снять не могли,—
Съ нимъ отпѣли, схоронили съ нимъ
Въ глубь холодную земли...

Слухъ прошелъ, что по могильнику,
Въ святки, каждый Божій годъ,
Бродитъ ò-полночь покойница,—
Выкликаетъ и зоветъ;

И, кропя слезами горькими
Исхудалое лицо,
Заклинаетъ снять проклятое
Неразстанное кольцо...

Съ нимъ земля не приметъ бѣдную,—
Хоть лежи въ ней цѣлый вѣкъ!
Видно, суженый-то мòлодецъ
Былъ совсѣмъ не человѣкъ!..

XIII.

ПОДВОДНАЯ ПУСТЫНЬ.

(Изъ заволжскихъ преданій.)

1.

Были тяжелые дни;
Матушку-Русь полонила
Хана Батыя орда,
Злая татарская сила.

2.

Гости лихіе пришли,
Справили пиръ-новоселье:
Пьянъ былъ отъ крови народъ,
Два̀ вѣка длилось похмѣлье!

3.

Гулко неслись за рубежъ
Страшнаго грома раскаты;
Зарево съ Волги, съ Тверцы
Видѣли даже Карпаты.

4.

Наше Заволжье однò—
Уголъ страны необъятной—
Отъ разоренья спаслось,
Только не силою ратной!

5.

Пу̀стынь на Волгѣ была;
Бѣдные люди простые—
Въ ней за мірскіе грѣхи
Старцы молились святые.

6.

Возлѣ опушки лѣсной
Встала, готовясь къ налёту,
Коршуновъ дикихъ орда
Станомъ въ страстную субботу.

7.

Въ полночь воскресшій Христосъ
Шествовалъ свѣтлой стезёю,
Въ полночь великую звонъ
Къ стану донёсся волною.

8.

Тёменъ былъ лѣсъ вѣковой,
Все-же сквозь темныя ели
Зоркіе рысьи глаза
Въ храмѣ огни разглядѣли...

9.

Бросилась нехристей рать
Волкомъ на стадо Христово,
Тучею стрѣлы взвились
Выше намёта лѣсного...

10.

Смотритъ—не вѣритъ орда:
Вмѣсто монашескихъ келій —
Озеро; всюду вода,
Волны бѣгутъ изъ-за елей;

11.

Свѣтъ выбиваетъ со дна,
Благовѣстъ слышенъ оттуда...
Страха исполнился врагъ,
Въ страхѣ отъ Божьяго чуда.

12.

Съ первою зорькою ханъ,
Думать не думавъ по-долгу,
Бросивъ путину свою,
Плыть порѣшилъ черезъ Волгу...

13.

Дымомъ окутало Русь,—
Вся, какъ свѣча, запылала:
Нивы свои не дождемъ—
Кровью людской орошала;

14.

Гибло княжое гнѣздо,
Рать полегала за ратью;
Только Заволжье одно
Божьей спаслось благодатью:

15.

Мечъ и огонь пронесла
Мимо поганая сила;
Цѣлая матушка-Русь
Въ жертву себя приносила!

16.

Много цѣпей на себѣ
Видѣли волжскія воды,
Только цѣпямъ не сломить
Нашей исконной свободы:

17.

Вынесъ народъ-богатырь
Грозной татарщины тягу;
Много тянулось другихъ
Къ старому русскому стягу!

18.

Съ каждою новой бѣдой
Крѣпла родная держава,

Съ каждой грозою—цвѣла
Ярче народная слава.

19.

Даже и Русь-то сама
Стала не Русь, а—Россія;
Гдѣ-же ей помнить тебя,
Дикая сила Батыя!

20.

Всё измѣнилося въ ней;
Только однò нерушимо
Слово сказаній живетъ—
Старою Волгой хранимо...

21.

Слово сказаній родныхъ,
Мощное, вѣчное слово;
Свѣтлый, кипучій родникъ—
Кладезь богатства родного!..

22.

Каждую вёсну въ бору,
Въ самую полночь Святую,
Озеро ломитъ у насъ
Кровлю свою ледяную;

23.

Въ самую полночь со дна
Каменный островъ всплываетъ:
Кельи и стѣны, и храмъ,—
Утреню клиръ совершаетъ.

24.

Благовѣстъ льется окрестъ;
И въ облакахъ ѳиміама
Старцы святыню несутъ,—
Ходятъ вкругъ древняго храма.

25.

Будитъ священный тропарь
Сонъ заповѣднаго бора,
Къ небу доходитъ напѣвъ
Древле-уставнаго хора.

26.

Утромъ, чуть зорька-заря
Лѣса окраситъ сѣдины,—
Острова нѣтъ и слѣда,
Ходятъ по озеру льдины.

27.

Ночью-же—сорокъ ночей—
Льется дорогой окольной,
Вмѣстѣ съ дыханьемъ весны,
Красный трезвонъ колокольный...

28.

Правда, немнòгимъ дано
Видѣть своими глазами
Пу̀стыни Божьей отцовъ,
Пѣніе слышать во храмѣ;

29.

Только въ Святую-то ночь—
Въ ночь Воскресенья Христова —
Каждую вёсну встаетъ
Островъ изъ озера снова:

30.

Богомъ завѣтъ положонъ
Старцамъ на вѣчные годы—
Силою вѣры спасать
Край отъ наносной невзгоды!..

XIV.

СТАРЫЙ ЯМЩИКЪ.

...Вотъ онъ, вотъ—передъ тобою
У ворòтъ стоитъ, гляди,—
Съ полъаршинной бородою
И съ медалью на груди!

По осанкѣ и по росту—
Николаевскій солдатъ;
А сказать тебѣ—такъ просто
Коренной ямщикъ, нашъ братъ...

„А медаль?“
— Особый случай:
Везъ на тройкѣ онъ царя,—
Полюбился складъ могучій
Ямщика-богатыря;

И сѣдокъ необычайный—
За повадку, за коней—
Сàмъ взыскалъ его случайной
Царской милостью своей.

Тоже—всякое бывало!
Приводилось на-вѣку
Повозить людей не мало
Удалому ямщику,—

Помнитъ наша вся округа,
Какъ онъ птицею леталъ,
Всѣхъ — и недруга, и друга—
По дорогѣ обгонялъ...

Эхма! Сбросить лѣтъ десятокъ
Съ девяностолѣтнихъ плечъ,—
Позабылъ-бы про устатокъ,
Не хотѣлъ-бы въ гробъ залечь!

Вихорь-вихремъ, право-слово,
Подхватилъ-бы отъ крыльца,
Разуважилъ-бы любого
Господина и купца,—

Разглядѣлъ-бы ночью темной
Всѣ дороги, всѣ пути
И отъ вьюги неуёмной
Не спросилъ-бы, какъ уйти...

Вотъ-бы тройку вороную,
Ту—съ которой онъ не разъ
Отъ лихихъ на-удалую
Утекалъ въ недобрый часъ!

Пристяжныя—вѣтеръ въ полѣ,
Коренникъ—огонь-угаръ;
Разгуляться дай на волѣ,—
Разожжешь въ снѣгу пожаръ!

Какъ, бывало, первопутокъ
Забѣлѣетъ на току,—
Такъ отъ свадебъ-самокрутокъ
Не отбиться ямщику...

Сколько разъ летали кони,
Словно изъ лука стрѣла,—
Уносили отъ погони
Тѣхъ, за кѣмъ она была.

Отъ людей уйти легко имъ:
Свиснулъ, гаркнулъ—былъ таковъ!
Провожали ихъ конвоемъ
Стаи цѣлыя волковъ...

Ночью темною, глухою
Только пѣсни пой, да правь,—
Рѣки, въ ростопель весною,
Перемахивали вплавь...

Сбросить, скинуть лѣтъ десятокъ,—
Показалъ-бы старина,
Безъ увёртокъ, безъ ухватокъ,
Всё—чѣмъ жизнь была красна:

Подалъ, съ мѣста взялъ на славу,
Поучилъ-бы выѣздныхъ—
Отвозившимъ на забаву...
Жаль, не стало вороныхъ!

Въ старой памяти—лихая
Всѣхъ коней пережила:
Эта тройка удалая
Подъ самимъ царемъ была!

Вспомнитъ—молодъ онъ душою...
Вотъ онъ, вонъ стоитъ, гляди—
Съ полъаршинной бородою
И съ медалью на груди!.

XV.

ГОРИСЛАВА.

(По варіантамъ былины „Сватъ-Добрыня“.)

Сказъ первый.

1.

Былъ въ Кіевѣ пиръ... За дубовымъ столомъ
Сидѣлъ князь Владиміръ съ дружиною;
Варяжская чара летала орломъ,
Братаяся съ русской братиною.

2.

Добрыня, Алёша и старый Илья,
И вся-то дружина хоробрая
Была на пиру—побратимы-друзья,
Семья богатырская добрая.

3.

Молчалъ хлѣбосольный хозяинъ—угрюмъ,
Какъ черная туча грозо̀вая,—
Ни хмѣль не боролъ непокладистыхъ думъ,
Ни пѣсня не тѣшила новая...

4.

Вдругъ—слышатъ: сѣдой запѣвало-гусляръ
Наладилъ игру по старинному
И грянулъ подъ звонъ опорожненныхъ чаръ—
„Ой, гоже-ль быть князю единому?!..“

5.

И видятъ всѣ гости,—князь-солнышко са̀мъ
Очами сверкнулъ соколиными,

Провелъ княженецкой рукой по кудрямъ,
Бровями метнулъ соболиными:

6.

—„И впрямь,—не добро мнѣ единому быть...
„Безъ солнца встоскуются па̀жити,—
„Безъ любы-княгинюшки нѐлюбо жить,
„А съ нѐмилой—лучше не княжити!

7.

„Да гдѣ-жъ мнѣ по сердцу невѣсту найти,—
„По сердцу-ль, по норову княжьему?!..“
Челомъ бьетъ Добрыня:
—„Свѣтъ-княже! Идти
„Заутра намъ къ Полоцку вражьему...“

Сказъ второй.

1.

Тѣсною стѣною
Полоцкъ обложила
Кіевскаго князя
Воинская сила.

2.

„Покорись, Всеславичъ!“—
Бирючи кричали;
Съ полоцкаго валу
Стрѣлы отвѣчали.

3.

Стольный князь Владиміръ,
Юный воевода,
Са̀мъ пошелъ на приступъ
Къ башнямъ Рогволода.

4.

Дрогнули бойницы
Стараго заплота,
Рухнули подъ кручу
Древніе ворота.

5.

Долго-ли, коро̀тко-ль
Сѣча здѣсь кипѣла,
Смѣтилъ и Всеславичъ,
Что пропало дѣло;

6.

Видитъ—въ полочанахъ
Духъ отваги вымеръ,—
Покорился гордый:
—„Твòй верхъ, Володимеръ!..“

Сказъ третій.

1.

Минулъ день; другой—на смѣну...
Побѣдителю въ почетъ,
Побѣжденный князь на-славу
Столованье задаетъ.

2.

Вкругъ высокаго дѣтинца—
Кіевлянъ, варяговъ рать,
Послѣ боя, по затынью
Встала станомъ отдыхать.

3.

Въ Рогволодовыхъ палатахъ,
За разубраннымъ столомъ,
Славя князя и Перуна,
Пьютъ дружинники кругомъ...

4.

Да не радошенъ Владиміръ,
Да не веселъ Рогволодъ,—
Честь побѣдная не тѣшитъ,
Пиръ безчестья не беретъ!

5.

А Добрыня—Рогволоду:
„У тебя въ свѣтлицѣ есть
„Дочь-красотка, Горислава...
„Покажи намъ, сдѣлай честь!..“

6.

Ахнулъ князь, когда увидѣлъ,—
Не встрѣчалъ такой красы,
Ни очей, что сине-море,
Ни, что тёмна-ночь, косы...

7.

А Добрыня: „Помнишь, княже,—
„Не добро едину быть“?!..
Смотритъ князь; а сердце—князю:
„Съ ней—тебѣ тоску забыть!..“

8.

Заглядѣлась на касатку
Княжьихъ соколовъ семья—
И Алёша-младъ Поповичъ,
И сѣдой старикъ Илья.

9.

—„Слышь, Всеславичъ!“—князь промолвилъ:
„Шелъ я ворогомъ къ тебѣ,
„А пришелъ,—глазамъ не вѣрю,—
„А пришелъ—къ своей судьбѣ...

10.

„Стольно-кіевскаго князя
„Хочешь взять себѣ въ зятья?
„Не шучу, Велесъ—порукой:
„Полоцкъ—твой, княжна—моя!..“

11.

Глянулъ старый: „Грѣхъ неволить!
„Любъ, скажи, аль нѐлюбъ князь?“
Дочь-красавица—ни слова,
Зорька-зоренькой зажглась...

12.

„Любъ! Ой, любъ!..“—кричитъ Добрыня.
И чрезъ весь-то Полоцкъ-градъ
О нежданномъ рукобитьѣ
Рѣчи стрѣлами летятъ...

13.

Изволеньемъ Свѣтлояра—
Свадьбу въ Полоцкѣ игралъ
Князь Владиміръ, двѣ недѣли
Князя-тестя ублажалъ...

14.

А путемъ-дорогой въ Кіевъ
Пробѣжала вѣсть—прошла,
Что красою Горислава
Славу бранную сожгла!..

XVI.

ЦАРЬ СНѢГОВЪ.

I.

Чуть пришла весна—зеленая весна,
Чуть очнулся лѣсъ-красавецъ ото сна,
Только первыя фіалки зацвѣли,
И прорѣзалъ первый пахарь грудь земли,—
Царь-Морозъ съ зимой трескучею
Побѣжалъ въ тайгу дремучую...
Богъ вѣсть—долго-ли, коротко-ль старый шолъ,
Только къ мѣсту безъ зимы ужъ онъ пришолъ...
Въ глубинѣ оврага мшистаго,
Средь орѣшника вѣтвистаго,
Гдѣ никто къ нему приблизиться не могъ,
Въ подземельи грозный царь снѣговъ залегъ—
За дверями за дубовыми,
За двѣнадцатью засовами...
Растопилися послѣдніе снѣга,
Запестрѣлися шелковые луга,
Зашумѣли говорливые ручьи,
Загремѣли въ перелѣскахъ соловьи;
Разукрасили короною
Мотыльки весну зеленую;
Оросило землю-матушку дождемъ,
Прогремѣлъ надъ темнымъ лѣсомъ первый громъ
Красна лѣта дожидаючись,
Надъ Морозомъ потѣшаючись...

II.

Не страшны сѣдому
Владыкѣ снѣговъ:
Ни тайная сила
Весеннихъ громовъ,

Ни дождь благодатный,
Ни солнца лучи,—
Какъ ни были-бъ ласки
Небесъ горячи.

Въ его подземельи
Прохлада царитъ,
Онъ стѣны дыханьемъ
Своимъ леденитъ...

Лежитъ молчаливо
И ночью, и днемъ
Властитель суровый
На камнѣ своемъ

И слушаетъ чутко,
Какъ сосны шумятъ,
Какъ между собою
Ручьи гомонятъ, —

Какъ дикіе звѣри
Глухою тропой
Сбѣгаютъ въ лощину
На свой водопой;

Какъ въ чащѣ зеленой,
Въ затишьи вѣтвей,
Смѣясь и рыдая,
Поетъ соловей;

Какъ утромъ румянымъ,
Вечерней зарёй
Ведутъ перекличку
Орлы межъ собой...

И грустно владыкѣ
Сыпучихъ снѣговъ;
Роняетъ онъ слезы
Подъ рокотъ громовъ,—

И бьетъ изъ пещеры,
Сквозь камни, подъ кручь,
Изъ слезъ зарождаясь,
Желѣзистый ключъ...

III.

Отъ лихой тоски-кручины
Борода царя сѣдая
Отросла длиннѣе вдвое,
Серебромъ снѣговъ блистая;

Стали глубже и темнѣе
Несмыкаемыя очи
Отъ стоявшей въ подземельи
Непроглядной, вѣчной ночи...

Наконецъ, лежать наскучивъ,
Приподнялся, потянулся
Царь-Морозъ, присѣлъ на камень,
Молчаливо оглянулся—

Оглянулся и подумалъ:
„Не пора-ль размять мнѣ кости
„И къ землѣ осиротѣлой
„Не пора-ль слетать мнѣ въ гости?!“

Всталъ старикъ, и дверь за дверью
Отпирать онъ сталъ угрюмо;
На челѣ его печальномъ
Зрѣла царственная дума.

Отмыкаючи засовы,
Слушалъ онъ пытливымъ ухомъ,
Что̀ творилося на волѣ,
И ловилъ привычнымъ слухомъ

Шелестъ листьевъ, ропотъ лѣса,
Рѣзвыхъ пташекъ щебетанье;
Родниковъ пѣвучій лепетъ,
Дальней бури завыванье;

И, чѣмъ ближе подвигался
Къ свѣту, къ солнечному свѣту, —
Тѣмъ яснѣе сознавалъ онъ,
Что конецъ приходитъ лѣту...

Что̀ ни день—кругомъ пустѣли
Птицъ зелёныя кочевья,
Одѣвалися багрянцемъ
Кудреватыя деревья;

День-деньской, не замолкая,
Небо плакало дождями,
Заливая лѣсъ дремучій
Слезъ холодными ручьями...

IV.

Вотъ и вышелъ царь на волю, стукнулъ-брякнулъ булавой,—
Вдоль по лѣсу прокатился перелетной бури вой;

По вершинамъ золотистымъ проскользнулъ владыки взоръ,—
Уронилъ листву на землю обезпамятѣлый боръ...

Посмотрѣлъ старикъ на воду,—въ мигъ ручьи заволокло
Искрометною корою льда узорное стекло...

Онъ махнулъ рукой, и—сразу затуманилась земля:
Бѣлымъ инеемъ одѣлись всѣ долины и поля,

Лѣсъ угрюмый принакрылся, вмѣсто листьевъ, серебромъ,
Засверкало-засіяло все алмазами кругомъ...

Вышелъ въ поле царь, а въ полѣ—серебристая постель;
Тамъ сѣдого поджидаетъ бѣлокудрая мятель —

Внучка дѣдушки-Мороза, вѣтра вольнаго сестра—
И кричитъ, его завидѣвъ: „Здравствуй, дѣдъ! Давно пора

„Разгуляться намъ съ тобою на просторѣ полевомъ“.
Подошелъ старикъ и вмѣстѣ полетѣлъ онъ съ ней вдвоемъ

По лицу земли родимой—по долинамъ и горамъ,
По деревнямъ сиротливымъ, по богатымъ городамъ...

Снѣга рыхлаго сугробы громоздятся на пути,
По дорогамъ прямоѣзжимъ ни проѣхать, ни пройти!

Гдѣ летятъ, тамъ людъ крещоный забирается въ дома...
„Ну, морозцы завернули! Ну, и знатная-жъ зима!“—

Всюду слышится вослѣдъ имъ по дорогѣ, тамъ и тутъ;
Хоть не весело—да пляшетъ, встрѣтивъ ихъ, бездомный людъ!

А придетъ весна, и снова уберется царь сѣдой
Въ заповѣдныя пещеры вмѣстѣ съ лютою зимой,

Вмѣстѣ съ буйною мятелью... Вновь растопятся снѣга,
Вновь травою-муравою пріодѣнутся луга,

Безъ умолку, въ-перегонку зазвенятъ опять ручьи;
Заведутъ въ лѣсахъ зеленыхъ перекличку соловьи;

И опять, вдали отъ солнца, будетъ царь-Морозъ лежать,
О своихъ былыхъ побѣдахъ со слезами вспоминать.

XVII.

УДАЛЬ.

I.

То не диво-ли, не чудо-ль?—
Всѣ, кого-то ни спроси,
Всѣ гутòрятъ, что про удаль
Не знавали на Руси...

Словно въ часъ недобрый зàметь
По-надъ ними пронеслась,—
Старикамъ отшибло память:
„Не слыхали отродясь!..“

Молодёжь не надивится,—
Только молвишь про нее!
Точно мнѣ, поди-жъ ты, снится
Слово русское мое!..

„Удаль? Не было печали!
„А была — такъ умерла,
„И молва по ней едва-ли
„Долговѣчнѣе была!..“

Полно! Бросьте молвь пустую!..
Совѣсть зàзритъ слушать васъ.
Видѣлъ я её—живую—
На святой Руси у насъ!..

II.

Въ годы пращуровъ ѣзжала
Удаль въ полѣ боевомъ
Нараспашку, безъ забрàла,
И звалась богатыремъ...

Съ некрещоными ордами,
Въ-одиночку, съ грудью грудь,

Билась голыми руками,—
За рубежъ торила путь...

Лютыхъ вòроговъ разила
Удаль русская сплеча;
И росла, росла въ ней сила—
И хмѣльна, и горяча...

Въ новоградскомъ славномъ вѣчѣ
На стѣну стѣною шла,
Завершала боемъ рѣчи,
Въ старый Волховъ кровь лила...

Удаль-мочь въ былые годы
Убѣгала отъ цѣпей—
Съ буйной жаждою свободы—
Въ глушь лѣсовъ и въ глубь степей...

На просторѣ вольныхъ становъ,
По лѣсистымъ Жегулямъ,
Выбирала атамановъ
Удаль сòколамъ-орламъ...

То она—грозна весельемъ —
Задавала бранный пиръ,
Не страшась передъ похмѣльемъ,—
Пиръ на весь боярскій міръ...

То она—развѣя пламень,
Шла съ ватагой Ермака
За далёкій Поясъ-Камень,
Разливаясь, что рѣка...

Удаль кречетомъ смотрѣла
Въ очи Грознаго царя,
Не боялась „слова-дѣла“,
Правду-матку говоря...

Удаль русская! Не ты-ли
Волги пѣнила струи?
Не съ тобой-ли въ Каспій плыли
Стеньки Разина ладьи?!

III.

Пусть тебѣ—безъ латъ и въ латахъ —
На распутьи не стоять,
Въ царскихъ гридницахъ-палатахъ
На гусельцахъ не играть,—

Нѣтъ, пускай, разбойныхъ становъ
Въ Жегуляхъ и на Дону,
Славныхъ былью атамановъ,
Звавшихъ къ волѣ старину...

Но не ты-ль и въ наше время
Водишь соху на поляхъ,
Трудового пота бремя
Подымаешь на плечахъ?

А не ты-ли шла съ войсками—
За Балканы, въ край чужой,
Устилая путь костями,
Братьямъ жертвуя собой?

А не ты-ль, платя съ лихвою
Дань бездолью и тоскѣ,
Пляшешь съ нищенской сумою
Во притынномъ кабакѣ?!.

„На Руси ея нѣтъ!..“—Ой-ли?!..
Бросьте праздныя слова!
А не удалью родной-ли
Пѣсня русская жива?!.

XVIII.

СКОМОРОШЬЯ ПОТѢХА.

— „Масляница-блинница—
скоморошья радѣльница!..“

(Изъ волжскихъ присловій.)

Идутъ скоморохи деревней степной—
Разнощики удали-воли...
Идутъ по деревнѣ: „Что спишь, людъ честной?
„Не хочешь потѣшиться, что-ли?

„Не видишь, что съ нами въ деревню пришла
„Всѣхъ матушекъ дочка родная—
„Какъ зорька румяна, что сахаръ бѣла,
„Разгульна, какъ воля степная?..“

Идутъ скоморохи; веселый угаръ
За ними разносится слѣдомъ,—
Не все-же купцовъ утѣшать, да бояръ,
Когда онъ и пахарю вѣдомъ!..

Навстрѣчу потѣхѣ спѣшатъ мужики,
Ребята бѣгутъ, молодицы,—
Всѣмъ любо за смѣхомъ отъ горя-тоски
Умчаться на крыльяхъ жаръ-птицы!..

Спѣшатъ новожены, плетется и дѣдъ,
Гуслярнымъ разбуженный звукомъ;
Забылъ онъ, что минетъ въ субботу сто лѣтъ,
Что пòдъ-тридцать даже и внукамъ...

На площади сгрудился грудой народъ—
Охотникъ до пѣсенъ и шутокъ.
Чью душу родимый напѣвъ не проймётъ,
Кто сердцемъ къ родному не чутокъ!..

„Коль любо, такъ слушай! Не хочешь, уйди!“
И бродитъ, что хмѣльная брага,
Веселая удаль, и въ старой груди
Бурлитъ молодая отвага...

Захожіе гости—ихъ пять человѣкъ—
Весельемъ богатые гости,
Казалось, тоски не знавали вовѣкъ,—
Не то что обиды, иль злости!

Плясунъ, балалаечникъ, старый гусляръ,
Да парень—„коза въ сарафанѣ“,
Да кукольникъ, смѣло готовый свой даръ
Лицомъ показать въ балаганѣ...

Бренчитъ балалайка: „Ой, жги-говори!“—
Плясунъ кудреватый подхватитъ,
Хоть золото пригоршней сыпь, хоть умри,—
Всё платы за пляску не хватитъ...

„Ой, любо! Ай, ловко! Работа чиста!..“
И—крѣпкое русское слово,
Отъ чистаго сердца просясь на уста,
У многихъ сорваться готово...

Натѣшилась вволю деревня... Народъ
Наслушался всякаго чуда...
Прошибъ на морозѣ потѣшниковъ потъ,
А все-бы погрѣться не худо!

Сложили пожитки, пошли впятеромъ
Въ сосѣднія чьи-то ворота:
Веселымъ гостямъ за хозяйскимъ столомъ
Хоть впору отбавить почёта.

Въ котомки къ добру наложили добра,—
Народъ хлѣбосоленъ родимый,—
Блиновъ наметали—горою-гора,
А браги—хоть голову вымой...

Ударилъ дотошный гусляръ по струнамъ:
„Ой, время былое, воскресни!
„Не часто доводится игрывать намъ
„Умильныя, старыя пѣсни!..“

За пѣсней—другая... Деревню пришлось
Пройти всю отъ хаты до хаты.
Ходили-бродили и вмѣстѣ, и врозь—
И шуткой, и пѣсней богаты...

До самаго вечера ѣли блины,
До поздняго вечера пили
Желанные гости глухой стороны—
Хранители сказочной были...

Пошли скоморохи дорогой большой,
Добромъ поминая сторонку.
Идутъ скоморохи... А вѣтеръ степной
Кричитъ скоморохамъ въ-догонку:

„Голоднымъ не будешь, веселье, не трусь!
„Пройди-ка, пройдись деревнями!..
„Недаромъ пріѣхала гостья на Русь
„Предъ теплыми вешними днями!

„Всѣхъ матушекъ дочка, всѣхъ братцевъ сестра,
„Всѣхъ бабушекъ внучка честная—
„Стоитъ на Руси у любого двора,
„Всѣхъ масляной рѣчью встрѣчая...

„Недаромъ ту гостью широкой зовутъ;
„А гдѣ-жъ развернуться и шире,
„Когда не въ народѣ, гдѣ царствуетъ трудъ,
„Не знающій равнаго въ мірѣ?..“

XIX.

СВЯТОГОРЪ.

1.

Встарину Святогоръ-богатырь,
Чуя силу въ себѣ дерзновенную,
Въ часъ недобрый надумалъ рукой
Приподнять-опрокинуть вселенную.

2.

И на бо̀рзомъ своемъ скакунѣ
Онъ поѣхалъ въ путину не малую,—
Ѣдетъ тягу земную искать,
Видитъ гору вдали небывалую...

3.

„Ужъ не здѣсь-ли?!..“ И плеткой коня
Онъ ударилъ рукою могучею,—
Ко̀нь взлетѣлъ, словно птица, наверхъ
И, какъ вкопанный, всталъ по-надъ кручею...

4.

Слѣзъ съ сѣдла богатырь Святогоръ,—
Хоть-бы птица—кругомъ, перелетная!
Ни души... Только смотритъ: предъ нимъ
Словно сумка лежитъ перемётная...

5.

Поклонился землѣ богатырь,
Хочетъ сумку поднять: не воро̀хнется.
Что̀ за диво! Ни взадъ, ни впередъ...
А вокругъ вѣтерокъ не шело̀хнется.

6.

Понатужился,—потъ въ три ручья
Покатился съ лица загорѣлаго,
И тревога за сердце взяла
Святогора, воителя смѣлаго...

7.

„Что̀ за нѐчисть!.. Такъ нѣтъ-же, умру,
„А не дамъ надругаться надъ силою!..“
И опять приналёгъ богатырь,
И гора стала силѣ могилою:

8.

Гдѣ стоялъ, тамъ онъ въ землю ушелъ,
Не сдержавъ богатырскаго норова,
Вмѣстѣ съ тягой земною въ рукахъ...
Тамъ—и мѣсто теперь Святогорово!..

9.

На горѣ, на крутой, до̀ сихъ поръ—
Тамъ, гдѣ бездна-оврагъ разверзается,
Камень-конь своего сѣдока
Больше тысячи лѣтъ дожидается...

10.

А кругомъ—только вѣтеръ шумитъ,
Вѣтеръ пѣсню поетъ неизмѣнную:
—„Не хвалился-бы ты, Святогоръ,
Приподнять-опрокинуть вселенную!..“

XX.

МАРА БЕЗУМНАЯ.

Разлюбилъ Марусю парень
Съ черными кудрями,
Позабылъ—какъ любовался
Карими очами.

Ждать-пождать, не видно хвата!
Слезы льётъ рѣкою,
Подружилась сиротинка
Съ лютою тоскою.

Колесомъ катится время!
Вотъ—канунъ Купала;
Ночь Иванова надъ лѣсомъ
Пологъ разостлала...

Вотъ пришла Маруся ночью
Въ темный лѣсъ на пчельникъ;
Обступилъ её косматый
Смолянистый ельникъ.

Въ небѣ мѣсяца не видно,
Звѣзды не сверкаютъ;
Только всюду между ульевъ
Свѣтляки мерцаютъ...

Лѣсъ шумитъ неугомонный,
Мечется зарница;
Словно лѣшій-пересмѣшникъ,
Стонетъ филинъ-птица.

Жутко дѣвкѣ горемычной,
Да любовь не шутитъ:
Душу жметъ она клещами,
Сердце баламутитъ...

И, слезами заливаясь
И вздыхая тяжко,
Заклинать лѣсную нечисть
Принялась бѣдняжка:

„Царь-Огонь, не жги поляну
Съ неба голубого!
Буйный вѣтеръ, не мечися
Вкругъ огня земного!

„Лучше—горькой сиротинкѣ
Службу сослужите:
Отъ меня тоску-кручину
Дальше унесите!

„Только горюшка лихого
Не топите въ морѣ,
Не развѣйте мелкой пылью
На степномъ просторѣ,—

„Вы его снесите парню
На село родное,
Въ бѣлу грудь ему вложите,
Влейте въ ретивое:

„Пусть ни днемъ, ни темной ночью
Отдыха не знаетъ,
Обо мнѣ одной крушится,
Думаетъ-гадаетъ!..“

Замолчала, видитъ—словно
Къ ней Ивась подходитъ,
Подошелъ, тряхнулъ кудрями,
Рѣчи съ ней заводитъ,—

Наклоняется къ Марусѣ,
Проситъ поцѣлуя:
„Не забылъ тебя, голубка...
Помню и люблю я!

„Обойми меня покрѣпче,
Поцѣлуй нѣжнѣе,
Посмотри въ глаза Ивасю,
Улыбнись скорѣе!...“

Сладки рѣчи огневыя,
Горюшко забыто...
Только вдругъ—всмотрѣлась дѣвка,
Видитъ: два копыта;

Не Ивась предъ нею—лѣшій...
Крикомъ закричала,
Отъ лѣсного баламута
Лѣсомъ побѣжала;

А за ней вдогонку грянулъ
Чей-то зычный хохотъ,
По вершинамъ прокатился
Стоголосный грохотъ...

Провожая сиротинку,
Разшумѣлся ельникъ:
„Ахъ, зачѣмъ ты приходила
Безъ креста на пчельникъ!

„Что̀ ты вѣтеръ заклинала!
Ты зачѣмъ молила,
Чтобы сердце у Ивася
По̀лымемъ спалило!..

„Безъ огня оно сгорѣло,—
Любушка другая
Зазнобила ретиво̀е,
Жарко обнимая...

„У разлучницы нежданной
Съ поволокой очи,—
Ярче полымя пылаютъ,
Глубже темной ночи;

„У Ивасевой зазнобы
Ласки вѣтромъ вѣютъ,
Отогнать тоску-кручину
Всякую съумѣютъ.

„Не тебѣ, не темной силѣ
Совладать со страстью,—
Цвѣтъ-огонь нашла красотка,
Сорвала по счастью.

„Ужъ не день, не два—Ивася
Любушка любила,—
На Купалу въ лѣсъ дремучій
И она ходила,

„Любисто̀къ-зарю искала
Съ перелётъ-травою,
Умывалась на разсвѣтѣ
Первою росою...

„Не въ лѣсу нашла Ивася,
Гдѣ—сама не знаетъ;
Только Свѣтлый Яръ обоихъ
Хмѣлемъ осыпаетъ!..“

Ничего не слышитъ дѣвка,
Словно вихрь несётся;
Громко смѣхъ ея веселый
Лѣсомъ раздаётся...

Съ этой ночи сердце бѣдной
Затемнило хмарой,
Стали всѣ её въ Полѣсьѣ
Звать безумной Марой...

XXI.

СТЕПЬ - УРОЧИЩЕ.

Черезъ всю-то Русь крещоную,
Безъ пути, да безъ дороженьки,
Разбѣгалась степь-урочище,
Пустошь-глушь непроходимая...

Выростала вёсну каждую
Въ той степи одна бурьянъ-трава;
Степь глушило безо времени
Чернобылье непролазное...

Проторяли въ немъ тропиночки
Сиромахи-волки стаями,
А надъ ними проносилося
Чёрно-вòронье съ мятелями...

Хоронилась сила-моченька—
Испоконъ-вѣковъ не тронута,
Ни сохою не распахана,
Острымъ плугомъ не ворòхнута...

Пропадала даромъ силушка—
Безъ заклятья въ кладь уложена,
Кладъ великій—мочь богатая,
Вѣковая, черноземная...

Ой, ты, степь-ли, степь-урочище,
Глухоморье запустѣлое!
Встань ты, выдь ты, утро ясное!..
Всплыло,—смотритъ красно солнышко...

Смотритъ солнце: ратью-рать идетъ,
Рать-дружинушка хоробрая,
Сила-воинство несмѣтное,
Ополченье богатырское...

Только чтой-то не мечи блестятъ,
Что-жъ не копья мурзамѐцкія,
Что-жъ не сабли, не булатныя,
Бранный стягъ не вѣетъ пò-вѣтру?!.

Видитъ солнце: слѣдомъ, зàлежью,
Тянутъ кони сохи, бороны;
Видитъ солнце: косы звонкія
Рѣжутъ пòдъ корень бурьянъ-траву...

Смотритъ солнышко: урочищемъ,
Новью поднятой-распаханной,
Бороздами проложòными
Идутъ странники съ кошницами...

Идутъ—сѣютъ, крестнымъ знаменьемъ
Осѣняютъ грудь могутную,—
Сѣютъ жито горстью-прѝгоршней—
Рожь, пшеницу бѣлоярую...

Видитъ солнце диво дивное:
Зеленѝ волнами зыблются,
Въ одночасье въ колосъ мечутся,
Одночасьемъ наливаются...

Гдѣ сейчасъ коса работала,
Тамъ—ковыль-трава высокая —
Словно скатерть, шелкомъ шитая —
Надъ покосомъ разстилается;

Ковылёмъ-травой шелкòвою—
Мелкой зернью понасыпаны,

Что узоры шемаханскіе,
Алы цвѣтики—лазоревы...

Смотритъ солнце: степью-нивою,
Вслѣдъ за ратью богатырскою,
Невеличка-рать веселая—
Гусляры̀ бредутъ, утѣшники...

То не звонъ, не красный звонъ, плыветъ,
То не волны бьются-плещутся,—
Вьется ласточкой-касаточкой
Пѣсня гуслей перекатная;

Взговорили мысли-гусельцы,
Самогуды говорятъ-поютъ;
Пѣсню ладятъ загусельщики
Староскладную, умильную:

„Исполать",—несется нивою;
„Исполать",—травою стелется,—
„Исполать вамъ, люди добрые,
„Исполать вамъ! Богъ вамъ на̀-помочь!..

„Ой, пропа̀сть-бы силѣ за̀лежью,—
„Да нашлась на силу силушка:
„Обернулась черноземная
„Вольной нивой колосистою!

„Слава Богу, слава на̀ небѣ,
„Осударю—на Святой Руси!
„Воеводѣ—честь, оратаю;
„Слава—пахарямъ-дружинникамъ!.."

XXII.

ПОЛОНЯНКИНА КОСА.

(Изъ волжскихъ сказаній.)

Справа—выступъ зеленой горы,
Слѣва—ѐтмель желтѣетъ косою;
Посрединѣ—синѣетъ рѣка,
Съ брега нà берегъ плещетъ волною.
И одинъ къ одному берега—
Всё тѣснѣй, да тѣснѣй съ каждымъ лѣтомъ...
Бродитъ Волгой, въ народѣ, разсказъ,—
Ходитъ вѣщее слово объ этомъ.
Молвитъ сказъ:

1.

...Въ стародавніе дни,
Въ позабытые дѣдами годы
Волга-матушка глубже была,
Вдвое шире синѣли здѣсь воды.

2.

На нагорномъ крутомъ берегу
Тёменъ-боръ поднимался до неба;
Въ немъ, отъ устья Оки до Суры,
Ни души не нашлося нигдѣ-бы.

3.

А на той, луговой, сторонѣ—
На широкомъ зеленомъ привольѣ—
Кочевала орда: было тамъ
Некрещоному люду раздолье.

4.

Завезли въ ту орду, невзначай,
Полонянку изъ Руси родимой.
Приглянулася хану краса:
Взялъ въ шатеръ свой—рабыней любимой.

5.

Да—собака—ей нѐлюбъ онъ былъ...
Какъ орда залегла на стоянкѣ
По заволжскимъ лугамъ,—не нашелъ
Ворогъ-лютъ молодой полонянки!

6.

Черной тучки чернѣе сидитъ
Въ опустѣломъ шатрѣ полотняномъ,—
Гнѣвенъ нѐхристь, опала его
Громомъ-громъ разразилась надъ станомъ...

7.

Не нашли и гонцы, не нашли,—
А вѣдь гдѣ-то, ужъ гдѣ ни искали!
„Обернулася птицей она,
„Улетѣла за Волгу!"—сказали.

8.

Ханъ не вѣритъ... Грозёнъ ханскій гнѣвъ,—
Только гнѣвъ-то не всѣмъ этотъ страшенъ,
Хоть тряслось отъ него на Руси
Много стѣнъ глинобитныхъ и башенъ.

9.

Упорхнула изъ клѣтки—ушла,—
Хоть не птицей краса улетѣла,—
Да ужъ больше поганой рукѣ
Не ласкать бѣлоснѣжнаго тѣла...

10.

Да ужъ больше-то волчьимъ глазамъ
Не смотрѣть бѣлой лебеди въ очи,
Что—синѣе, чѣмъ неба лазурь,
Глубже Волги, темнѣй полуночи.

11.

Нѣтъ, не будетъ насильникъ лихой
Расплетать косу русую эту!..
Ускользнула краса ввечеру,
Не хватились—до бѣлаго свѣту...

12.

Шла лугами, оврагами шла;
Шла болотомъ, въ водѣ по колѣна.
Ночь её прикрывала собой,
Звѣзды—путь ей казали изъ плѣна...

13.

Зорька къ Волгѣ ее привела,—
Ноги—въ кровь, ноетъ бѣлое тѣло;
Растрепалась коса; сонъ долитъ.
На лужокъ полонянка присѣла.

14.

Притаилась въ высокой травѣ,—
А трава-то ей пò-поясъ всюду!..
Отдохнула краса, поднялась,—
Ждётъ и молитъ спасенія-чуда.

15.

Хоть-бы ктò-нибудь съ той стороны
На ладьѣ къ ней подплылъ ненарокомъ,—
Ждетъ и молитъ, и плачетъ она,
Въ даль впилася тоскующимъ окомъ.

16.

Никого... Вдругъ всмотрѣлась—глядитъ
И себѣ не повѣрила сразу:
За рѣкою стоитъ человѣкъ,
И съ нея не спускаетъ онъ глазу.

17.

Кàкъ могла разглядѣть въ немъ того,
Съ кѣмъ неволя ее разлучила,—
Съ кѣмъ лишь зà-день до плѣна она
Вкругъ налоя во храмѣ ходила?!.

18.

Распознала... „Желанный! Иду!..“
И—стремглавъ прямо въ Волгу съ откосу...
Волны обняли жарко ее;
Вѣтеръ треплетъ ей косыньку-косу.

19.

Силъ не стало ей плыть; а назадъ
Возвращаться—и этого хуже...
„Соколъ ясный, тону! Помоги!“—
Кликомъ кличетъ любимаго мужа.

20.

И—въ послѣдній разъ очи открывъ,
Увидала, что вмѣстѣ съ горою
Къ ней навстрѣчу идетъ онъ—спѣшитъ;
И ее захлестнуло волною...

21.

Скòро свидѣлась съ милымъ она—
Въ тотъ-же часъ,—да не тàмъ, гдѣ молила:
Спать его каленàя стрѣла
Въ чистомъ полѣ давно уложила!

22.

Утонула... Песокъ затянулъ;
Только сладить не могъ онъ съ косою:
Стала кверху всплывать—поднимать
И его изъ воды надъ собою.

23.

Съ каждымъ лѣтомъ коса—всё длиннѣй;
Что ни годъ—Волга мельче да уже;
Всё тѣснѣе, тѣснѣй берега.
И никто не пойметъ—почему-же...

24.

Только старый таинственный сказъ,
Словно странникъ съ клюкою, въ народѣ
Ходитъ-бродитъ, пророча порой,
Что въ грядущемъ, незнаемомъ, годѣ—

25.

Перекинется отмель-коса
Прямо къ выступу, встрѣтится съ кручей
И обнимется съ нею навѣкъ:
Вспять бѣжать съ тѣхъ поръ Волгѣ могучей!..

...Словно сдавлена Волга-рѣка,
Въ оба берега бьется волною.
Справа—выступъ зеленой горы;
Слѣва—стелется отмель косою...
И невольно, при взглядѣ на нихъ,
Вспоминаешь судьбу полонянки,
Убѣжавшей къ милому на Русь
Изъ-за Волги съ ордынской стоянки...

XXIII.

СОЛНЕЧНЫЕ ЗАИГРЫШИ.

(Веснянка.)

1.

На Христово Воскресенье,
Въ безднахъ неба-океана,
Солнце красное играетъ
На восходѣ ранымъ-рано.

2.

Солнце заигрыши ладитъ,
Плясъ заводитъ надъ землею—
Къ новой жизни воскресая
Вмѣстѣ съ новою весною...

3.

Какъ заутреню отслужатъ,
Отпоютъ обѣдню въ храмѣ,
Чуть разсвѣтъ зардѣетъ алый
Надъ широкими полями,—

4.

Собираются толпою
На бугры и на пригорки
Всѣ, кто къ вёснамъ сердцемъ чутки,
Кто глазами дальнозорки...

5.

Добрыхъ молодцевъ здѣсь—вдоволь,
Краснымъ дѣвушкамъ—нѣтъ счета;
И дѣвчатъ, да и мальчишекъ
Посмотрѣть беретъ охота...

6.

Всѣ бѣгутъ, безъ передышки,
За деревни и за сёла
Любоваться вешнимъ чудомъ—
Пляской солнечной веселой!..

7.

Ждать недолго... Выплываетъ
Изъ-за горъ-горы денница.
Или это искры мечетъ,
Машетъ крыльями жаръ-птица?!.

8.

Солнце тѣшится-играетъ...
Красну-солнышку въ угоду—
Запѣвало пѣснь заводитъ
Развеселому народу.

9.

Мигомъ дѣвушки подхватятъ,
Парни голосомъ подтянутъ,
Дружнымъ ладомъ хоровую
По веснѣ впервые грянутъ.

10.

И звенятъ, плывутъ и льются,
Съ колокольнымъ краснымъ звономъ,
Пѣсни красныя—„веснянки“
По лугамъ и по услонамъ...

11.

Только въ полдни разойдутся
По дворамъ; какъ вечеръ—снова
Соберутся хороводомъ
Посреди села родного...

12.

Спѣлся кто ладкомъ о Пасхѣ,—
Ѳоминой и свадьбу ладитъ;
И для паръ, для сговоренныхъ,
Долъ весна цвѣтами рядитъ...

13.

Всю недѣлю веселятся
Вплоть до самой Красной Горки
Всѣ, кто къ вёснамъ жизни чутки,
Всѣ, кто сердцемъ—дальнозорки...

14.

Для невѣстъ и солнце жарче
Свѣтитъ-блещетъ ранымъ-рано
На Христово Воскресенье
Въ безднахъ неба-океана...

XXIV.

ИЗГОЙ.

(Старое сказанье.)

Сказъ первый.

Князь-Юрью, изгою, обидъ не снести,—
Замучила дума изгоя:
Отъ горькаго срама ему не уйти,
Нѣтъ княжьей гордынѣ покоя...

У смердовъ рука на него поднялась,—
Свой ставленникъ смердамъ не дорогъ!
Поблажку давалъ, всѣмъ былъ „батюшка-князь“;
Мирволить не сталъ—„лютый ворогъ“...

Слышь, вирой зорилъ ихъ, былъ норовомъ крутъ,
Отъ правды-де шелъ онъ далече...
Волёнъ-ли надъ княземъ безсудный твой судъ,
Псковскóе мужицкое вѣче?!..

Такъ нѣтъ-же, не быть, не бывать по сему,—
Князь Юрій на столъ свой вернется;
Лихая обида—народу всему
Больнѣе еще отзовется!..

И мчится изгой на конѣ вороном
За дальнія грани и межи;
И думаетъ Юрій: „Не хочешь добромъ—
Неволей поклонишься мнѣ-же!..“

Сказъ второй.

Привелъ на своихъ лиходѣевъ изгой,
Привелъ басурманскія рати;
Изъ дебрей лѣсныхъ полунòчной порой
Ко Пскову подкрались, какъ тати;

И стѣны со всѣхъ обложили сторонъ;
А въ городѣ—ночью не спали:
Надъ нимъ расплывался всполохомъ трезвонъ,
Въ церквахъ—на молитвѣ стояли...

Молились усердно попы-чернецы,
Молились бояре и гости,—
Стрѣлой облетѣло пятины-концы,
Что вороги жалуютъ въ-гости!

„Умремъ—не отворимъ ворота вовѣкъ
Насильнику, князю-изгою!“—
Клялся весь народъ, какъ одинъ человѣкъ,
Готовясь къ сидѣнью и къ бою...

Ночь—выколи глазъ!.. Не видать-бы ни зги,
Когда-бъ не пылали посады,
Когда-бъ деревень не палили враги!
Пожаръ—былъ кануномъ осады...

Сказъ третій.

Лилась надъ рѣкою Великой заря,
Надъ Зàпсковьемъ пàзори плыли;
И солнце взошло—первый день озаря
Псковскòй приснопамятной были...

„Князь-Юрью осадою стѣнъ заправлять:
Ему каждый камень въ нихъ вѣдомъ!“—
Вожди порѣшили... И сталъ снаряжать
Осаду изгой, тѣмъ-же слѣдомъ...

Былъ князь въ ратномъ дѣлѣ зѣло искушонъ:
На приступъ ударился съ тыла,—
Тамъ буйному Пскову великій уронъ
Могла нанести вражья сила!..

Догадливъ и свѣдомъ обиженный князь,—
Недаромъ сидѣлъ онъ во Псковѣ:
Ужъ башня воротъ подъ тараномъ тряслась,
Ужъ рѣки струилися крови!

Не долго-бъ и стѣнамъ дѣтинца стоять
Подъ Юрьевымъ натискомъ вражьимъ,—
Да вдругъ отошла басурманская рать,
Словамъ повинуяся княжьимъ...

Сказъ четвертый.

„На Русь, на святую, ты нѐрусь ведешь“,
Онъ слышитъ, откуда—не зная,—
„Славянскую доблесть врагу продаешь,
О славѣ родной забывая...

„Обидѣли крѣпко тебя псковичи;
А вспомни, кàкъ правилъ ты ими?
На Юріѣ-князѣ обиду ищи:
Твое обезчестилъ онъ имя!

„Онъ—ворогъ твой лютый!..“
Смутился изгой:
Обидчика дерзкаго взоры

Напрасно искали-бы всюду съ тоской,
А сердце—всё слышитъ укоры:

„Ты выместишь злобу. Но минетъ черёдъ,—
Отмстятъ и псковскія твердыни,
Князь-Юрью отвѣтитъ родимый народъ
Проклятьемъ до вѣка отнынѣ!

„Ты злобою грозенъ, Псковъ—правдой богатъ...
Опомнись! Одумайся, княже!..
— „Назадъ!“
И враги отступили назадъ
И встали у лѣса на стражѣ...

Сказъ пятый.

„Заутра на приступъ, и—нашъ старый Псковъ!“
Князь молвилъ своимъ басурманамъ.
Вотъ, новое утро встрѣчаетъ враговъ
На небѣ пожаромъ багрянымъ...

„Гдѣ князь, гдѣ князь Юрій?!..“
Нѣтъ князя совсѣмъ:
Изъ стана полу́ночью темной
Пробрался онъ въ Псковъ—не услѣженъ никѣмъ,
Подъ рясою инока скромной.

Псковичъ на врага и нахлынулъ съ зарей—
Всѣмъ городомъ—дружно и смѣло;
И шелъ впереди черноризецъ-герой,
Замысливший тайное дѣло...

Погибнуть-бы Пскову! Погибъ, да не онъ:
Враги-басурмане бѣжали—

За крѣпи лѣсныя, за горный услонъ...
Гдѣ былъ побѣдитель—не знали...

Не могъ онъ тоски покаянной снести,
Обиду свою успокоя!
И прянулъ князь Юрій въ стремнину рѣки,
И—приняли волны изгоя...

XXV.

ПѢСНЯ РУСАЛОКЪ.

1.

Только западъ заря зарумянитъ,
И поднимется паръ изъ болотъ,
Только мѣсяцъ, блѣднѣя, проглянетъ
Въ глубинѣ темносинихъ высотъ,—

Мы выходимъ изъ дремлющихъ водъ:
До полўночи—играмъ конца нѣтъ!

2.

Перевивъ косы-кудри вѣнками
Изъ купавицъ—красавицъ рѣчныхъ,
Мы толпою идемъ берегами,
Топчемъ зелень ковровъ луговыхъ.

Смотрятъ звѣзды на насъ, мы—на нихъ;
Звѣзды въ руки намъ сыплются сами.

3.

Столько пѣсенъ мы знаемъ чудесныхъ—
Сколько листьевъ у насъ въ лознякѣ,
Сколько звѣздъ лучезарныхъ небесныхъ,
Сколько волнъ пробѣгаетъ въ рѣкѣ;

Въ нашихъ пѣсняхъ—нѣтъ мѣры тоскѣ;
Бездна грезъ въ нихъ, землѣ неизвѣстныхъ.

4.

Въ нихъ сливаются съ вòлнами смѣха
Волны стона; имъ вторитъ всегда
Чуткихъ горъ перекатное эхо;
Въ ладъ имъ плещетъ-струится вода...

Прозѣвàетъ рыбакъ неводà:
Рыбье счастье—русалья потѣха!

5.

Берегися, рыбакъ, если молодъ,—
Не плыви къ намъ на пѣсни, глупецъ:
Зазнобитъ сердце нà-смерть ихъ холодъ,
Въ немъ—отрава для пылкихъ сердецъ...

Не погибнешь въ волнахъ, удалецъ,
Такъ уйдешь—весь тоскою исколотъ!

6.

Къ намъ плыветъ... Мы всю зàводь взволнуемъ
Мы заманимъ его въ камыши;
Мы заманимъ его—зачаруемъ,
Выпьемъ зной молодецкой души;

Смѣльчака мы утопимъ въ глуши,
Напоивъ до-пьянà поцѣлуемъ.

7.

А потомъ вмѣстѣ съ полночью—въ воду...
Станемъ жемчугъ по дну собирать,
Водяного ласкать воеводу,
Цѣловать старика, миловать,—

Скатный жемчугъ на нитки низать
Водяной воеводшѣ въ угоду.

8.

Будемъ ждать мы: вотъ утро заглянетъ
Въ лоно темное сумрачныхъ водъ;
День придетъ, день томиться устанетъ,
День на отдыхъ пойдетъ отъ заботъ...

Будетъ ждать-поджидать хороводъ:
Скоро-ль западъ заря зарумянитъ!..

XXVI.

ЦАРЕВЪ КУРГАНЪ.

(Изъ сказаній о камскихъ болгарахъ.)

1.

По нраву пришлось это мѣсто царю,—
А шелъ онъ съ низо̀въ изъ походу:
Отсюда, изъ стана, онъ видѣлъ зарю,
Съ горы нисходящую въ воду.

2.

Отсюда—съ приволья поёмныхъ луговъ—
На синюю матушку-Волгу
Съ зеленою цѣпью лѣсистыхъ бугровъ
Онъ могъ любоваться по-долгу.

3.

Не могъ наглядѣться и до̀-сыта онъ
На крѣпь Жегулей вѣковую,
На волжскаго плёса широкій затонъ,
На за̀вѣсь небесъ голубую.

4.

Готовъ-бы сидѣть онъ съ утра до утра,
На мигъ не смыкаючи взоровъ,
Сидѣть—любоваться, подъ сѣнью шатра,
Красою лѣсныхъ косогоровъ.

5.

„О, что здѣсь за дали! О, что за мѣста!
Подобна великому чуду
Разлитая волей небесъ красота
Во всемъ здѣсь—кругомъ и повсюду!..

6.

„О, если-бъ мой царскій престолъ не стоялъ
На Камѣ, въ Великихъ Болгарахъ,—
Сюда-бы вельможъ и купцовъ я созвалъ,
Народъ весь—отъ малыхъ до старыхъ!

7.

„Построилъ-бы здѣсь стольный городъ себѣ,
Вознесъ-бы надъ Волгой палаты
И царствовалъ въ нихъ-бы на диво судьбѣ—
Величіемъ правды богатый!

8.

„Отсюда смирялъ-бы я злобу хозаръ,
Законы давалъ-бы касогамъ;
И—громомъ гремѣло-бы имя болгаръ
По волжскимъ нагорнымъ отрогамъ!

9.

„Но время-ль раздумью?!. Ужъ ропщутъ войска
Тоскуя надъ Волгой по Камѣ...
Пора—въ путь-дорогу! Лихая тоска
Не кинется-жъ слѣдомъ за нами!

10.

„Простите, привольныя дали луговъ!
Прощайте, зеленыя горы!..“
И царь былъ печали предаться готовъ;
Но вдругъ—оживилися взоры.

11.

Сверкнулъ онъ очами, взялъ турій твой рогъ,
Кличъ кликнулъ несмѣтнымъ дружинамъ
И всталъ передъ ними—привѣтливъ и строгъ
Окинувъ всѣхъ взглядомъ орлинымъ:—

12.

„Съ зарею сѣдлать звонконогихъ коней.
Шатрами сниматься пора̀ намъ!
Но пусть знаютъ всѣ, что владыка царей
Стоялъ здѣсь съ дружиною станомъ!

13.

„Дружинники-други, по горсти одной,—
Дружинники-други, внемлите,—
По горсти земли надъ могучей рѣкой,
Гдѣ былъ мой шатеръ, положите!..“

14.

Весь берегъ покрытъ былъ шатрами окрестъ.
И вотъ—на призывъ властелина,
Во славу красы покидаемыхъ мѣстъ—
Взялась за работу дружина.

15.

Съ зарею—высокій бугоръ земляной
Горою вздымался предъ станомъ...
Вѣка пролетали надъ Волгой родной,
Но онъ—не исчезъ: онъ стоитъ надъ рѣкой,
Слыветъ онъ Царёвымъ Курганомъ!..

XXVII.

СОСѢДИ.

Морозъ себѣ палаты
Построилъ между горъ,
Въ серебряныя латы
Одѣлъ дремучій боръ,—

Узорами иголокъ
Отъ елей вѣковыхъ
Расшилъ парчовый пологъ
Изъ тканей снѣговыхъ.

Гуляя на свободѣ,
Затѣйница-мятель
Постлала воеводѣ
Пухо̀вую постель...

Отъ скуки и отъ злости
Не спится старику,—
Пошелъ онъ ночью въ-гости
Къ сосѣду-лѣснику...

Тотъ старъ, какъ эти ели,—
Не помнитъ самъ, когда
Всѣ кудри побѣлѣли...
Да это не бѣда!

Огня, да силы хватитъ:
Двумъ мо̀лодцамъ подчасъ
Не сладить,—дѣдъ подхватитъ—
Готово въ добрый часъ!

Стучитъ Морозъ клюкою
Въ избушку, а въ отвѣтъ:
—„Эхъ, время-то какое,
Морозовъ даже нѣтъ!..“

Досадно и обидно
Морозу, а не въ мочь
Съ сосѣдомъ сладить, видно:
Идетъ воитель прочь!

Весь лѣсъ предъ нимъ трясется,
Поклоны отдаетъ;
„Косой“ стремглавъ несется:
Далёко не уйдетъ!

Стучитъ Морозъ, грохочетъ
На всю лѣсную ширь;
А дѣдъ въ избѣ хохочетъ:
— „Ну, горе-богатырь!..

„Такіе-ли бывали
Морозцы иногда,
Да мы не горевали
Въ старинные года!..“

Старикъ и самъ не прòмахъ,—
Слѣдитъ въ лѣсу за всѣмъ,
Живетъ въ лѣсныхъ хоромахъ,
Не знаяся ни съ кѣмъ.

Отъ взгляда съ черной думой —
Бросаетъ всѣхъ въ ознобъ;
Бороться съ нимъ не думай,
Уложитъ сразу въ гробъ!

Сродни онъ зимней вьюгѣ
Въ своемъ краю родномъ,

Слыветъ по всей округѣ
Могучимъ колдуномъ,—

Живетъ среди природы
Безъ малаго сто лѣтъ
Мороза-воеводы
Соперникъ и сосѣдъ.

XXVIII.

ВѢЧНЫЕ ВСАДНИКИ.

1.

Въ пространствѣ временъ безконечныхъ,
Летящихъ впередъ и впередъ,
Одна вѣковѣчная смѣна
Свершается изъ году въ годъ...

2.

Морозною зимнею ночью,
Въ завѣтный полуночный часъ,
Два всадника ѣдутъ дорогой—
Въ концѣ и въ началѣ за-разъ;

3.

Два всадника—Черный и Бѣлый:
Старикъ изнуренный, сѣдой
И юноша бодрый и сильный—
Съ отвагой въ груди молодой...

4.

Одинъ—на заѣзженой клячѣ,
Торопится скрыться во тьмѣ;
Другой—на конѣ богатырскомъ,
Лишь свѣтъ у него на умѣ...

5.

Не слышно, не видно погони
За дряхлымъ больнымъ бѣглецомъ,—
Но бьется тревогою сердце
Подъ чернымъ дырявымъ плащомъ:

6.

Боится старикъ оглянуться,—
„Скорѣй-бы, скорѣе съ земли!..“
А Бѣлый—давно показался
Въ сіяющей свѣтомъ дали.

7.

Горятъ соколиныя очи;
Отвага и сила въ груди;
Такъ много отваги и силы,
Такъ много надеждъ впереди!

8.

И бодро, и весело ѣдетъ
На бо̀рзомъ конѣ богатырь;
И манитъ его, и чаруетъ
Земли неоглядная ширь...

9.

„Эхъ, не съ кѣмъ помѣряться силой!..“
Постой, удалецъ молодой!
Вѣдь годъ, только годъ, покататься
Тебѣ по дорожкѣ земной!..

10.

А тамъ—въ заповѣдную полночь—
Безсильнымъ сѣдымъ старикомъ
Ты такъ-же, какъ Черный, поѣдешь
На клячѣ усталой верхомъ.

11.

И такъ-же ты будешь томиться:
„Скорѣе, скорѣй-бы съ земли!..“
И новый покажется юный
Ѣздокъ въ озаренной дали...

12.

Не вѣдая устали, время
Летитъ—все впередъ да впередъ;
И лѣтъ вѣковѣчная смѣна
Свершается изъ году въ годъ!..

XXIX.

НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ.

1.

Послѣ буйнаго набѣга
Возвращался атаманъ
Съ шестерыми молодцами
Въ свой лѣсной заволжскій станъ.

2.

Слышно—выслалъ воевода
Сотню цѣлую стрѣльцовъ,
Съ огнестрѣльнымъ дальнимъ боемъ,
На поимку удальцовъ.

3.

И пришлося по-неволѣ
Выбрать новые пути—
Тамъ, гдѣ можно тихомолкомъ
И отъ зоркихъ глазъ уйти...

4.

День-деньской, безъ передышки,
Держатъ кони тяжкій путь;
Ѣдутъ лѣсомъ:—„Стой, ребята!
Можно здѣсь поотдохнуть!..

5.

„Притомились руки, ноги,—
Дальше тронуться не въ мочь;
Лѣсъ не выдастъ, ночь прикроетъ,—
Вмѣстѣ съ зорькой завтра—прочь!..“

6.

Шайка спѣшилась, пустили
Къ стогу бо̀рзыхъ гривачей;
И вокругъ костра заснули
Всѣ не спавшіе ночей...

7.

Но не спится атаману,—
И не спится не спроста:
Смотритъ онъ и видитъ—словно
Все знакомыя мѣста...

8.

„Неужели?!"—Всталъ онъ, гля̀нулъ,
Цѣликомъ пошелъ впередъ,
Видитъ: словно и дорога
Также на̀ гору идетъ...

9.

Вотъ и онъ—не воръ-разбойникъ,
А пригожій молодецъ,
Въ барской дворнѣ первый щеголь,
Запѣвало-сорванецъ...

10.

Ночь; морозъ... Но что-жъ ему-то
Такъ свѣтло и горячо?—
Красна-дѣвица склонилась
Головою на плечо,—

11.

Обняла его и шепчетъ
Полюбовныя слова,
Отъ которыхъ и безъ хмѣлю
Захмѣлѣетъ голова...

12.

—„Ладно, дѣвка!..“—молвитъ парень:—
„Праздникъ будетъ и у насъ,
Справимъ свадьбу послѣ святокъ
Мы съ тобою въ добрый часъ!..“

13.

Святки минули, да только
Дѣло къ свадьбѣ не пришло,—
Отъ разлапушки-зазнобы
Парня вихремъ унесло...

14.

Запримѣтилъ и бояринъ
Между дѣвушекъ сѣнныхъ
Ту, чьи взгляды въ жаръ бросали
Стариковъ и молодыхъ;

15.

День прошелъ, женихъ вчерашній
Очутился въ кандалахъ,
А невѣста—ну, о ней-то
Не разскажешь въ двухъ словахъ...

16.

Говорили, послѣ, въ дворнѣ,
Что надъ омутомъ рѣки
Въ камышахъ её русалкой
Часто видятъ рыбаки...

17.

Покатилъ въ Москву бояринъ
И даетъ приказъ такой,
Чтобы выпустили парня...
Вышелъ парень,—самъ не свой...

18.

И пропалъ... Но вскорѣ съ Волги
Долетѣла до села
Вѣсть, что новая ватага
Удальцовъ туда пришла,—

19.

Что подъ самымъ подъ Симбирскомъ
Чернобровый атаманъ
Съ шестерыми молодцами
Разгромилъ весь караванъ...

20.

Пронеслись былого тѣни
И растаяли, какъ дымъ;
На-яву—мѣста родныя
Передъ соколомъ лихимъ.

21.

Садъ боярскій надъ рѣкою,—
Обошелъ его кругомъ:
Видитъ—окна всѣ въ хоромахъ
Такъ и искрятся огнемъ.

22.

„Не съ гостями-ли пируетъ
Мой старинный лиходѣй?!.“—
Сорвалось у атамана,—
„Посмотрѣть пойти скорѣй!

23.

Подошелъ, глядитъ: двѣ тройки
Уѣзжаютъ отъ воротъ,
На крыльцѣ гостямъ хозяинъ
Свой поклонъ прощальный шлетъ...

24.

Не успѣло минуть часа,
Какъ среди лѣсныхъ полянъ,
У костра, будилъ удàлыхъ
Чернобровый атаманъ:

25.

„Полно спать! Вставайте, братцы!
Чтò въ снѣгу намъ ночевать,
Если можно безъ помѣхи
И въ хоромахъ пировать?!.

26.

„Вспомнилъ я: здѣсь недалёко
У меня пріятель есть...
Отчего-же у него намъ
Темной ночки не провесть?!.

27.

„Крѣпко мы поотощали,
А въ боярскихъ кладовыхъ
Всякой снѣди, винъ и браги
Хватитъ не на семерыхъ!..“

28.

Мигомъ кони долетѣли
До разубранныхъ хорòмъ;
Гости спѣшились,—въ покои
Смѣло йдутъ въ-семерòмъ...

29.

—„Здравствуй! Чтой-то не встрѣчаешь?
Али друга не призналъ?!.
Угощай гостей заѣзжихъ,
Подавай—чтò Богъ послалъ!

30.

„А не то—тебѣ гостинецъ
Подарю тогда я свой...
Ну, да что̀ намъ время тратить
Понапрасному съ тобой?!.

31.

„Ты—сядь съ нами, гостемъ будешь!..
Намъ не жалко!..“
И за столъ
Старика съ собою рядомъ
Усадилъ, и—пиръ пошелъ...

32.

„Пей, пригубь хоть!..“
И съ поклономъ
Романеи цѣлый жбанъ
Предъ бояриномъ поставилъ
Чернобровый атаманъ:

33.

„Не пужайся! Захмѣлѣешь,—
Такъ и это не бѣда:
Можетъ, больше не придется
Погулять такъ никогда!..

34.

„Ну-ка, братцы! Помогайте
Гостя честью угостить!..“
И бояринъ, по-неволѣ,
Не хотѣлъ, да началъ пить,—

35.

Захмѣлѣлъ и головою
Онъ упалъ на браный столъ.
Гости пили, пѣли гости;
Кто-то даже въ плясъ пошелъ...

36.

—„Знатно время скоротали!“—
Поднялся вдругъ атаманъ:—
„О такихъ гостяхъ хозяинъ
Будетъ помнить, хоть и пьянъ!..

37.

„Спитъ, сердешный,—уморился,
Таетъ—ровно вешній снѣгъ...
Разбудилъ-бы, да не стòитъ...
Доживай! Корòтокъ вѣкъ...

38.

„Ничего не брать, ребята!..
На коней...“
И въ тотъ-же мигъ
Скрылись гости... Вьюга снѣгомъ
Замела дорожку ихъ.

XXXI.

ЦАРЕВНИНЪ МОСТЪ.

1.

Высокò надъ облаками,
Гдѣ и ночь—какъ день—свѣтла,
Возвышалася угрюмо
Неприступная скала.

2.

На скалѣ высокій теремъ
Поднимался въ небеса;
Въ пышномъ теремѣ томилась
Полонённая краса.

3.

Заключилъ въ него царевну
Злой волшебникъ-чародѣй
И заклятьемъ вѣковѣчнымъ
Съ ней простился, лиходѣй...

4.

Что ни вздумаетъ царевна,
Мигомъ всё предъ нею тутъ;
Для нея въ точёныхъ клѣткахъ
Птицы райскія поютъ;

5.

По царевнину хотѣнью,
Гусли струнныя звучатъ;
Для нея—съ рѣзныхъ курильницъ
Льется дивный ароматъ;

6.

Вдоволь—сѐребра и злата;
Сладки яства, мёдъ хмѣльнòй...
Только въ теремѣ не видно
Ни одной души живой...

7.

День-деньской краса сидѣла
У косящата окна
Во собольей душегрѣйкѣ—
Одинока и грустна.

8.

Горько плакала царевна,
Разливалася ручьёмъ,—
Изъ очей ея прекрасныхъ
Слёзы падали дождемъ.

9.

Падь бездонная темнѣла
Передъ ней; вокругъ скалы
Пролетали на просторѣ
Только вольные орлы.

10.

А за пропастью—другая
Поднималася скала,
Неприступная твердыня—
Словно горный снѣгъ бѣла.

11.

Изъ-за той скалы, къ закату,
Солнца краснаго лучи
Въ свѣтлый теремъ пробирались—
Точно пламя горячи...

12.

Вотъ, однажды изъ оконца
Любовалася краса,
Какъ зари румянцемъ алымъ
Заливало небеса;

13.

Вдругъ—глядитъ, глазамъ не вѣритъ:
На крутой скалѣ другой—
Добрый молодецъ кудрявый...
Брови черныя дугой,

14.

Щеки рдѣютъ, кудри вьются,
Очи звѣздами горятъ,—
Прямо въ душу проникаетъ
Соколиный зоркій взглядъ...

15.

Смотритъ бѣдная царевна
На красавца; а у ней
Подъ собольей душегрѣйкой
Сердце бьется всё сильнѣй.

16.

Разгасилось молодое
Бѣлоснѣжное лицо...
Встала, вышла полонянка
На тесовое крыльцо,—

17.

Постояла на крылечкѣ,
Оглянулася кругомъ
И надъ пропастью взмахнула
Аксамитнымъ рукавомъ...

18.

Диво дивное свершилось:
Черезъ бездну мостъ повисъ,
Семицвѣтной яркой лентой
Перегнулся сверху внизъ.

19.

Черезъ мостъ спѣшитъ красавецъ
Добрый молодецъ лихой,—
Подошелъ къ царевнѣ смѣло,
Охватилъ ей станъ рукой...

20.

— „Здравствуй!"—молвилъ; въ очи смотритъ.
Яснымъ соколомъ глядитъ...
„Кто ты, мо̀лодецъ кудрявый?"
— „Я—царевичъ!"—говоритъ.

21.

Повела царевна гостя
Въ свѣтлый теремъ, гдѣ потомъ
До утра онъ передъ нею
Пѣлъ залётнымъ соловьемъ,—

22.

Ранней зорькой распростился,
Обѣщалъ не забывать,
Посулилъ—съ закатомъ солнца
Каждый вечеръ навѣщать...

23.

День прошелъ, другой; нѣтъ гостя!
Снова плачетъ у окна
Полонянка молодая—
Одинока и грустна:

24.

Изъ очей ея прекрасныхъ
Слезы катятся ручьемъ,
На подгорныя долины
Частымъ падаютъ дождемъ.

25.

Но—опять красавецъ-соколъ
Показался надъ скалой,
И—опять повисъ надъ бездной
Мостъ воздушный расписной...

26.

Съ той поры такъ всѣ и знаютъ:
Если дождикъ ливмя-льетъ,—
Плачетъ плѣнная царевна,
Въ свѣтлый теремъ гостя ждетъ;

27.

Если-жъ мостъ виситъ на небѣ
Семицвѣтною дугой,—
То спѣшитъ къ царевнѣ въ-гости
Младъ-царевичъ удалой...

28.

Стародавнее сказанье
И теперь хранитъ народъ:
Семицвѣтный мостъ царевнинъ
Свѣтлой радугой зовётъ.

XXXII.

КРАСНАЯ ВЕСНА.

I.

То не бѣлая купавица
Расцвѣла надъ синью водъ,—
Съ Красной Горки раскрасавица,
Ярью-зеленью, идетъ.

Пава-павой, поступь ходкая,
На ланитахъ—маковъ-цвѣтъ,
На устахъ—улыбка кроткая,
Свѣтелъ-радошенъ привѣтъ.

Красота голубоокая,—
Глубже моря ясный взглядъ,
Шея—кипень, грудь высокая,
Руса-косынька—до пятъ.

Лѣтникъ—прàзеленъ, оборчатый—
Облегаетъ стройный станъ;
Голубой подъ нимъ, узорчатый
Аксамитный сарафанъ...

За повязку, зернью шитую,
Переброшена фата:
Ото взоровъ неукрытою
Расцвѣтаетъ красота...

Ни запястій, ни мониста нѣтъ,
Ожерелій и колецъ;
И безъ нихъ-то взглянешь—выстынетъ.
Сердце, выгоритъ въ конецъ!

Слѣдомъ, всюду, за дѣвицею,—
Ступитъ красная едва,—
Первоцвѣтомъ, медуницею
Запестрѣетъ мурава.

Гдѣ прошла краса,—дѣлянками
Цвѣтъ-подснѣжникъ зажелтѣлъ;
Стелетъ лѣсъ предъ ней полянками
Ландышъ, руту, чистотѣлъ.

Въ темномъ лѣсѣ, на левадѣ-ли,
По садамъ-ли,—соловьи
Для нея одной наладили
Пѣсни первыя свои...

Чу, гремятъ: „Иди, желанная!
„Будь привѣтлива-ясна!
„Здравствуй, гостья богоданная!
„Здравствуй, Красная Весна!“

II.

Знай—спѣшитъ, идетъ безъ роздыху
Раскрасавица впередъ:
Отъ нея—волной по воздуху—
Радость свѣтлая плыветъ.

Птичьи пѣсни голосистыя
Переливами звенятъ;
Травы-цвѣтики душистые
Льютъ медвяный ароматъ.

Сыплетъ солнце дань богатую—
Злато-серебро лучей—
Въ землю, жизнью тороватую,—
Ослѣпляетъ взоръ очей;

Проникаютъ въ глубь подземную—
Чудодѣйно-горячи,—

Выгоняютъ подъяремную
Силу вешнюю лучи.

Выбиваетъ сила вòлнами,
Расплывается рѣкой,—
Силу прйгоршнями полными
Черпай смѣлою рукой!

Набирайся мочи нà-лѣто
По веснѣ, родимый край!
Всюду силы стòлько налито,—
Сила плещетъ черезъ-край!..

То не заревомъ отъ пламени
Утромъ пышетъ даль, горя,—
Въ зеленѣющія рàмени
Льются золота моря.

Лѣсъ дремучій, степь раздольная,
Хлѣбородныя поля,—
Дышетъ силой вся привольная
Неоглядная земля...

Что ни день—то ароматнѣе
Духовитые цвѣты;
Что ни пядь—всё необъятнѣе
Чары вешней красоты...

Всё звончѣй, звончѣй крылатая
Пѣсня, въ честь ея, слышна:
„Расцвѣтай, красой богатая,—
„Царствуй, Красная Весна!..“

III.

Въ полномъ цвѣтѣ—раскрасавица,
Заневѣстилась совсѣмъ,—
Всѣмъ купавицамъ—купавица,
Алый розанъ—розамъ всѣмъ!

Закраснѣлся лѣсъ шиповникомъ,
Въ незабудкахъ—всѣ луга,
Розовѣетъ степь бобовникомъ;
Въ небѣ—радуга-дуга.

Время къ Троицѣ... Далёко-ли
Праздникъ дѣвичій—Семикъ!
По низинамъ-ли, высо̀ко-ли,—
Всюду зеленъ березнѝкъ...

Заплетать вѣнки-бы, за̀годя,
Краснымъ дѣвушкамъ себѣ,—
Ужъ пора гадать на заводи
О негаданной судьбѣ!

Вётлы—по̀лны чернымъ галочьемъ;
Возлѣ вётелъ, въ тальникѣ,
Ночью выкликомъ русалочьимъ
Кто-то кличетъ на рѣкѣ...

Впрямь—русалки по-надъ во̀дами
Плясъ заводятъ по ночамъ,—
Тѣшатъ сердце хороводами
На соблазнъ людскимъ очамъ.

То онѣ—порой вечернею,
Выплывая тамъ и тутъ,
Надъ водой, повитой чернію,
Зелень косъ своихъ плетутъ...

Семь ночей—въ Семикъ—положено
Вспоминать былое имъ,—
Такъ судьбою наворожено,
А не знахаремъ мірскимъ!

Семь ночей имъ—въ волю вольную
Пѣть-играть у береговъ,

Жизнь посельскую-попольную
Зазывать къ себѣ съ луговъ...

И по логу неоглядному
Семь ночей ихъ пѣснь слышна:
„Уступай-ка лѣту страдному
„Царство, Красная Весна!..“

XXXIII.

МОГИЛА ТРОИХЪ.

(Киргизская пѣсня.)

I.

Ты видишь пустынныя горы вдали,
Далекія бѣлыя горы?
За ними—зелёныя степи легли,
Чаруя собою всѣ взоры...

А черную сопку въ горахъ мѣловыхъ
Ты видишь?!. Въ степяхъ называютъ
Её—неприступной „Могилой Троихъ,—
Надъ ней духи смерти летаютъ...

Не любятъ киргизы холодной зимы;
Чуть землю обниметъ сѣдая,—
Всѣ ждутъ—не дождутся, когда изъ тюрьмы
Вернется весна молодая.

Раскинетъ Аллахъ свой весенній шатеръ
Для всѣхъ на просторѣ широкомъ,—
Ни стѣнъ, ни дверей не увидитъ тамъ взоръ,
Гдѣ западъ сойдется съ востокомъ.

Родимая степь! Твой узорный халатъ
Пестрѣй всѣхъ халатовъ султана;
Кто видѣлъ тебя, тотъ вернется назадъ—
Къ тебѣ изъ долинъ Фарзистана!..

II.

Стояла весна; бѣлый день угасалъ,
Зарей пламенѣя надъ степью;
Въ небесныхъ мечетяхъ Аллахъ зажигалъ
Огни надъ гористою цѣпью.

Хоть сладко звучали въ затишьи степей
Пѣвучія трели курая,
Да слаще звенѣлъ сандугачъ-соловей,
Баянъ Магометова рая.

Тургайскихъ улусовъ орлица-краса—
Джанымъ—шла тропинкой степною;
У ней расплелася густая коса,
И слезы блистали росою...

Съ обидой бороться—ни воли, ни силъ;
Измѣна—острѣе кинжала!
Джанымъ—удалой Акъ-Булакъ разлюбилъ,
И смерти красотка искала.

Летѣла орлица, летѣла туда,
Гдѣ вороном сопка чернѣла;
И—бросилась въ бездну, сгубивъ навсегда
И душу, и юное тѣло...

III.

За лѣтомъ въ темницу весну увели
Проворные слуги тумана.
Одна—увяданья наряда земли
Совсѣмъ не видала Майдана.

Сказалъ ей батырь Акъ-Булакъ удалой:
„Къ Майданѣ весну ворочу я!“
И сердце раскрылось у розы степной
Цвѣткомъ—отъ его поцѣлуя...

Но горъ Мугоджарскихъ джигита-орла
Ничто не удержитъ собою:
Ему—только вольная воля мила,
Онъ тѣшится только борьбою!

Его отовсюду умчитъ аргамакъ;
Да только отъ сабли туркмена

На немъ не ушелъ молодой Акъ-Булакъ:
Сразила она, какъ измѣна.

Надъ черною сопкой, въ горахъ, онъ убитъ
Слугою подземнаго мрака...
Джанымъ! Спи спокойно: съ тобой твой джигитъ...
Майдана! Не жди Акъ-Булака!..

IV.

Привольемъ степей пролетала мятель,
Въ горахъ пировали шайтаны;
Всю ночь оставалась холодной постель
Въ богатой кибиткѣ Майданы.

На красной бухарской кошмѣ предъ огнемъ
Сидѣла она одиноко;
А вѣтеръ стоналъ за кибиткой: „Пойдемъ!
„Здѣсь—твой Акъ-Булакъ недалёко!..“

И вышла Майдана, за вѣтромъ пошла,—
Не шла, а на крыльяхъ летѣла,—
И тамъ—молодого джигита нашла,
Гдѣ спали два мертвыя тѣла.

Измучилъ её этотъ путь, страшный путь,—
Казалось, ему и конца нѣтъ,—
Упала она на любимую грудь
И въ мертвыя очи не взглянетъ...

А вѣтеръ молвой прокатился въ степяхъ,—
Сказанія съ вѣтромъ летаютъ:
Всѣ—черную сопку на бѣлыхъ горахъ
„Могилой Троихъ“ называютъ.

XXXIV.

ДОБРОГНѢВА.

Оплотъ страны поляковъ—
На Русь изъ-за Карпатъ
Глядитъ вельможный Краковъ,
Какъ царственный магнатъ.

Въ кругу шляхѐтныхъ пановъ,
Даря народамъ миръ,
Подъ звонъ чеканныхъ жбановъ
Пируетъ Казимиръ...

Лилась Днѣпромъ,—съ водою
Мѣшалась братьевъ кровь:
Взялà верхъ надъ враждою
Славянская любовь!

Тому, кто счёта ранамъ
Не зналъ въ честнòмъ бою,
Круль самъ льетъ по стаканамъ
Мальвазіи струю.

Кунтушъ на немъ бобрами
И соболемъ подбитъ;
Надъ черными кудрями
Вѣнецъ, какъ жаръ, горитъ...

Хвала и слава миру!
Покончена война;
Добычей Казимиру—
Красавица-жена...

Любви и миру слава,—
Хвала и слава той,

Что̀ въ гриднѣ Ярослава
Сіяла красотой!..

У ней повадка княжья,
Гроза—въ огнѣ очей;
А грудь-то, грудь лебяжья...
А голосъ—соловей...

Изъ всѣхъ сестеръ привѣтнѣй
Душа у ней была—
Знойна̀, что полдень лѣтній,
Какъ быстрый ключъ—свѣтла.

Цвѣтовъ весны моложе
Красавицы мечты,
А сердце въ ней—дороже
Цвѣтущей красоты!

На вѣно—въ память свадьбы,
Въ подарокъ—ей готовъ
Яснѣйшій круль отдать-бы
Сокровища отцовъ:

—„Цвѣтныхъ каменьевъ зерни,
Казнѣ—потерянъ счетъ;
Отъ па̀новъ и отъ черни
Къ намъ золото течетъ!

„И фряжскій бархатъ рытый,
И жемчуга лари,
Багрецъ, шелками шитый,—
Что хочешь—все бери!..“

Но сердце чье богато,
Кто самъ—звѣздой блеститъ,—
Того не тѣшитъ злато,
Жемчу̀гъ и аксамитъ!—

„Не ну̀жны мнѣ на вѣно
Каменья-жемчуги;

А злато драгоцѣнно—
Для Польши береги!..

„Въ темницахъ, скрытыхъ строго
Отъ зоркихъ глазъ чужихъ,
Томится плѣнныхъ много...
Пусти на волю ихъ!“

Круль глянулъ на крулеву:
—„Да будетъ по сему!“
И—славятъ Доброгнѣву
По городу всему...

Не блещутъ алебарды,
Не машутъ бердыши;
Поютъ сѣдые барды,—
Имъ въ ладъ—звенятъ ковши.

Богатъ весельемъ Краковъ—
Оплотъ земли родной:
И счастливъ круль поляковъ
Съ крулевою-княжной.

А съ краковскаго склона—
И здѣсь, и тамъ, и тутъ—
Изъ польскаго полона
Толпы на Русь идутъ...

Бокъ-о̀-бокъ, съ ними вмѣстѣ,
Къ Днѣпру изъ-за Карпатъ,
Летятъ орлами вѣсти
Въ родимый Кіевъ-градъ:

Отъ дочери-крулевы
Отцу поклонъ-привѣтъ—
„Счастливѣй Доброгнѣвы
На бѣломъ свѣтѣ—нѣтъ!..“

XXXV.

ДВА БРАТА.

(Изъ волжскихъ преданій.)

1.

Заалѣвъ подъ лучами
Огневого заката,
Поднялись надъ волнами
Два утеса—Два Брата.

2.

Два утеса...
Два брата,—
Быль тò, сказка-ли это,—
Здѣсь стояли когда-то
Въ стародавнія лѣта.

3.

Въ стародавнія лѣта
Въ ночь заспорили братья,
Вплоть до бѣлаго свѣта
Слали небу проклятья;

4.

Слали небу проклятья,
Мать-Сырою-Землею
Зарекались; заклятья
Были пьяны враждою.

5.

Были пьяны враждою
Братьевъ буйные споры;
Имъ внимали грядою
Молчаливыя горы.

6.

Молчаливыя горы
На безумцевъ глядѣли;
Съ горъ имъ слали укоры
Тихошумныя ели.

7.

Тихошумныя ели
Съ горъ глядѣлися въ волны;
Стаи тучекъ летѣли—
Предъ враждою безмолвны...

8.

Предъ враждою безмолвны
Были братскія мысли, —
Лютой гордостью полны—
Тучи злобы нависли;

9.

Тучи злобы нависли
Надъ врагами родными...
Вдругъ—мечты поднялись-ли,
Всплыли-ль грезы надъ ними,—

10.

Всплыли-ль грезы надъ ними,—
Только поняли братья,
Что словами своими
Накликали проклятья,—

11.

Накликали проклятья,
Грѣхъ великій плодили...
Открывайтесь, объятья!
Правда міра—не въ силѣ!.

12.

Правда міра не въ силѣ...
Только—пальцемъ не двинуть,
Ноги—словно застыли,
Головы—не вспрокинуть!..

13.

Головы не вспрокинуть,
Сердца холоденъ пламень...
Грѣхъ успѣлъ душу вынуть;
Кровь твердѣетъ, что камень...

14.

Кровь твердѣетъ, что камень...
И—глядятъ въ глубь заката
Съ той поры черезъ рамень
Два утеса—Два Брата...

XXXVI.

КНЯЗЬ-БОГОБОРЕЦЪ.

(Древнее сказанье.)

Сказъ первый.

1.

Жилъ-былъ князь въ странѣ безвѣстной —
Непомѣрно-гордый князь;
Передъ княжеской гордыней
Всё дрожало, преклонясь.

2.

Князь ходилъ въ чужія земли,
Всюду нёсъ огонь и мечъ:
Города предъ нимъ пылали,
Кровь лилась въ разгарѣ сѣчъ.

3.

Побѣдители пощады
Не дарили никому—
Старцамъ, женщинамъ и дѣтямъ,
Не внимали ничему!

4.

Что ни годъ, на диво міру—
Слава княжая росла;
Имя—ужасъ наводило,
О-бокъ съ нимъ удача шла.

5.

Вывозилъ онъ изъ сожженныхъ—
Разоренныхъ городовъ
Горы сѐребра и злàта,
Груды скатныхъ жемчугòвъ.

5.

яжеской столицѣ —
дворцы;
богаты,
купцы...

7.

зю слава!“—
ъ...
моря
ежомъ.

8.

орѣ славословья
оновъ-слезъ,—
ескому замку
вѣтеръ несъ...

9.

добытой славой,
е разъ:
ъ на свѣтѣ!
Гавпжав въ міръ нѣтъ для насъ!..

10.

„Мы за нашей колесницей,
Какъ диковинныхъ звѣрей,
На цѣпяхъ на золочёныхъ
Водимъ плѣнныхъ королей...

11.

„Наша воля—счастье наше,
Воля наша—всѣмъ законъ...
Захотѣть,—къ намъ силы неба
Сами прйдутъ на поклонъ!..“

12.

А однажды, за пирушкой,
Предъ дружиной князь-гордецъ—

Выпивъ пѣннаго не въ мѣру—
Разбахвалился въ конецъ:

13.

„Наши статуи—повсюду
По широкимъ площадямъ;
Захотимъ, и—станутъ люди
Имъ молиться по церквамъ!..“

14.

—„Полно, князь!“—сказали князю:
Ты великъ, но ты—не Богъ!
Съ Нимъ помѣряться-поспорить
Даже ты бы самъ не смогъ!..“

15.

И—безумьемъ ослѣплённый,
Въ буйной гордости своей—
Князь рѣшилъ идти войною
Противъ Князя всѣхъ князей.

16.

Вся въ тревогѣ, вся въ смущеньи—
Внемлетъ, тѣмъ-же днёмъ, страна:
„Противъ Бога, противъ Бога
Объявляется война!..“

Сказъ второй.

1.

Княжьей волею, воздушный
Снаряжонъ корабль... И вотъ
Въ немъ—что пò морю, по синю—
Князь по воздуху плыветъ.

2.

Пестрой росписью росписанъ
Кузовъ чудо-корабля;

Всюду—пушки, самопалы
Смотрятъ, князя веселя.

3.

Князь одинъ плыветъ, безъ войска,—
И не надобно его:
Корабельныя пружины
Крѣпче войска самого.

4.

Тронь-ка ихъ, нажми легонько
Хоть одну, иль двѣ, изъ нихъ,—
Оглушитъ могучій грохотъ
Ста снарядовъ боевыхъ!

5.

Князь плыветъ; князь къ солнцу правитъ...
Далекòнекъ путь, ой-ой!..
Князь плыветъ, проклятья сыплетъ,
Вызываючи на бой.

6.

„Одолѣть и Бога впòру
На такомъ-то кораблѣ",—
Мыслитъ онъ,—„война и въ небѣ,
Чай, одна—что на землѣ.

7.

„Мы поборемся, поспоримъ...
Пусть посмотрятъ: кто—кого!
Выходи!.."
И видитъ—туча
Держитъ прямо на него.

8.

Грянулъ залпъ... А туча—мимо,
Пава-павой проплыла;
Только князя, малымъ дѣломъ,
Подмочила-залила.

9.

— „Выходи!..“
И чу—заслышалъ
Князь далекій зовъ трубы...
„Ну,—подумалося князю,—
Близокъ, близокъ часъ борьбы!

10.

„Что-жъ, борьба—бойцу не вновѣ,
Сердце тѣшится борьбой!“
Смотритъ князь, глядитъ и—что-же?!.
Комариный видитъ рой.

11.

Вотъ они—кружатъ-толкутся,
Подлетѣли къ кораблю;
Впереди—трубачъ играетъ:—
„Прочь съ дороги! Раздавлю!..“

12.

Ухмыльнулся князь:
— „Ну, это—
Не опасные полки...
Богатырская сноровка;
Ростомъ нѐ взяли, мелкѝ!“

13.

Что за нѐвидаль?! Съ-налёту
Жалятъ въ руки и въ глаза,—
Не поспѣть и отмахнуться!
„Тьфу ты, прòпасть!.. Знать, гроза,—

14.

„Знать, сегодня дождикъ будетъ...
Нѣтъ отбою, сладу нѣтъ!..“
Комары—загрызть грозятся
Князя въ цвѣтѣ силъ и лѣтъ:

15.

Жалятъ въ носъ, набились въ уши,—
Такъ и пляшутъ передъ нимъ...

Князь—за мечъ, мечомъ-булатомъ
Машетъ въ воздухѣ своимъ.

16.

Князь—къ пружинамъ чудодѣйнымъ,
Срыву, съ-рѐзмаха нажметъ,—
Грянутъ пушки, затрясется
Весь корабль, весь самолётъ...

17.

Комарамъ—и горя мало:
Невредимъ ихъ малый полкъ,—
Хоть пали безъ передышки—
Врядъ-ли выйдетъ большій толкъ!..

18.

А комаръ-трубачъ все трýбитъ...
Сбросилъ князь съ кудрей шеломъ;
Князь сорвалъ съ себя кольчугу,—
Бьется-мечется кругомъ.

19.

Князь—ревмя-реветъ отъ боли,—
Глазъ не смотритъ, носъ распухъ...
Предъ напастью небывалой
Князь забылъ свой гордый духъ:

20.

— „Боже, Боже мой!"—взмолился:
„Помоги, мнѣ, помоги!.."
Нѣтъ помòги... Одолѣли
Побѣдители-враги.

21.

Всталъ онъ нà-бортъ корабельный
И—долой, туда—къ землѣ;
Комары одни остались
На отбитомъ кораблѣ...

22.

Гордый князь упалъ въ болото,
Прямо въ тину головой,
И, захлёбываясь иломъ,
Слышитъ окрикъ:—„Братецъ мой,

23.

„Гдѣ ужъ намъ бороться съ Богомъ!
Похвальба-то не хитра,
Да посмотришь, разглядишься,—
Не осилить комара!..“

24.

Князь не зналъ, чей слышалъ голосъ;
Это—квакала въ тиши,
На болотинѣ, лягушка,
Забираясь въ камыши...

XXXVII.

НЕСМѢЯНА-КОРОЛЕВНА.

(Русская сказка).

I.

Былъ король на свѣтѣ—Мѣсяцъ,
И богатъ, и тороватъ;
А про мѣсяцеву славу
Людямъ звѣзды говорятъ.

Былъ онъ старъ, какъ неба пологъ,—
Вдовъ, но не былъ одинокъ:
Онъ не сѐребро, не злато—
Дочку въ теремѣ берёгъ...

Дочка старому—дороже
Всѣхъ сокровищъ дорогихъ,
Взоръ красавицы свѣтлѣе
Искрометныхъ звѣздъ ночныхъ...

Вдругъ подѣялося лихо,
Вдругъ—попритчилося ей,—
Скрылась ясная улыбка
Королевниныхъ очей;

Потускнѣлъ румянецъ алый,
И—печальна, и блѣдна—
Изъ Свѣтланы въ Несмѣяну
Превратилася она...

Что ни дѣлалъ старый Мѣсяцъ,
Какъ ни думалъ, ни гадалъ,
А весёлой дочь родную
Въ жизни больше не видалъ.

А, ужъ кажется, веселью
Во дворцѣ и смѣны нѣтъ,—
Тамъ шуты и скоморохи
Собираются чуть-свѣтъ;

Тамъ волынки не смолкаютъ,
Пѣснямъ-пляскамъ—нѣтъ конца,
И гостей смѣняютъ гости
У тесоваго крыльца.

И пиры, и состязанья:
Что ни день, то—новый пиръ!
Тамъ—къ услугамъ королевны
Всё, чѣмъ веселъ Божій міръ...

Да—всѣмъ нà-диво, на горе—
Лишь она не весела!
А недавно—всѣхъ счастливѣй,
Веселѣе всѣхъ была...

II.

Былъ на свѣтѣ дивный островъ,
Островамъ всѣмъ царь—Буянъ.
Отдѣлялъ его отъ міра
Непроѣздный окіянъ.

Тамъ поля, сады и рощи
Златомъ-сѐребромъ цвѣли;
Тамъ каменья-самоцвѣты
Осыпали грудь земли;

Тамъ летали, гнѣзда вили
Стаи цѣлыя жаръ-птицъ;
Тамъ рѣзвились, вмѣстѣ съ ними,
Хороводы царь-дѣвицъ.

Тамъ стоялъ дворецъ алмазный
Надъ медвяною рѣкой;
Во дворцѣ—престолъ высокій
Изъ жемчужины морской.

Въ той жемчужинѣ хранился
Чудо-камень, алатырь;
На престолѣ красовался
Солнце—отрокъ-богатырь...

Камень жизни, камень счастья,
Камень мудрости небесъ—
Алатырь таилъ отъ смертныхъ
Силы вѣчныя чудесъ;

И сіялъ изъ-подъ престола
Онъ, какъ ранняя заря!
Охраняли дивный камень
Гриди Солнышка-царя—

Исполинская дружина
Безъ сѣкиръ и безъ мечей:
Свита всё и всѣхъ на свѣтѣ
Сожигающихъ лучей...

А вокругъ дворца безсмѣнно
Въ рядъ, бывало, день и ночь,
Семь Вѣтровъ—семь грозныхъ братьевъ—
Всё чужое гонятъ прочь.

И до острова Буяна
Ввѣкъ никто не доплывалъ,—
Корабли еще далёко
Билъ на щепки бурный валъ...

III.

Жилъ да былъ на свѣтѣ бѣломъ,
Въ царствѣ Мѣсяца, лихой
Запѣвало кудреватый,
Корабельщикъ молодой.

Полюбился корабельщикъ,
Пуще стараго отца,
Королевнѣ свѣтлоокой,—
Зазнобила молодца.

Сколько было и бывало
На дворцовыхъ, на пирахъ
Королевичей заморскихъ
У Свѣтланы на глазахъ...

Сколько сваталось—напрасно:
Всѣмъ остуда, всѣмъ отказъ...
Былъ одинъ—милѣе-краше
Для прекрасныхъ этихъ глазъ!

Ровно снѣгъ весенній—таялъ,
Сохнуть началъ онъ съ любви;
А у юной королевны—
Пламя-полымемъ въ крови...

Королю-бы имъ открыться,
Ну—погнѣвался-бъ отецъ,
Да и грянула-бы пѣсня:
„Скуй, кузнецъ, имъ златъ-вѣнецъ!..“

Нѣтъ, рѣшила королевна
Испытанье наложить:
„Ищешь доли, хочешь счастья—
Такъ съумѣй его добыть!

„Ты,—сказала,—всё исплавалъ;
А ходилъ-ли въ окіянъ?
А слыхалъ-ли ты про островъ,
Островамъ всѣмъ царь—Буянъ?!.

„Алатырь есть камень,—слышалъ,—
Въ царствѣ Солнышка-царя?!.
Привези его невѣстѣ...“
И—уплылъ онъ за моря...

И увезъ съ собой улыбку
Королевны молодой
Кудреватый, черноглазый
Корабельщикъ удалой...

IV.

Время шло... Давно пора-бы
Воротиться моряку
И подаркомъ драгоцѣннымъ
Съ Несмѣяны снять тоску!

Гости ѣдутъ, сваты йдутъ;
Ста царевичамъ—отказъ:
Милый сталъ еще милѣе,
Какъ пропалъ у ней изъ глазъ.

Встосковалась королевна:
—„Доля горькая моя...
Не леталъ-бы ты, мой соколъ,
Въ чужедальніе края!

„Ой, не плавалъ-бы ты, гоголь,
Въ нелюдимый окіянъ,
Не искалъ-бы дивный островъ,
Островамъ всѣмъ царь—Буянъ!

„Неужели, милъ-желанный,
Неужели ты не зналъ,
Что отъ Мѣсяца до Солнца
Ввѣкъ никто не доплывалъ?!.“

Встосковалась... Встосковался,
На̀ дочь глядючи, отецъ...
Вдругъ, негаданно-нежданно,
И пришелъ ему конецъ:

Умеръ-померъ старый Мѣсяцъ,
Свѣтъ очей померкъ-погасъ...
Воцарилась Несмѣяна
Въ королевствѣ въ тотъ-же часъ.

Изъ дворца ушло веселье:
Нѣтъ ни пѣсенъ, ни пировъ,
Ни разгульныхъ дней утѣшныхъ,
Ни веселыхъ вечеровъ!

Одного—ждетъ королевна,
Да его-то—нѣтъ какъ нѣтъ;
А прошло съ его отъѣзда
Много-много долгихъ лѣтъ.

Не дождаться морехода:
Корабельщикъ молодой
Въ дальнемъ морѣ-окіянѣ
Спитъ глубоко подъ водой...

V.

Отчего луна печальна,
Почему она блѣдна?
Потому, что Несмѣяной
Прозывается она!..

День-деньской краса томится
Въ бѣлодубовомъ дворцѣ
Во нарядѣ подвѣнечномъ
И съ фатою на лицѣ.

Только вечеръ-мгла настанетъ,
Только ночь къ землѣ сойдетъ,—
Несмѣяна-королевна
Къ морю синему идетъ

И съ подругами-звѣздами,
Надъ затихшею землей
Вдаль плыветъ въ ладьѣ лазурной—
Вѣковѣчною стезёй...

И—полна тоски глубокой,
И тоской любви горя—
Ищетъ путь непроторёный
Въ чужедальнія моря,—

Въ тѣ моря, куда поѣхалъ
Добывать подарокъ ей
Тотъ, кому она чесала
Гребнемъ мягкій шелкъ кудрей;

Тотъ—кого она украдкой
Миловала въ поздній часъ,
Обнимала-провожала
Въ-сторонѣ отъ зоркихъ глазъ,—

Кто ей сталъ еще дороже
Съ той поры, какъ за неё
Загубилъ въ волнахъ безвѣстныхъ
Счастье тайное свое.

Не дождаться морехода,
Подъ вѣнецъ съ нимъ не пойти!
А до острова-Буяна
Всѣ затеряны пути...

Всё равно: чуть ночь раскинетъ
Свой шатеръ надъ зыбью водъ,
Несмѣяна-королевна
Къ морю синему идетъ...

XXXVIII.

ПЕРСТЕНЬ.

(Поволжская быль.)

1.

Загорѣлась рѣка отъ холодныхъ лучей,
Отъ холодныхъ лучей блѣднолицей луны;
Смотритъ-воззрилась ночь взоромъ звѣздныхъ очей
На песчаное дно, гдѣ лежатъ валуны.

2.

Посреди валуновъ, утопая въ пескѣ,
Зо̀лотъ-перстень блеститъ; въ немъ—алмазъ-самоцвѣтъ;
Красовался-горѣлъ онъ на бѣлой рукѣ,
Да прошло съ той поры много дней, много лѣтъ...

3.

Тайны крѣпко хранятся въ рѣчной глубинѣ,
Да не всякую тайну схоронишь навѣкъ:
Говорлива бываетъ волна по веснѣ,
А подслушать гораздъ и волну человѣкъ!

4.

По народу—окрестъ ходитъ-бродитъ разсказъ,—
Что въ забытые дни стародавнихъ временъ
Здѣсь былъ лѣсъ, а въ лѣсу хоронился отъ глазъ
Воровской городокъ—молодецкій притонъ.

5.

Налетали на Волгу, за лѣсъ, удальцы;
Далеко̀ заводилъ ихъ орёлъ-атаманъ...
Натерпѣлись отъ кречетовъ вольныхъ купцы,—
Рѣдкій—мимо ихъ рукъ проплывалъ караванъ!..

6.

А съ налёта—на станъ возвращались они;
Тамъ дѣлили дувàнъ, зарывали казну;
Тамъ—свои коротали веселые дни,
Заливали виномъ добытую вину...

7.

Съ гнѣздъ однажды снялись разудàлые прочь,—
Полетали за лѣсомъ, слетѣлись опять:
Смѣхъ-веселье у всѣхъ; только тёменъ, что ночь,
Атаманъ: онъ привезъ небывалую кладь!.

8.

Изъ несмѣтной добычи онъ взялъ—лишь её:
Злата, жемчуга, тканей персидскихъ не жаль,—
Всё смѣнялъ на одну; развѣ горе свое
Взялъ въ придачу, да лютую думу-печаль!..

9.

Грѣхъ таить,—дорогà-дорогà кладь была:
И не видывалъ свѣтъ краше этой красы,—
И статна, и пышна, и румяна-бѣла,
И чернѣли, что смоль, двѣ змѣи—двѣ косы...

10.

Зазнобила-зажгла молодецкую кровь:
Пить не пьетъ, ѣсть не ѣстъ—спитъ и видитъ во снѣ!
У лихихъ—атамана отбила любовь
Къ полонянкѣ-красѣ, къ чужемужней женѣ...

11.

Ночь-полнòчь, атаманъ—тёмной ночки темнѣй;
Бѣлый день, атаману—свѣтъ ясный не милъ...
На запорѣ сидитъ, хороводится съ ней,
А склонить на любовь вольной волей—нѣтъ силъ!

12.

Не сдаётся на ласку, пыталъ и грозить,—
Не берутъ и угрозы:—„Въ твоихъ я рукахъ,
Да убей ты, зарѣжь—не заставишь любить,
Коль жена я другому!..“ И пламя въ очахъ...

13.

„Ой, со мной не шути!.. Силой, слышь ты, возьму!..“
Анъ не взять,—понапрасному тратитъ слова!
А люба; да вѣдь та́къ полюбилась ему,
Что отъ думъ тяжела на плечахъ голова.

14.

Не слыхать про наѣзды... Заржавѣетъ мечъ
Въ золочёныхъ ножна̀хъ у него на боку;
Борзый конь позабудетъ, какъ духомъ изъ сѣчъ
Выносилъ атамана на полномъ скаку...

15.

Заскучали по крови давно молодцы,
Отлежали бока на тиснёной кошмѣ;
А лежать не охочи совсѣмъ удальцы,
И не роздыхъ, не сонъ у лихихъ на умѣ!

16.

Время шло... Зашумѣлъ весь притонъ воровской;
До ушей атамана молва донеслась:
„Ужъ не сиднемъ-ли сталъ онъ за бабьей спиной?
Али больно, знать, по̀ сердцу ласка пришлась?!.

17.

„Баба, мы-ли,—одно что ни есть,—выбирай!..“
Слышитъ молвь удалой... А краса:—„Отпусти!
Отпусти, аль убей!. Не крушись, не терзай!..“
—„Отпустить?! Нѣту, нѣтъ!.. Удаль-воля, прости!

19.

Плачетъ купчина... Смѣется она:
—„Гдѣ-же твоя золотая казна?!..“

20.

Зависть смѣется... Что пара углей,
Свѣтятъ глаза подъ щетиной бровей...

Сказъ второй.

1.

Улицей людной старуха бредетъ;
Вѣку старухи потерянъ и счетъ.

2.

—„Зависть Лихая!“—завидѣвъ ее,
Кличутъ всѣ:—„Чуръ! Свято мѣсто мое!..“

3.

Молодецъ добрый не видѣлъ Лихой,—
Былъ онъ въ саду съ молодою женой.

4.

Кудри вились у него по плечамъ;
Былъ и пригожъ онъ, и молодъ былъ самъ,—

5.

Былъ онъ подъ-стать красотою женѣ;
Краше-жъ ея—не видать и во снѣ!

6.

Русыя косы... А очи—синѣй
Синяго морюшка были у ней.

7.

Щечки алѣли, что маковый цвѣтъ;
Зубы—ровнѣе и жемчуга нѣтъ!

9.

Изъ-подъ червонцевъ не видно стола...
Зависть и Зависть Лихую взяла:

10.

—„Нечего будетъ вотъ скоро считать!
Станешь ты нищимъ у двери стоять!..“

11.

Злобно махнула костлявой рукой
И—очертила вкругъ лавки клюкой...

12.

Часу пройти не прошло,—принесли
Вѣсть, что погибли купца корабли.

13.

Новыя вѣсти—за этой спѣшатъ:
Домъ и амбары съ товаромъ горятъ!

14.

Лавку замкнуть забываетъ купецъ:
Съ золотомъ сгинулъ желѣзный ларецъ;

15.

Дня не прошло, а купецъ-богатѣй—
Нищимъ вернулся, стоитъ у дверей...

16.

Зависть идетъ... Онъ—завидѣвъ её:
—„Чуръ меня! Чуръ!.. Свято мѣсто мое!..“

17.

—„Поздно чураться, купецъ-деньгоробъ!
Хватитъ-ли денегъ теперь и на гробъ?!..“—

18.

Держитъ отвѣтъ лиходѣйка ему:—
„Хочешь, тебѣ подарю я суму?!.“

Сказъ первый.

1.

Торгомъ старуха съ клюкою бредётъ;
Вѣку старухи потерянъ и счетъ.

2.

Космы сѣдыя до самыхъ до пятъ
Вмѣстѣ съ лохмотьями съ горба висятъ;

3.

Вся-то въ морщинахъ; давно—безъ зубовъ,—
Въ дёснахъ чернѣетъ лишь пара клыковъ;

4.

А подъ щетиной нависшихъ бровей
Свѣтятъ глаза—словно пара углей.

5.

—„Зависть Лихая!"—завидѣвъ её,
Кличутъ всѣ:—„Чуръ! Свято мѣсто мое!.."

6.

Торгомъ сѣдая бредётъ, да бредетъ,
Водитъ глазами—и взадъ, и впередъ...

7.

Видитъ: считаетъ купецъ барыши,—
Въ деньгахъ, какъ видно, не чаетъ души!

8.

Тамъ барыши подсчитать—тяжкій трудъ,
Гдѣ сами деньги на деньгахъ растутъ.

XLI.

ЗАВИСТЬ ЛИХАЯ.

Ото всѣхъ подругъ поодаль
Встала водъ рѣчныхъ краса...
Горе тайное, невзгода-ль?
Что-же съ ней за чудеса?!

IV.

Вонъ ужъ тамъ она, гдѣ лозы
Побѣжали на обрывъ,—
И поётъ, поётъ сквозь слезы,
Косы на̀-земь распустивъ...

И поетъ-зоветъ, не зная,
Какъ прикликать, какъ назвать,
Хоть однимъ глазкомъ желая
Всё кого-то повидать...

Вся полна былымъ, завѣтнымъ
И отъ слезъ дыша едва—
Шепчетъ пòшептомъ привѣтнымъ
Полюбовныя слова:

„Соколъ ясный, милъ-желанный!
Какъ тебя мнѣ разлюбить?..“
Но тоски ея нежданной—
На рѣкѣ не утопить!..

А предъ ней—за частоколомъ
Камышей и лозняка,
На пиру, на развесёломъ,
Такъ и пляшетъ вся рѣка...

Только сторожъ неба—мѣсяцъ—
Справилъ свой ночной дозоръ
И забросилъ подъ навѣсецъ
Тёмныхъ вётелъ свѣтлый взоръ,—

Какъ, голодныхъ глазъ приманка,
Показалась изъ воды
Мигомъ скатерть-самобранка;
Съ ней—и снѣди, и меды.

Что откуда ни взялося!
И на пиръ, за браный столъ,
Столько званыхъ набралося,
Что незваный прочь пошелъ.

Нѐчисть вся поднялась сò-дна,—
Водяному дѣду честь,—
Вдоволь всѣхъ, кого-угодно,
А русалокъ—и не счесть!..

III.

Сколько ихъ—въ бурмицкихъ бусахъ,
Съ вѣчнымъ смѣхомъ на устахъ,
Молодицъ зелёнорусыхъ—
Разыгралось въ камышахъ!

Всѣ онѣ—сѣдому любы,
Всѣ—одна передъ одной;
И у всѣхъ алѣютъ губы,
Грудь колышется волной.

Да одна ему—дороже
Всѣхъ русалокъ, всѣхъ сестёръ:
Только что-то у пригожей
Грусть туманитъ ясный взоръ:

I.

За зеленымъ частоколомъ
Молодого лозняка,
Вмѣстѣ съ пòсвистомъ весёлымъ,
Слышенъ топотъ трепака.

Пѣсня льется—вьется хмѣлемъ
По обоимъ берегамъ:
Нѣтъ конца звенящимъ трелямъ,
Счета—звонкимъ голосамъ.

Пѣснѣ въ ладъ, надъ всей рѣкою
Изъ росистыхъ камышей,
Вмѣстѣ съ гу́сельной игрою,
Раздаётся звонъ ковшей...

То не сила-ль водяная
Разгулялась не къ добру
И затѣяла—лихая—
Пѣсни-пляски на пиру?!.

II.

Только ночь, развѣсивъ пологъ,
Закупалась въ лознякѣ;
Только тысячами пчёлокъ
Звѣзды вспыхнули въ рѣкѣ,—

XL.

ПИРЪ ВЪ КАМЫШАХЪ.

Захлебнешься сама
Лютымъ зельемъ своимъ!

5.

Царство чернаго зла,
Силу духовъ земныхъ
Затуманила мгла
Лихолѣтій былыхъ,—

6.

Все пропало вдали...
Что-же ты? Ты-то что-жъ
Не уходишь съ земли,
Злое чудище, Ложь?!.

5.

Ложь отравитъ любовь,
Сгубитъ сѐмью въ конецъ,—
Пьетъ горячую кровь
Изъ горячихъ сердецъ.

6.

Заворо̀житъ съ лихвой
Взоръ и чувство, и слухъ
Этотъ духъ роковой—
Неотвязчивый духъ!..

Сказъ четвертый

1.

Ой ты, гой еси, Ложь!
Ты—Горынчище-Змѣй!
Охъ, когда-жъ ты уйдешь—
Улетишь отъ людей?!.

2.

Темной силѣ навѣкъ
Путь заказанъ у насъ:
Свѣтомъ живъ человѣкъ,
Правдой—живъ каждый часъ!

3.

Полно!.. Будетъ тебѣ
Волхвовать на міру...
Лжешь на горе себѣ,
Залгалась—не къ добру!

4.

Разсѣвается тьма,
Развѣвается дымъ,—

Вмѣсто яда змѣи,
Хмѣльной лести вина;

6.

Ей молва—что трава,
И разрывъ-перелётъ—
Не скупясь на слова—
Ложь повсюду найдетъ...

Сказъ третій.

1.

Ни обличья у ней,
Ни примѣтъ, ни слѣдовъ;
Не стыдится друзей,
Не боится враговъ.

2.

Хоть сердца—всѣ въ полонъ
Полонитъ Ложь себѣ,
Ей—проклятья въ поклонъ
На ея ворожбѣ.

3.

Съ Кривдой, злобной душой,
Побраталася Ложь;
Правдѣ-чести мірской
Молвь облыжная—ножъ.

4.

Ложь правдивымъ словцомъ
Обернется подчасъ,—
Влѣзетъ въ ухо вьюномъ,
Отведетъ зоркій глазъ;

6.

Избылась быль давно;
Только,—вѣрь, иль не вѣрь,—
Живо лихо одно
На Руси и теперь!..

Сказъ второй.

1.

Не зачуешь его,—
Гдѣ не думалъ—найдешь,—
Не щадитъ ничего;
Имя чудищу—Ложь...

2.

Вмѣстѣ съ міромъ на свѣтъ
Ложь изъ тьмы рождена,—
Ходитъ тысячи лѣтъ
О-бокъ съ людомъ она:

3.

Гдѣ есть живъ-человѣкъ,—
Смердъ-ли онъ, онъ-ли князь,—
Знай—вѣкуетъ съ нимъ вѣкъ,
Въ городахъ обжилась...

4.

Не изъ былья-травы,—
Что въ пылу не горитъ,—
Вѣдьма Ложь изъ молвы
Злыя зелья варитъ;

5.

Въ зелья злыя свои
Подбавляетъ она,

Сказъ первый.

1.

О бываломъ—у насъ,
Въ людяхъ, память легка,—
Но дошелъ вѣщій сказъ
Про былые вѣка...

2.

Дивамъ сказокъ родныхъ,
Порожденію тьмы,
Силѣ духовъ земныхъ
Покорялися мы.

3.

Видѣлъ взоръ, слышалъ слухъ,
Чуялъ разумъ людей:
Что ни пядь, то и духъ;
Что ни духъ—лиходѣй!

4.

Издѣвались они
Надъ пугливымъ умомъ,
Все—на что ни взгляни—
Населяли кругомъ:

5.

Жилъ въ дому домовой,
А въ бору—лѣсовикъ,
На рѣкѣ—водяной,
На поляхъ—полевикъ.

XXXIX.

ЧУДИЩЕ ЛОЖЬ.

24.

Были дни, да ушли,—утекли, что рѣка;
Лѣсъ дремалъ кондовой, тёменъ боръ-богатырь,—
На сто верстъ не отыщешь теперь и пенька:
Поле-полемъ кругомъ—неоглядная ширь...

25.

Ночь легла... Загорѣлась рѣка отъ лучей,
Отъ холодныхъ лучей вѣковуши-луны;
Увидала луна, гдѣ лежатъ валуны,
Видитъ—перстень блеститъ, разомъ вспомнила: чей!..

18.

„Эхъ, прости ты, прощай, удалое житьё!..
Нѣтъ!.. Коль ласки и мнѣ не извѣдать твоей,
Такъ никто отъ меня не дождётся её,
Такъ никто-жъ и твоихъ не увидитъ очей!..“

19.

Взялъ онъ, на руки поднялъ её со скамьи,—
Вышелъ зà дверь, да вмѣстѣ—съ обрыва, въ рѣку...
Только ночь да луна услѣдить и могли,
Гдѣ любовь атаманъ схоронилъ, гдѣ—тоску!

20.

Крѣпко обнялъ лихой полонянку-красу,
Крѣпче-жарче впился поцѣлуемъ въ уста;
Не застигъ ихъ никто въ сыръ-дремучемъ лѣсу,—
Тайну свято хранили глухія мѣста...

21.

Много-ль, мало-ли времени-вѣку прошло,—
Подняла ихъ со дна прибылая вода;
Вдоль по стрежню тѣлà далекò унесло,
Гдѣ имъ пристань нашлась—не узнать никогда...

22.

А съ руки у красавицы, съ бѣлой, упалъ
Золотой перстенёкъ,—въ нёмъ алмазъ-самоцвѣтъ,—
И упалъ онъ въ песокъ, и въ пескѣ пролежалъ
Вплоть до нашей поры—много дней, много лѣтъ.

23.

Пролетѣли вѣка... Безпотёмная ночь,
Полнолунная ночь, залегла надъ рѣкой—
Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ когда-то бахвалилась мочь,
Гдѣ когда-то стоялъ городокъ воровской...

8.

Станомъ была и пышна, и статна;
Грудь подымалась, что въ бурю волна...

9.

Мòлодецъ думалъ, что ихъ не видать,—
Началъ ее цѣловать-миловàть;

10.

Обнялъ молодку, въ глаза ей глядѣлъ;
Рѣчи повёлъ—словно пѣсню запѣлъ:

11.

—„Любушка-женка! Ты—счастье мое!..
Намъ-ли на свѣтѣ съ тобой не житье!..

12.

„Правда, у насъ злата нѣтъ—серебра,
Нѣтъ запасеннаго въ скрыняхъ добра...

13.

„Да не богаче-ль мы всѣхъ богачей
Кладомъ завѣтнымъ—любовью своей?!.“

14.

Парочка—счастьемъ, что роза, цвѣла...
Зависть и Зависть Лихую взяла:

15.

Злобно махнула сѣдая рукой
И—обвела весь ихъ садикъ клюкой...

16.

Мѣсяцъ одинъ только минулъ съ тѣхъ поръ,—
Выкралъ у молодца кладъ-счастье воръ:

17.

Мужъ-то въ отъѣздѣ, сосѣдъ—во дому...
Худо-ль съ женой чужемужней кому?!.

18.

Нѐвпору мужъ воротился домой:
Гостя засталъ съ перемёткой-женой...

19.

Выскочилъ цѣлъ-невредимъ сòколъ-воръ;
Съ бѣлой лебёдкой—покончилъ топоръ.

20.

Зависть Лихая—ужъ тутъ у окна:
—„Сладко-ль милуетъ красотка-жена?!.“

Сказъ третій.

1.

Вотъ за заставой старуха бредетъ;
Вѣку старухи потерянъ и счетъ...

2.

Некому въ полѣ, завидѣвъ ее,
Кликнуть ей: „Чуръ! Свято мѣсто мое!..“

3.

Пусто, безлюдно... Окрестъ—ни души...
Рѣчка подъ горкой... Пески; камыши...

4.

Вдругъ разглядѣлась старуха—вдали
Что-то живое бѣлѣетъ съ земли...

5.

Ближе сѣдая идетъ наугадъ:
Двое бродягъ передъ нею лежатъ.

6.

Оба—на самомъ припёкѣ лучей...
Слышитъ она:—„Паръ не ломитъ костей!

7.

„Ишь, какъ пригрѣло!.. А славно съ тобой
Жить-то намъ здѣсь! Не платить за постой:

8.

„Горы, пещеры—чѣмъ хуже хоромъ?
Вдоволь харчей на поляхъ наберёмъ!..

9.

„Вёсну и лѣто всегда мы въ бѣгахъ;
Зимы-жъ зимуемъ зато въ городахъ!..

10.

„Осень потянетъ—пахнётъ холодкомъ,—
Мѣста намъ хватитъ въ тюрьмѣ и вдвоёмъ:

11.

„Сами придемъ,—жизнь зимой дорога...
Зиму—въ острогѣ, съ весною—въ бѣга;

12.

„Снова на волѣ готовъ намъ съ тобой
Харчъ-разносолъ и пріютъ даровой!..“

13.

—„Что-жъ,—отвѣчаетъ другой,—говорить!
Всякому далъ-бы Господь такъ пожить!..“

14.

Рѣчь ихъ до слуха старухи дошла,
Зависть и Зависть Лихую взяла!

15.

Зависть не можетъ безъ лиха пройти
Мимо счастливца на каждомъ пути.

16.

Ей—на распутьи торёныхъ дорогъ—
Счастье чужое стоитъ поперёкъ!..

17.

Двое счастливцевъ лежатъ передъ ней:
Солнце для нихъ не жалѣетъ лучей;

18.

Всѣмъ-то на свѣтѣ довольны всегда,
Горе—не въ горе, бѣда—не бѣда...

19.

Каждый изъ нихъ и роднёю богатъ:
Бѣдность—сестра имъ, а голодъ—свой братъ...

20.

То-то судьба имъ—родимая мать:
Съ нихъ даже Зависти нечего взять!..

XLII.

ПОСЛѢДНІЙ БОГАТЫРЬ.

1.

Прямоѣзжею дорогой—
За лѣсовъ дремучихъ крѣпь—
Конь несётся рѣзвоногій,
Скачетъ всадникъ черезъ степь.

2.

Синей сталью воронёной
Латы искрятся на нёмъ;
Силой чаръ заговорённый—
Смѣлый взоръ горитъ огнемъ.

3.

На червлёной однорядкѣ—
Красный ѐпашень-кафтанъ;
Вьются кудри въ безпорядкѣ:
Полонъ мѣткихъ стрѣлъ колчанъ.

4.

Каждый взглядъ—стрѣла, зарница;
На кудряхъ блеститъ шишакъ...
Конь подъ всадникомъ—конь-птица:
Скокъ силёнъ и вѣренъ шагъ...

5.

Городами, иль по сёламъ
Путь лежитъ ему,—за нимъ
На судьбу глядитъ веселымъ
Самый хмурый нелюдимъ!

6.

Поровняется съ палатой,—
Гостю: „Милости прошу!..“
Онъ—не брезгаетъ и хатой,
Подвернётъ и къ шалашу.

7.

Гдѣ не ладится веселье,
Только воззрится въ народъ,—
Грусть разгонитъ—какъ похмѣлье,
Скуку—шуткой отведетъ.

8.

Смотритъ тризной похоронной
Пиръ-бесѣда безъ него,—
Съ нимъ, что съ вѣрной обороной,
Не боишься ничего!...

9.

Ни за что онъ не въ отвѣтѣ,
Съ нимъ—приволье въ мірѣ жить;
Онъ одинъ волёнъ на свѣтѣ
И въ бездольи не тужить.

10.

Онъ заразъ, чудесной силой,
Можетъ быть во всѣхъ мѣстахъ,—
Гдѣ кручины нѣтъ постылой,
Гдѣ—улыбка на устахъ...

11.

Гдѣ печаль—туда путина;
Гдѣ веселье—тамъ давно
Подъ окномъ стоитъ дѣтина...
Не дивиться—мудрено!

12.

И несется кличъ:
„Дивитесь!
Нѣтъ ему ни въ чемъ помѣхъ!
Это—славный русскій витязь,
Богатырь послѣдній—Смѣхъ...“

XLIII.

БЕЗРОДНАЯ.

Сказъ первый.

1.

„Христосъ воскресъ!“—урочною
Порою полунòчною
Гудитъ со всѣхъ сторонъ;

Гудётъ-растетъ раскатами
Надъ нивами, надъ хатами
Великодневный звонъ.

2.

Просёлками окольными
Съ волнами колокольными—
Волнà-волной плыветъ

Распутьемъ бездорожія
Радѣтель храма Божія—
Посельщина-народъ.

3.

Сіяютъ церкви яркія,
Костры пылаютъ жаркіе
По стаявшимъ буграмъ;

Въ оградахъ—ходы крестные
Хвалы-стихи воскресные
Выводятъ по крюкамъ.

4.

И вся земля крещоная
Внимаетъ—умиленная—
Святымъ словамъ небесъ;

Вся—въ голосъ отзывается,
Вся—въ кличъ одинъ сливается:
„Воистину воскресъ!..“

Сказъ второй.

1.

Заутреню съ обѣднею
Стояла ты,—послѣднею
Отъ паперти пошла—

За силой богомольною
Бобылкою бездольною
Къ деревнѣ изъ села.

2.

„Ни роду-то, ни племени!“—
Крушилась не ко времени,
Въ пресвѣтлый день Христовъ—

Грустна̀, что пѣснь разстанная,
Блѣдна̀, что даль туманная,
Смутна̀, что мгла лѣсовъ.

3.

Въ чужомъ углу пригрѣтая,
Попрёками отпѣтая—
Не знала доли ты;

И на̀-сердцѣ таилися,
Въ слезахъ тоски роилися
Залётныя мечты.

4.

Не веселъ праздникъ радостный,
Трезвонъ не красенъ сладостный,
Не свѣтелъ солнца свѣтъ,

За зорькой-зоряницею—
За красною дѣвицею—
Занявшійся вослѣдъ...

Сказъ третій.

1.

„Христосъ воскресъ, желанная!"—
Послышалась нежданная
Молвь—тихій голосокъ...

Кто̀-жъ кинулъ слово встрѣчное,
Словечушко сердечное,—
Сироткѣ—невдомёкъ!

2.

Повитъ-ли бѣлой дымкою,
Подъ шапкой-невидимкою,
Весенній легкій духъ

Встревожилъ рѣчью краткою,
Разнѣжилъ вмигъ украдкою
Дѣвичій чуткій слухъ?

3.

Иль вѣтеръ—гость непрошенный,
Стрѣлою за̀-лѣсъ брошенный,
Шепнулъ съ-налёту ей

Слова, для всѣхъ обычныя,
Одной-то ей не свычныя
Среди чужихъ людей?!.

4.

Безродному, бездольному
Хоть воздуху-бы вольному,
Хоть вѣтру—быть сродни!

А то они, безсчастные,
Въ дни-ль—нѐпогодь, въ дни-ль ясные,
Всегда, всегда одни!..

Сказъ четвертый.

1.

Погостъ... Кресты съ часовнями—
Надъ ровнями-неровнями
Ровнёхонько стоятъ,—

Подъ тёмными ракитами,
Листвой не пріукрытыми,
Столпились въ тѣсный рядъ...

2.

Шла вплоть, остановилася
Горюша,—осѣнилася
Родительскимъ крестомъ;

Чу,—сердце всполохнулося:
Всё встало-ль, всё-ль проснулося
На кладбищѣ пустомъ?..

3.

—„Христосъ воскресе, сродничкн,
Подземные колодничкн!“
И—чудо изъ чудесъ:

Вся ширь, вся даль окрестная
Откликнулась, безвѣстная:—
„Воистину воскресъ!..“

4.

Идти безродной—радостнѣй:
Плыветъ за ней все сладостнѣй
Пасхальный звонъ церквей;

Вступилъ съ нимъ въ жизнь обиженныхъ,
Бездольныхъ и униженныхъ
Христосъ, воскресшій въ ней...

XLIV.

НА ПЛОТАХЪ.

На привалѣ.

1.

Тамъ,—гдѣ горы ушли
Вдаль отъ Волги-рѣки,—
Замелькали кругомъ
По водѣ огоньки.

2.

Припадая къ волнамъ,
Посреди темноты
Полосою сплошной
Протянулись плоты.

3.

Завтра—вмѣстѣ съ зарей
Внизъ по стрежню пойдутъ,—
Понесутъ на себѣ
Потъ народный и трудъ...

4.

Вотъ—сидятъ у костра
На плоту рулевомъ,
Собрались бурлакй
Передъ дымнымъ котломъ.

5.

Ложки черпаютъ въ ладъ,
Хвалятъ парни наваръ:

Знать, на-славу сварилъ
Ужинъ имъ кашеваръ!

6.

Вся широкимъ крестомъ
Осѣняся заразъ,
Трудовая семья
По плотамъ разбрелась.

7.

Улеглись—гдѣ пришлось:
Дорогъ сонъ, не постель!
Лечь успѣли едва—
Захрапѣла артель...

8.

Ночь плыветъ... Съ темнотой
Споръ заводитъ вода:—
„Люди гонятъ плоты?
Ихъ-ли гонитъ нужда?!“

Въ пути.

1.

Ухватились другъ-за друга
Перерубами деревъ...
Съ ними—Унжа и Ветлуга
Шлютъ степямъ поклонъ лѣсовъ...

2.

Налетѣло... Подхватило...
Руль сломало; понесло...
Расходилась вражья сила.
Лихо—по̀-воду пошло!

3·

И верхо̀вый, и моряна—
Оба вѣтра—налегкѣ,
Въ дымкѣ бѣлаго тумана,
Пробѣжали по рѣкѣ.

4·

Не подъ силу съ пароходомъ
Совладать имъ и вдвоёмъ:
Знай—плыветъ-себѣ по во̀дамъ...
Вихорь-буря—нипочемъ!

5·

Каравану, пролетая,
Понадѣлали бѣды:
Баржа, нефтью налита̀я,
Захлебнулась отъ воды;

6.

Затопилъ-бы всѣ—низовый,
Всю-бы Волгу взволновалъ,
Да не во̀-время верхо̀вый
Подкатилъ съ-налёту валъ!

7·

Держатъ берегомъ къ зато̀ну...
Знать, не-промахъ лоцмана̀,—
Хоть и задали-жъ имъ звону
Вѣтры оба да волна!..

8.

Берегъ—вплоть... Съ-размаха въ воду
Полетѣли якоря̀...
—„Нѣтъ, къ поволжскому народу
Подступаться, видно, зря!..“—

9.

Говоритъ моряна брату...
А верхо̀вый—ей въ отвѣтъ:
—„Вотъ плотовъ по перекату
Что-то нынче во̀все нѣтъ!..“

10.

Чуть промолвилъ (на вспоминѣ,
Знать, легки!)—плоты ужъ тутъ:
Выгребаютъ по быстрїнѣ,—
Цѣлой ярмонкой плывутъ...

11.

Бурлаки столпились кучей,
Всѣ—съ баграми по рукамъ.
Отъ бѣды отъ неминучей
Не уїти плотовщикамъ!..

12.

Мчатся волнъ крылатыхъ стаи
Къ нимъ со всѣхъ семи дорогъ...
Битву чуютъ „ветлуга̀и“;
Имъ защитой—только Богъ!..

13.

Налетѣло; подхватило.
Стрѐжнемъ крутитъ, бьетъ волной...
Ломитъ силу вражья сила:
Бой кипитъ—неравный бой.

14.

„Стой! Налягъ! Впередъ багры дай!..“
Расходилася рѣка...
Волга-рѣченька, не выдай
Горемыку-бурлака!..

Разсчетъ.

1.

Въ послѣдней пристани... Къ затòну
Ихъ ловко хвàтальщикъ подвелъ...
Стоятъ по горному услону
На якоряхъ... Весь—лѣсъ дошелъ!

2.

Оконченъ плёсъ... Съ плотовщиками
Свелъ счетъ прикащикъ кое-какъ;
И торопливыми шагами
Съ плотовъ побрелъ народъ—въ кабакъ...

3.

Разсчетъ—разгулъ... Бренчатъ казною...
Дешовка плещетъ черезъ-край...
Сошлись предъ стойкою одною
Волгарь, пермякъ и ветлугай...

4.

—„А ловко, братцы, обсчитали?...“
—„Кудà ловчѣй! Народъ лихой!..
Всё берегли, не доѣдали;
Осталось—развѣ на-пропой!..“

5.

Яръ-хмѣль—давно свой братъ въ артели.
Въ сосѣдствѣ съ нимъ, и бурлаки
Не то чтобъ очень захмѣлѣли,—
Поразвязали языки!..

6.

—„Хватили горя?!.“—„Было дѣло!
Чуть не пропали всѣ за грошъ!..“
—„Аль жить на свѣтѣ надоѣло?“
—„Не плыть, такъ—пò-міру пойдешь!..“

7.

—„По чаркѣ дай еще на брата!..“
—„Ну, со свиданьемъ!“ — „Сто лѣтъ жить!..“
—„Богъ спасъ... Спасетъ ещё, ребята!..“
—„Какъ ни гадай, придется плыть!.“

8.

И впрямь—хоть спорь, не спорь съ судьбою,—
А нѣтъ другого имъ труда:
Погонятъ съ новою водою
Они—плоты, а ихъ—нужда!..

КАРТИНЫ ПОВОЛЖЬЯ.

Посвящается

Константину Константиновичу

Случевскому.

I.

Съ Нижегородскаго Вѣнца.

Здѣсь Волга и Ока—видны съ горы зеленой;
За Волгою—луга; на золотѣ песковъ
Сверкаютъ серебромъ у грани отдалённой
Прогалины озёръ и ленты ручейковъ...

Нижегородскій кремль!.. Такъ вотъ гдѣ ты окрѣпла,
Русь русская, въ тѣ дни, когда—не въ силахъ встать
Изъ-подъ ярма невзгодъ, изъ-подъ крамолы пепла—
Готовилась Москва тебя врагу предать...

Съ благоговѣніемъ смотрю на эти стѣны—
На башни круглыя, поросшія травой,
На площадь тѣсную, откуда въ дни измѣны
Пронёсся благовѣстъ къ народу вѣчевой...

Здѣсь—каждый быть желалъ на Минина похожимъ;
Здѣсь—первый гражданинъ на Русь явился въ нёмъ...
Отсюда раздалось: „Дѣтей и женъ заложимъ!
Умремъ за родину! Отчизну-мать спасемъ!..“

II.

Внизъ по Волгѣ.

Какая ширь, какая даль!..
Не потому-ль, не оттого-ли
Такъ жадно проситъ сердце воли,
И такъ томитъ его печаль?!.

Такъ вотъ и кинулся-бы птицей
Туда—за дальній кругозоръ,
Гдѣ въ безднахъ неба тонетъ взоръ—
Надъ Волгой, русскихъ рѣкъ царицей.

Нѣтъ! Это чувство—не печаль:
Съ нимъ повстрѣчался я впервые...
Привѣтъ—тебѣ, родная даль!
Тебѣ—могучая стихія!..

III.

Рыбалки.

Бѣлыя, бѣлыя—съ сѣрыми крыльями...
Къ тёмнымъ волнамъ припадая,
Носится—точно по мертвомъ рыдая—
Эта крикливая бѣлая стая,
Воду порой задѣвая широкими крыльями...

Чайки-рыбалки кружатся надъ водами,
Плачутъ надъ самой кормою,—
Точно томясь неутѣшной тоскою,
Словно хотятъ состязаться гоньбою
Съ этими быстрыми, шумными, вольными водами!..

Ужъ не къ дождю-ль онѣ такъ раскричалися?
Вверхъ не съ грозой-ли гремучей
Мчится низовый?.. Съ пролётною тучей
Встрѣтились мы надъ рѣкою могучей...
Знать, къ непогодѣ рыбалки—къ дождю раскричалися...

IV.

Подъ дождемъ.

Въѣзжаемъ въ полосу дождя,
Иль дождь на насъ идетъ стѣною?..
Глубокій стрежень бороздя,
Летитъ—какъ чайка надъ волною—
По неоглядной шири водъ
Нашъ быстролётный пароходъ.

Стѣнѣ дождя наперерѣзъ
Плывёмъ, по волѣ капитана...
Всё—мимо: отмель, горы, лѣсъ,
Плотовъ флотилія, бѣляна—
Рулёмъ ведомая однимъ...
А дождь густѣетъ, дымомъ-дымъ!

Крѣпчаетъ вѣтеръ... Бѣлякй
На сѣрыхъ гребняхъ волнъ взыграли
Надъ зыбью пѣнистой рѣки;
Вотъ—стрѣлы молній, въ дальней дали
Разрѣзавъ небо пополамъ,
Послали громъ навстрѣчу намъ.

Гроза... Ударъ... Нѣтъ, то не громъ,
А духовъ тьмы зловѣщій хохотъ!
Тамъ—въ царствѣ тучъ—идетъ разгромъ;
Здѣсь—отдаётся гулкій грохотъ...
Но и отъ духовъ тьмы уйдётъ
Нашъ быстролётный пароходъ.

V.

Волна-русалка.

Кипятъ и вздымаются волны,
И ходятъ по вòдамъ горами;
И бьются онѣ за кормою,
И пѣнятся вровень съ бортами...

Куда ни посмотришь, повсюду,—
Какъ вырвалась будто изъ плѣна,—
Надъ тёмной, какъ тайна, пучиной
Курчавится бѣлая пѣна...

И думаешь: это—всплываетъ
Русалка надъ бурной рѣкою—
И бѣлою грудью колышетъ,
И бѣлою машетъ рукою...

И слышишь приманчивый голосъ:
—„Ты жаждешь любви и свободы?
Приди, о, приди-же, въ объятья!
Бросайся въ глубокія воды!..“

VI.

На просторѣ.

Солнце взоры слѣпитъ,
Солнце сыплетъ лучи;
Вѣсть о вѣтрѣ несутъ
Вѣтерки-бирючи.

Бирюзой-жемчугомъ
Отливаетъ вода:
Впереди, позади—
Рѣжутъ Волгу суда.

Чайки вьются-кружатъ
Надъ добычей своей.
Чу, звенятъ возлѣ нихъ
Крылья смѣлыхъ стрижей!

По холмамъ береговъ
Зеленѣютъ лѣса;
Надъ лѣсною стѣной—
Небеса, небеса...

А волна за кормой
Не смолкаетъ—шумитъ.
Солнце сыплетъ лучи,
Солнце взоры слѣпитъ...

VII.

У Керженца.

Вотъ и Керженецъ струится...
Разступилась глушь лѣсовъ:
Край—„труда спасенья ради“,
Край молелень и скитовъ.

Тамъ, за этими лѣсами,
Можетъ быть, и въ наши дни,
Въ жаждѣ подвига за вѣру,
Истязаютъ плоть одни,—

Гдѣ, подъ сѣнью вѣковою
Зеленѣющихъ дубравъ,
Въ мірѣ миръ нашли другіе,
Путь смиренія избравъ...

Пусть моя дорога—мимо,
Всторонѣ отъ этихъ мѣстъ,
Вдаль, гдѣ мы у „центровъ свѣта“,
Какъ слѣпцы, несемъ свой крестъ,—

Все равно—въ полётѣ вольномъ,
Черезъ кручи ближнихъ горъ,
Рвется птица-мысль за Волгу,—
Въ тотъ загадочный просторъ,

Гдѣ духовными очами,
Въ темнотѣ своей святой,
Градъ блаженныхъ—свѣтлый Китежъ
Видятъ люди подъ водой...

VIII.

По угóрью.

На горахъ—какъ-будто горы снова...
Или это башни-исполины
Поднялись изъ праха вѣкового,
Поднялись и смотрятъ на долины...

Старины величьемъ очарованъ—
Я плыву, былое воскрешая,—
Словно съ нимъ я крѣпкой цѣпью скованъ,
Самъ того не вѣдая—не зная.

Высылаетъ Волга мнѣ навстрѣчу
Всей своей бывалой славы тѣни;
Волга ждетъ, что пѣсней я отвѣчу
Пѣснямъ волнъ, рожденнымъ въ бурной пѣнѣ.

Не поется! Думы-исполины
Вкругъ меня тѣснятся, словно горы;
И скользятъ задумчивые взоры
По волнамъ бѣгущей вдаль равнины...

IX.

Лѣса.

Увалами берегъ пошелъ—перевалами;
А лѣсу на немъ и конца не видать...
Раздвинется поле полоской межъ скàлами;
За нимъ впереди—лѣсъ опять.

День клонится къ вечеру. Солнце жаръ-птицею
Трепещетъ еще надъ вѣнцами холмовъ;
А лѣсъ—какъ съ невѣстой—съ зарей-зоряницею
Обняться вѣтвями готовъ.

Стоитъ онъ, какъ царь, надъ поволжскими склонами;
Стоитъ онъ—любуется въ водахъ собой,
Своей буйной мощью, кудрями зелеными,
Своей неоглядной красой.

Вотъ пламя заката горитъ надъ увалами;
Мгновенье, еще и еще; и—заря
Идетъ по волнамъ, подъ покровами алыми,
Въ объятія лѣса-царя.

X.

Золотой мостъ.

День миновалъ... Ночь съ высотъ опрокинула
Звѣздное небо въ рѣкѣ,—
Съ берега на̀-берегъ ночь перекинула
Мостъ золотой вдалекѣ...

Тёплая ночь, тишиною объятая;
Съ берега слышится трель—
Трель соловья, звонкой дробью богатая;
Во̀-ржахъ скрипитъ коростель...

Мѣсяцъ, струитъ надъ спокойной быстрйною
Цѣпь огнецвѣтныхъ лучей...
Не налюбуешься чудной картиною
Дивныхъ поволжскихъ ночей!..

Ѣдемъ-плывемъ... А предъ нами, какъ за̀ново,
Мостъ перекинутъ,—гляди,—
Сколько ни ѣхать, до утра румянаго
Будетъ онъ всё впереди!..

XI.

Жегули.

„Жегули, Жегули!..“
И — опять предо мной
Къ облакамъ вознесли
Горы лѣсъ вѣковой.

Взоры вѐрхомъ скользятъ —
Отъ скалы до скалы,
Гдѣ лишь тучки парятъ,
Да ширяютъ орлы.

Любъ имъ Волги просторъ—
Бѣлопѣнная гладь,
Зеленѣющихъ горъ
Красота-благодать.

Здѣсь предъ ними встаетъ
За курганомъ курганъ,
Гдѣ (гутòритъ народъ)
„Думу думалъ Степанъ“,—

Гдѣ безсуднымъ судьёй
Разинъ правилъ свой судъ,
Гдѣ о волѣ родной
Бури пѣсни поютъ...

XII.

Утро въ Жегуляхъ.

Туманомъ горы задымили,
Вершины выплыли вдали:
Мѣста родной народу были,
Гнѣздо свободы—Жегули!

Въ стыдливомъ полымѣ разсвѣта,
Изъ-за зеленыхъ гребней горъ,
На Волгу—первый лучъ привѣта—
Заря бросаетъ ясный взоръ.

Навстрѣчу зорькѣ-зоряницѣ
Съ холмовъ взлетаютъ беркута̀;
Заря — въ пурпурной багряницѣ,
Туманомъ стелется фата.

Она идетъ на Волгу лѣсомъ,
Идетъ грядою Жегулей
По изукрашеннымъ навѣсамъ;
Что шагъ пути, то день—свѣтлѣй!

Спустилась къ отмели, и — воды
Порозовѣли въ тотъ-же мигъ.
Будя лѣсовъ дремучихъ своды,
Разда̀лся птицъ веселый кликъ...

XIII.

Гигантскія чаши.

Котловины между горъ — что чаши,
Зеленымъ-виномъ налитыя съ краями...
Гдѣ мѣста привольнѣе, гдѣ—краше?
Что̀ красой сравнится съ Жегулями?!.

Высоко̀ взобра̀лись на шиханы
Тёмныхъ сосенъ траурныя гривы;
Низко-низко на̀ берегъ песчаный
Плещутъ волнъ, пѣвучихъ волнъ, приливы.

По буграмъ — разро̀сся лѣсъ дремучій;
По-надъ лѣсомъ — гребни да утесы...
Каждый разъ—надъ ними встрѣтясь съ тучей,
Вѣтеръ ей объ нихъ расчешетъ косы:

Словно хмѣльный, ходитъ Жегулями;
А онѣ — всё выше, да всё краше...
Ходитъ вѣтеръ валкими шагами,—
Ходитъ онъ отъ чаши къ новой чашѣ,
Зеленымъ-виномъ наполненной съ краями...

XIV.

Прежде и теперь.

Прежде—лѣса эти страхъ наводили!
Всё измѣнилъ нашъ измѣнчивый вѣкъ:
Нынче,—не вѣря схоронённой были,—
Самъ устрашаетъ лѣса человѣкъ.

Прежде на Волгу изъ нихъ выбѣгала
Вольницы волжской лихая семья;
Нынче — отъ Волги дорога-змѣя
Ихъ проползла отъ конца до начала.

Вотъ она—вьётся-чернѣетъ—просѣка
Вдоль-поперёкъ размежованныхъ горъ...
Много дубовъ положилъ здѣсь топоръ...
Лѣсъ-богатырь! Берегись человѣка!..

XV.

Двѣ мести.

Рубятъ лѣсъ, корчуютъ пни;
Роютъ известь, ломятъ камень...
Грабитъ хищникъ-человѣкъ
Жегулей могучихъ рамень.

Это—мститъ горамъ купецъ,
Мститъ за то, что хоронили
Удаль волжскую въ себѣ,
Что грозой богатству были.

Мститъ купецъ за то, что здѣсь
Прежде не было проходу
Караванамъ и судамъ
Отъ разбойнаго народу...

Но и горы смотрятъ внизъ
Съ нескрываемой враждою—
Пробужденныя отъ сна
Злой невзгодою-бѣдою.

Горы высятся стѣной,
Уперлися въ небо гребнемъ;
Горы хищниковъ грозятъ
Раздавить, засыпать щебнемъ.

Ужъ мѣстами кое-гдѣ
Къ лѣсопильнямъ и заводамъ
Сверху оползни ползутъ...
Ближе, ближе—съ каждымъ годомъ...

XVI.

Передъ Стенькинымъ бугромъ.

Бѣляны, барки и расшивы...
Чуть слышенъ мягкій плескъ волны...
О, какъ здѣсь памятны, какъ живы
Сѣдыя были старины!..

Ихъ тѣни къ намъ спѣшатъ гурьбою
Изъ тёмныхъ займищей лѣсныхъ;
Ихъ тѣни манятъ за собою
На высь бугровъ сторожевыхъ...

Плывемъ... Плыветъ „Княжна Татьяна",
Какъ бѣлый лебедь, по рѣкѣ,—
Гдѣ прежде Стеньки-атамана
Ладьи всплывали налегкѣ..

Не здѣсь-ли Волгѣ даръ безцѣнный
Степанъ принёсъ, не пожалѣвъ
Красы-княжны, услады плѣнной,
Смѣнявъ любовь на властный гнѣвъ?..

То не о нёмъ-ли вспоминая,
Орлы другіе съ высей горъ
Снялись, слетѣлись—стаей-стая—
На Стеньки Разина бугоръ?!.

XVII.

Навстрѣчу степи.

Обожженные солнцемъ холмы,
За холмами—равнины.
Вотъ послѣднiй бугоръ изъ-подъ тёмнозеленой чалмы
Досказалъ Жегулей мнѣ былины.

Бальзамическiй воздухъ степной
Вѣетъ тихою далью
Надъ моей непокорной, тяжелою думой больной,
Надъ моей безпокойной печалью.

Здравствуй, степь! Здравствуй, ширь безъ границъ!
Здравствуй—съ Волгой-рѣкою,
Со стадами кочевьевъ своихъ да съ ватагами птицъ,
Съ ковылёмъ—бѣлорунной травою!

Разступись-раскачайся, ковыль,—
Разбушуйся, какъ море!
Разскажи мнѣ степной цѣлины вѣковѣчную быль
На широкомъ привольѣ-просторѣ!..

XVIII.

Въ царствѣ хлѣба.

Здѣсь хлѣбъ царитъ, здѣсь—царство хлѣба'..
Отсюда—изстари вѣковъ
Слышнѣй всего идетъ до неба
Мольба голодныхъ бѣдняковъ.

„Даждь хлѣбъ насущный!"—стонетъ-стономъ
Молитва сѣрыхъ деревень,
Подъ этимъ знойнымъ небосклономъ
Встрѣчая каждый Божій день.

Сверкаетъ золотомъ пшеницы
Просторъ-приволье тучныхъ нивъ:
Богачъ сберетъ её, какъ птицы,—
Трудомъ землѣ не возвративъ.

А кто вспахалъ-засѣялъ поле,
Кто терпитъ лѣтнюю страду,—
Тому—въ его смиренной долѣ—
Судьба одну даритъ нужду.

Онъ жизнь влачитъ, по волѣ неба,
Рабомъ свободнымъ „кулака"...
Здѣсь, вслѣдъ за нимъ, сама̀ рѣка
Волнами стонетъ: „Хлѣба! Хлѣба!.."

XIX.

Степь.

Перекинулись горы налѣво,
Справа—вдаль переваломъ ушли;
Черноземная степь разметнулась,
Степь кругомъ—и вблизи, и вдали.

Ковыля забѣлѣли султаны,
Словно волны на морѣ травы...
Одинокіе стражи-курганы!
Чьи-то кости хороните вы?!.

Черной прорѣзью балки-овраги
Охватили широкій просторъ;
Птицъ пролётныя тянутъ ватаги,—
Точно по-небу вышитъ узоръ.

Но и степь—всё лѣвѣй да лѣвѣе;
Стали берегомъ стлаться пески...
Степь! Куда-же ты, степь, побѣжала
Отъ кормилицы Волги-рѣки?!.

XX.

Бой великановъ.

Камни, въ воду брошенные камни,—
Словно съ горъ оторванныя скалы...
Встарину, въ дни пращуровъ забытыхъ
Здѣсь не бой-ли шелъ у великановъ?..

Можетъ быть, сошлись они надъ Волгой,
Затряслись подъ ихъ стопою горы;
Можетъ быть, они отъ горъ руками
Отрывали острые утёсы...

Можетъ быть, пращой они метали
Камни—скалы цѣлыя—братъ въ брата;
Бились день, другой и третій бились
За своё владычество надъ степью...

Можетъ статься, Волга и сложила
Старый сказъ про битву великановъ,—
И шумитъ она, поётъ и шепчетъ,
Да понять ее никто не сможетъ!..

Чья взяла,—вѣка̀ покрыли тайной;
Гдѣ бойцы,—запамятовалъ берегъ;
Былъ-ли бой,—не молвятъ слова людямъ
Камни, въ воду брошенные камни...

XXI.

На Хвалынской пристани.

Подъ кровомъ задумчивой ночи
Мы слушали мо̀лча волну;
Казались мгновенiй короче
Часы, призывавшiе къ сну...

Окутана дымною тьмою,
Сама̀—воплощенная мгла,
Неслышною, лёгкой стопою
Крылатая полночь сошла.

Огнями очей не сверкая,
Беззвѣздная—шла безъ лучей,
Забвенья покой проливая
На грёзы безсонныхъ ночей.

Привѣтомъ царицу покоя
И берегъ встрѣчалъ, и вода;
И даже—на якорѣ сто̀я—
Имъ въ ладъ откликались суда.

Скрипѣли на мачтахъ канаты,
И волнъ многозвучныхъ струи
Слагали въ живыя кантаты
Пѣвучiя думы свои...

Подобнаго чудо-оркестра
Не слышать въ концертахъ другихъ!
Здѣсь—правилъ имъ вѣтеръ-маэстро,
Дыша изъ-за горъ мѣловыхъ...

XXII.

Столбичи.

Цѣлый городъ—надъ рѣкою:
Стѣнъ зубчатые вѣнцы,
Башенъ грозныя твердыни,
Колокольни и дворцы.

Луннымъ свѣтомъ залитъ берегъ,
Всё безмолвствуетъ кругомъ,—
Только Волга катитъ волны,
Отливая серебромъ.

Чудо-городъ... Городъ-призракъ...
Тѣнь временъ пережитыхъ...
Онъ повисъ надъ самымъ яромъ—
Полонъ думъ о дняхъ былыхъ...

Ближе, ближе... По затону
Проплываетъ пароходъ...
Что за диво! Предо мною—
Тотъ-же городъ, да не тотъ!

Нѣтъ ни башенъ надъ водою,
Нѣтъ ни каменныхъ палатъ;
Только сѣрыхъ скалъ громады
Въ Волгу съ берега глядятъ,—

Другъ на дружку наступаютъ;
Льетъ луна на нихъ лучи...
Чу, матросъ матросу крикнулъ:
„Проѣзжаемъ Столбичи!..“

XXIII.

Письмена горъ.

Какъ-будто славянскою вязью
Расписаны бѣлыя горы...
Но только—прочесть не берусь я
Письменъ непонятныхъ узоры.

Вѣками начертанный свитокъ
Раскрытъ откровенной природой;
Его лѣтописцами были—
Дождь-ливень съ грозой-непогодой.

Снѣга̀ имъ писать помогали,
Сбѣгая на Волгу,—къ Егорью,
Съ весеннею полой водою,—
Ручьями, вразбродъ, по угорью...

Былая-ль отмѣчена слава,—
Одно-ли безславье былое?
Записано-ль кладовъ заволжскихъ
Заклятье, для нихъ роковое?!.

Иль, можетъ быть, это—страница
Той-самой затерянной книги,
Въ которой разгадана тайна:
Ка̀къ сбросить всѣмъ людямъ вериги?!

XXIV.

За Саратовомъ.

Нагорный едва проступаетъ,
Съ волнами слился—луговой.
А Волга—вся Волга сверкаетъ
Безбрежной своей синевой...

Вотъ парусъ мелькнулъ на мгновенье,
На солнцѣ блестнулъ серебромъ,—
Мелькнулъ и пропалъ въ отдаленьи.
Вода лишь да небо кругомъ...

А рядомъ—кружокъ незнакомыхъ,
Плывущихъ съ тобою людей,
Куда-то, за чѣмъ-то влекомыхъ
Случайностью жизни своей.

Подъ звуки чужихъ разговоровъ
Сидишь и, не слушая ихъ,
Не въ силахъ прикованныхъ взоровъ
Отвесть отъ валовъ волновыхъ.

Глядишь, и—вопросъ за вопросомъ
Въ пытливое сердце стучитъ:
Что̀ это за дымка надъ плёсомъ?
О чемъ это чайка кричитъ?

Зачѣмъ это пѣнятся волны,
Взлетая одна надъ другой—
То тихою ласкою полны,
То бурной стихійной враждой?!.

XXV.

Подъ Астраханью.

Пески, одни пески... Съ величіемъ спокойнымъ —
Песками съ двухъ сторонъ давно окаймлена,
Дорогой дальною въ-конецъ утомлена —
Идетъ царица рѣкъ подъ взглядомъ солнца знойнымъ.
По островамъ вездѣ — рыбацкія артели;
Калмыцкихъ дымныхъ юртъ круги — по берегамъ.
О морѣ близкомъ вѣсть собой давая намъ,
Ватаги птицъ морскихъ навстрѣчу полетѣли...

Всё неогляднѣе рѣки глубокой ширь,
Всё дальше бѐрега капризнаго извивы...
Минуя в о̀ л о ж к и, затоны и заливы, —
Плывемъ... Навстрѣчу намъ—ламайскій монастырь:
Колонны, башенки надъ кровлей по угламъ...
Здѣсь жарко молятся отцу смиренныхъ—Буддѣ
Ученія его не знающіе люди,—
Убогой вѣры сѣнь, слѣпцовъ духовныхъ храмъ!..

Отсюда—звонъ литавръ смѣняя похоронный,
По Волгѣ стелется молитвъ призывный кликъ;
И внемлетъ степь ему,—гдѣ жизнь влачитъ калмыкъ,
На вымираніе судьбою обреченный...
День, только день, еще, и — броситъ всю истому,
Всю диво-красоту красавица-рѣка —
Какъ море синее, любовью широка —
Въ объятья Каспію, богатырю сѣдому...

Волга (Нижній—Астрахань).
1895—96 гг.

СѢВЕРНЫЙ ЛѢСЪ.

(1892—1899 гг.)

I.

Поэзія задумчивыхъ, таинственныхъ лѣсовъ
Зоветъ меня призывами безвѣстныхъ голосовъ,—

Зоветъ меня, влечетъ меня и нѣжитъ, и томитъ,
И пѣснями, и сказками, и думами даритъ.

Иду я съ ней, спѣшу за ней подъ сѣнь родныхъ дубравъ,—
Она мнѣ шепчетъ пòшептомъ волнующихся травъ;

Надъ нами съ неба дò-земи—зеленые шатры,
Подъ нами—мхи, что пестрые, цвѣтистые ковры.

И шу̀мы отдалённые, и тишь; и темь, и свѣтъ;
И зрѣютъ думы свѣтлыя—молвѣ лѣсной въ отвѣтъ.

А вѣщая поэзія изъ чуткой тишины
Аукается съ памятью далекой старины,—

Влечетъ меня призывами родныхъ мнѣ голосовъ
Подъ своды тиховѣйные задумчивыхъ лѣсовъ...

II.

Лѣсъ говоритъ со мной безмолвіемъ своимъ;
Я пробуждаюсь въ немъ отъ смутнаго томленья,
Которымъ жизнь меня окутала, какъ дымъ,
И память прошлаго одѣла сномъ забвенья.
Иду и жду чудесъ... Мнѣ кажется, что вотъ—
Раздвинется навѣсъ вѣтвей темнозелёныхъ,
Сама Природа-мать навстрѣчу мнѣ пойдетъ
Изъ терема своихъ палатъ многоколонныхъ.
И мнится: съ ней и въ ней всѣ пращуры мои
Пройдутъ передо мной, богатыри лѣсные,
И я почувствую себя въ кругу семьи—
Живущимъ не теперь, а тамъ—въ вѣка иные,—
Въ тѣ дни, когда грозилъ забытымъ предкамъ врагъ,
Внося огонь и мечъ въ ихъ мирныя селенья,
И, покидая свой прадѣдовскій очагъ,
Искали пахари въ лѣсахъ себѣ спасенья...
И лѣсъ ихъ укрывалъ въ привѣтливой тѣни
Отъ взора жадныхъ глазъ насилія лихого;
И новыхъ очаговъ священные огни
Въ честь праотцевъ-боговъ не угасали снова...
И веси новыя, и новыя поля
Среди лѣсной глуши взростали годъ отъ года—
Тамъ, гдѣ еще вовѣкъ не слышала земля
Молитвъ землей вскормлённаго народа.

III.

Такъ много въ природѣ,
Въ угрюмой природѣ лѣсовъ,
Призыва къ безсмертной свободѣ
Для скованныхъ жизнью рабовъ...

Въ комъ юности много,
Въ комъ юной такъ много мечты,—
Для всѣхъ въ мірѣ ищущихъ Бога
Воздвигнутъ въ ней храмъ Красоты...

Истомой печальной
Чаруетъ и манитъ она
Въ тѣ дни, когда гостьею дальной
Стучится къ намъ въ душу весна...

Нѣтъ въ мірѣ чертога
Прекраснѣй чертога лѣсовъ,—
Въ нихъ—красокъ безвѣстныхъ такъ много,
Такъ много неслыханныхъ словъ!..

IV.

Сосны молчаливыя
Шепчутся съ весной:
Облики пугливые
Будятъ міръ лѣсной.

Пòнизью, тропинкою
Вѣтерокъ бѣжитъ,—
Съ каждою былинкою
Шепчетъ-говоритъ.

Шорохами, шумами
Вся окружена—
Надъ лѣсными думами
Всходитъ тишина.

И—весной счастливые—
Зацвѣтаютъ въ ней
Ландыши стыдливые
Грезъ души моей...

V.

Бѣлыхъ березокъ куртина,
Красной сосны колоннады;
Верба, ивнякъ и рябина,—
Царство зеленой прохлады!

Тлѣетъ въ травѣ предо мною
Хрупкій валежникъ пластами;
Вѣетъ ко мнѣ тишиною,
Звуками полной, мечтами.

Чудится мнѣ ихъ такъ много—
Звуковъ лѣсныхъ отовсюду;
Крадется въ сердце тревога,
Въ сердце—доступное чуду.

Мнится: вонъ тамъ, на шиханѣ,
Всадникъ—тропою пробитой
Ѣдетъ къ широкой полянѣ,
Солнца лобзаньямъ открытой...

Скачетъ... Всмотрѣлся, гляжу я:
Это—не всадникъ, а ели,
Вѣтра дыханье почуя,
Вѣтками вдругъ зашумѣли...

VI.

Всё ель кругомъ, повсюду—ель.
Стою: ни шороха глухого,
Какъ-будто отъ всего живого
Ушелъ за тридевять земель...

Не шелохнётъ, не дрогнетъ вѣткой,
Какъ заколдованъ хмурый лѣсъ;
Едва сквозитъ просвѣтъ небесъ—
Полузатянутъ хвойной сѣткой.

Внизу ни травъ нѣтъ, ни цвѣтовъ,—
Песокъ разсыпчатый да глина;
Вдали—зыбучая низина
Съ ковромъ сѣдыхъ и тощихъ мховъ..

Однообразна и бѣднà ты,
Картина сѣверной глуши;
Но для родной тебѣ души
И эти краски—такъ богаты!

Богаты странной красотой—
Той красотой, очамъ незримой,
Той красотой неуловимой,
Чтò осязается мечтой...

Да, этотъ лѣсъ въ былые годы
За храмъ бы слылъ; а богомъ могъ
Быть въ этомъ храмѣ—Чернобогъ,
Славянскій геній зла природы...

VII.

Песчанымъ тѣснымъ логомъ
Иду я наугадъ;
Въ порубежьи отлогомъ
Теряется мой взглядъ.

Нависъ щитомъ по скату
Орѣшникъ молодой;
Ручей по перекату
Поитъ пески водой,—

Сорвался въ котловину,
Родникъ сталъ родникомъ,
Заросъ на-половину
Вѣтвистымъ тальникомъ.

Глядится солнце свыше
Въ зеркально-свѣтлый ключъ,
Сквозь зелень зыбкой крыши
Купаетъ въ немъ свой лучъ...

Стрекозы въ день погожій
Ведутъ здѣсь рѣчь свою:
„Сюда, сюда, прохожій,
Къ студёному ручью!..“

VIII.

Гордыя, стройныя,—
Лѣса красавицы, сосны спокойныя
Дружною, смѣлою ратью стоятъ,
Небу далекому,
Ясному небу, какъ темная бездна глубокому,
Думы свои говорятъ—
Гордыя, стройныя...

*

Вѣчно зеленыя,
Горькой смолою страданій земли напоенныя,
Каждой иголкою хвои своей
Солнышку жгучему,
Лѣтнему солнцу—свѣтилу свѣтилъ всѣхъ могучему,
Шепчутъ о влагѣ дождей—
Вѣчно зеленыя...

*

Грозныя, грозныя—
Тученьки-тучи небесныя жалобы слёзныя
На̀ землю съ гулкими гро̀мами льютъ;
Молніей пламенной
Съ дальнею горною кручею каменной,
Съ ближними соснами рѣчи ведутъ—
Грозныя, грозныя...

*

Гордая, стройная,
Въ бурю-грозу неизмѣнно спокойная
Сѣверныхъ пальмъ щитоносная рать
Вызовы смѣлые
Шлетъ за предѣлы, отъ гнѣва небесъ омертвѣлые,
Смерть приготовясь встрѣчать—
Гордая, стройная...

IX.

О, еслибъ только отвѣчать
Могли вы, сосны, вѣщимъ шумомъ
Глухой тоски безмолвнымъ думамъ,—
Мнѣ легче стало-бы опять...

Когда-бъ я могъ занять у васъ
Безстрастья вашихъ чувствъ холодныхъ,—
Въ сомнѣньяхъ горькихъ и безплодныхъ
Я не пылалъ-бы и не гасъ...

Смотрѣлъ смѣлѣе-бы въ глаза
Я жизни темной привидѣньямъ,
И для меня-бы вдохновеньемъ
Была и буря, и гроза...

Не отступалъ-бы ни предъ чѣмъ
И не склонялся-бы подъ гнётомъ,
И не внималъ-бы я заботамъ,
И лжи не видѣлъ-бы совсѣмъ...

Но нѣтъ и нѣтъ конца угрюмымъ,
Рожденнымъ жизнью, горькимъ думамъ;
Но ложь—вокругъ меня опять...
О, еслибъ сосны отвѣчать
Могли тоскѣ весеннимъ шумомъ!..

X.

Стрѣлы солнца золотыя
Пронизали предо мной
Липокъ заросли густыя,
Статныхъ клёновъ юный строй...

Щедро золотомъ червоннымъ
Изукрашенъ ихъ нарядъ,—
По вѣтвямъ, стволамъ зеленымъ,
По листвѣ—лучи горятъ.

Пестрой понизью укромной,
Гдѣ въ травѣ—среди корней—
Пріютился ландышъ скромный,
Пляшетъ рой живыхъ огней...

Осыпаемый стрѣлами,
Я—самъ-другъ съ мечтой—бреду
Подъ кудрявыми талами,
По торёному слѣду...

А мечта—хмѣльнѣе хмѣля;
Такъ и грезитъ стариной,—
Шепчетъ: „Здѣсь искала Леля
Лада раннею весной!..“

XI.

Завели перекличку, гремятъ соловьи,
Вѣетъ свѣжею влагой зеленою;
Въ морѣ свѣта купаетъ вершины свои
Лѣсъ, увѣнчанный солнцемъ-короною.

Близъ меня, надо мною, запѣлъ соловей—
На черёмухѣ, между березами.
Чу, другой перекинулся съ нимъ изъ вѣтвей
Соловьиными звонкими грёзами!

Трель—на трель; соловей услыхалъ соловья...
Трубадуровъ лѣсныхъ состязаніе!
Кто нѣжнѣй? Кто звончѣй? Дробь раскатистѣй чья?!
Льется пѣсня, и—нѣтъ ей названія!..

Подъ защитою вѣтокъ я замеръ, стою—
Силой звуковъ безъ чаръ очарованный,—
Самъ откликнуться пѣсней готовъ соловью,
Упоенный, счастливый, взволнованный!..

За оврагомъ—еще и еще соловьи;
Внемлетъ лѣсъ имъ всей чащей зеленою.
Лѣсъ надъ ними склоняетъ всѣ вѣтки свои;
Солнце гаснетъ подъ пѣснь окрылённую...

XII.

Тишина... Но сколько звуковъ,
Сколько шумовъ слышно мнѣ
Въ этой томной, въ этой влажной,
Необъятной тишинѣ!

Чу, плыветъ напѣвъ неясный,
Чей-то сладостный напѣвъ.
Громче, ближе... То не пѣсня-ль
Дивъ лѣсныхъ, русалокъ-дѣвъ?

Гукнулъ филинъ въ темной чащѣ,
Дятелъ стукнулъ на суку;
Гдѣ-то въ хвоѣ затерялось
Сиротливое „кукѝ“;

Смолкло всё... Нежданный хохотъ
Прокатился по пути...
То не лѣшій-ли грозится
Мнѣ дорогу перейти?

Такъ и есть... Тропа лѣсная—
Вся прямая, какъ стрѣла—
Влѣво, вправо изогнулась,
Въ логъ заросшій повела...

Стой, назадъ!.. Правѣй; лѣвѣе!..
Перекрёстокъ трехъ дорогъ...
Наугадъ пойдешь; и снова—
Предъ тобою тотъ-же логъ.

Какъ тутъ быть! Какъ не повѣрить
Всякимъ чудищамъ лѣснымъ?
„Чуръ меня, лихая нечисть!
Проходи путемъ своимъ!..“

И—знакомая тропинка,
Какъ живая, предо мной,—
Отъ ходовъ непроторёныхъ
Убѣгаетъ вдаль стрѣлой.

Нѣтъ слѣда отъ навожденья!
Да и не было его,—
Только „Чуръ меня!“ всё шепчешь,
Самъ не зная—отчего.

Тишина... Но сколько шумовъ,
Сколько звуковъ слышно мнѣ
Въ этой вѣщей, въ этой грозной,
Суевѣрной тишинѣ!..

XIII.

Въ безмолвіи сосенъ,
Въ молчаньѣ торжественномъ
Мнѣ чудятся думы
О чемъ-то Божественномъ.

Все—сосны; повсюду—
Стоятъ исполинами,
Въ холодное небо
Вонзаясь вершинами.

А ночь надо мною,
Мечтой окрыленная,
Плыветъ въ полумракѣ,
Какъ вѣчность—бездонная.

Ночь сѣетъ незримо
Мечты невозвратныя—
Рожденныя небомъ,
Землѣ непонятныя.

И внемлю я, внемлю—
Какъ зову далекому—
Безмолвію сосенъ,
Молчанью глубокому...

XIV.

Сегодня цѣлый день шумливо ропщетъ лѣсъ,
Сливая ропотъ свой въ какой-то хоръ угрюмый,
Какъ-будто связанный одной завѣтной думой
Съ холодною красой безоблачныхъ небесъ.

Вотъ онъ бѣжитъ-плыветъ съ опушки—мягкій гулъ;
Вотъ онъ идетъ-растетъ—иглистыхъ вѣтокъ шорохъ;
Вотъ затерялся онъ въ песчаныхъ косогорахъ;
Вотъ съ новой силою отвсюду потянулъ...

И ловятъ этотъ гулъ, полны тоскою шумной,
Вершины дальнія отъ ближнихъ и несутъ—
Несутъ его туда, гдѣ сестры ихъ растутъ
Въ своей таинственной тревогѣ многодумной...

Быть можетъ, въ этотъ день весны живой дыханье,
Вошедшей въ темный боръ, обвѣяло его,
И тайны зимняго молчанья своего
Онъ ей передаетъ въ мятежномъ ожиданьѣ.

Иль, можетъ быть, онъ шлетъ далекимъ небесамъ—
Свой новый вызовъ шлетъ за старыя обиды;
Иль правитъ по борцамъ погибшимъ панихиды —
Готовый съ бурею поспорить снова самъ...

Плыветъ тревожный гулъ, гульливый шумъ растетъ:
И вторитъ лѣсъ ему въ величіи угрюмомъ,
И нѣтъ конца его невысказаннымъ думамъ.
И рвется мысль моя за нимъ—впередъ, впередъ

XV.

Пустынному приволью
Внимаетъ небосклонъ:
Душистый воздухъ смолью
И зноемъ напоёнъ.

Ни звѣря и ни птицы
Среди прямыхъ стволовъ;
Надъ ними—вереницы
Жемчужныхъ облаковъ.

Пески да мхи, да хвоя
Въ безлюдной сторонѣ.
Предчувствіе покоя—
Въ природѣ и во мнѣ!..

XVI.

Подъ темнымъ намётомъ сосны вѣковой,
Пронизаннымъ солнца лучами,
Лежу я безмолвно... Коверъ моховой
Пестрѣется всѣми цвѣтами.

Въ глуши благодатной, вдали отъ людей,
Недвижно—какъ мертвый—лежу я
И въ ближній просвѣтъ изъ-за хвои вѣтвей
Любуюсь на высь голубую.

Кругомъ—тишина, тишина, тишина...
Какъ-будто, въ истомѣ отъ зноя,
Забылась природа, въ объятіяхъ сна
Неспящую жизнь успокоя.

Пролётное облачко держитъ свой путь;
За облачкомъ думы несутся.
И хочется здѣсь мнѣ заснуть—такъ заснуть,
Чтобъ послѣ вовѣкъ не проснуться!..

XVII.

Зелени, сколько здѣсь зелени—
Въ этой широкой разсѣлинѣ,
Между отрогами горъ!
Камень сѣрѣетъ осколками
О-бокъ съ зелёными ёлками;
Въ зелени—весь косогоръ...

Ниже—березки курчавыя:
Въ чащѣ—дубы величавые,
Выше березъ головой,—
Словно надъ юностью знойною
Высятся думой спокойною
Старцы—народъ вѣковой!..

Порослью мелкой, ступенями,
Тѣни сбѣгаютъ за тѣнями,
Тѣни толпятся вдали...
Ужъ не пріютъ-ли въ разсѣлинѣ,
Въ царствѣ прохлады и зелени,
Дýхи лѣсные нашли?!.

XVIII.

Затишье подъ сѣнью лѣсною,
Затишье на синей рѣкѣ,
Затишье за лентой рѣчною
И тамъ—вдалекѣ, вдалекѣ...

Недвижныя вѣтки нависли
Надъ лономъ недвижимыхъ водъ;
Не къ солнцу-ль, не въ горнюю высь-ли
Плыветъ облаковъ хороводъ?!.

Но—мимо проносятся, мимо;
И нѣтъ отъ жемчужныхъ слѣда...
Всё лѣтнею нѣгой томимо—
И небо, и лѣсъ, и вода...

Ни шелеста между кустами;
Ни шороха возлѣ корней,
Гдѣ розовой кашки цвѣтами
Пестрѣетъ зелёный пырей...

Какъ здѣсь хорошо и привольно!
Какая безмолвная тишь!..
Такъ тихо, что даже невольно
Дыханье въ груди затаишь...

И тайной молитвы не скроешь
Въ задумчивой этой тиши:
„О, еслибъ затишье такое-жъ
Царило и въ лонѣ души!..“

XIX.

Чѣмъ чаще я брожу змѣистыми тропами
Среди воздвигнутыхъ природой колоннадъ,—
Тѣмъ больше нахожу пытливыми очами
Духовной красоты въ сѣни лѣсныхъ громадъ.

Чѣмъ гуще надо мной навѣсъ печальной хвои,
Чѣмъ дольше остаюсь съ собой наединѣ,—
Тѣмъ дальше отъ меня всё темное-земное,
Тѣмъ небо ясное—роднѣй и ближе мнѣ.

Я понялъ, почему ревнители святыни
Въ былыя времена—во тьмѣ сѣдыхъ вѣковъ,
Отъ міра удалясь, отрясши прахъ грѣховъ,
Въ лѣсахъ—искали матери-пустыни!..

XX.

Стою и—слушаю ночную тишину;
И пальмы сѣвера внимаютъ ей-же—сосны...
Отъ нихъ, какъ отъ меня, сегодня далекò сны,
Хоть въ этотъ поздній часъ всё клонится ко сну.

Ночная тишь одной мечтой вдохновленà,
Она—звенитъ, поетъ, нашептываетъ сказки;
Ночная темь цвѣтетъ, мѣняетъ всѣ окраски—
Какимъ-то таинствомъ невѣдомымъ полна.

Ни звѣздъ, ни мѣсяца... Но словно нѣкій свѣтъ
Изъ самой тёмной тьмы мерцаетъ за вѣтвями
Неуловимыми, незримыми лучами...
Не ночь-ли это шлетъ неспящимъ свой привѣтъ?

Не ночь-ли то глядитъ изъ тьмы въ глаза ко мнѣ?!.
Я чувствую, что въ ней душа живая бьется.
Она пришла, идетъ, пройдетъ и—не вернется...
О, пальмы сѣвера! Внимайте тишинѣ!..

XXI.

Бѣлой ромашки полотна
Алой расшиты гвоздикой:
Стелется лютикъ болотный
О-бокъ съ травой-павликой.

Всюду—цвѣты за цвѣтами:
Зрѣютъ, колышатся травы:
Бьетъ мнѣ поклоны вѣтвями
Лѣсъ многошумно-кудрявый.

Вотъ—колокольчики строемъ:
А по зеленымъ по склонамъ
Всё заросло звѣробоемъ,
Золотомъ рдѣя червоннымъ.

Вотъ—развернулося всполье,
Заволновалось хлѣбами...
Окое всюду раздолье!
Что за просторъ предъ глазами!..

XXII.

Тамъ—на щиты наброшены щиты,
Одинъ другого тяжелѣе;
Чѣмъ ниже—тѣмъ плотнѣе
И вѣтви, и листы!

Ихъ не пробьетъ ни ливень-дождь, ни градъ:
Внизу—подъ ихъ зыбучей крышей
Рокочетъ даже тише
Громовъ весны раскатъ.

Впиваетъ грудь цѣлительный покой
Подъ этой сѣнью вѣковою;
Но даже здѣсь—борьбою
Кипитъ мірокъ живой!

Борьба за жизнь—у юркихъ муравьевъ,
Одна трава глушитъ другую,
И плоть дубовъ сырую
Пилитъ пила жучковъ...

А между тѣмъ, глядишь и мыслишь ты:
Вотъ здѣсь—всему успокоенье!
Здѣсь—пьютъ съ росой забвенье
И травы, и цвѣты!..

XXIII.

Раньше всѣхъ пробуждаются зяблики,—
Изъ-за рощи въ зеленый мой садъ
Хлопотливой семьею летятъ;
А по вòлнамъ лазури—кораблики
Легкихъ тучекъ плывутъ на закатъ.

Весь востокъ за безмолвными соснами
Разгорается-пышетъ зарей...
Хороши предъ осенней порой
Эти зорьки,—алѣе, чѣмъ вёснами,
И нѣжнѣй разстаются съ землей!

Утру молятся сосны столѣтнія.
Бѣлый паръ отъ росы—словно дымъ—
Разостлался по вѣткамъ сѣдымъ;
Дымъ ползетъ по корнямъ... Все замѣтнѣе
Встрѣча зореньки съ днемъ молодымъ...

Мигъ, другой... И вся роща—что въ полымѣ:
Стрѣлъ не счесть, златоогненныхъ стрѣлъ.
Солнце-витязь жаръ-птицей взлетѣлъ
Въ небеса, въ златокованномъ шòломѣ...
Зябликъ солнышку „славу“ пропѣлъ...

Вѣтерокъ опахнулъ тихимъ ропотомъ,—
Стали сосны о чемъ-то шептать...
Скоро примутся люди вставать;
Скоро шумомъ и гуломъ, и топотомъ
Загремитъ вся дорога опять!..

XXIV.

Окружонъ дремучимъ лѣсомъ—
Я встрѣчаю дня разсвѣтъ;
Багрянѣющимъ навѣсамъ
И конца какъ-будто нѣтъ.

Я иду впередъ... Со мною
Не идетъ-ли самый лѣсъ,
Златоверхою стѣною
Уплывая въ глубь небесъ?!.

Здѣсь Весна-Красна̀ ходила
Въ пышномъ цвѣтѣ красоты,—
Травы пѐстрядью рядила,
Ароматъ лила въ цвѣты...

Здѣсь хранитъ воспоминанья
О веснѣ—среди вѣтвей—
Лѣту всѣ ея сказанья
Перепѣвшій соловей...

XXV.

Медленнымъ шагомъ, четой молчаливой,
Осень съ зимою войдутъ
Въ этотъ привѣтливый, въ этотъ счастливый,
Въ этотъ укромный пріютъ.

Ластиться будетъ змѣиною лаской
Осень къ деревьямъ лѣснымъ,—
Заговоритъ-заворожитъ ихъ сказкой,
Доброй покажется имъ.

Каждое деревцо осень обниметъ,
Всю позолотитъ листву,—
Да ненадолго: всё сброситъ, всё сниметъ,
Вытопчетъ даже траву.

Выгонитъ птицъ изъ лѣсного кочевья,
Чащу откроетъ зимѣ...
Ласкѣ осенней не вѣрьте, деревья:
Осень-себѣ на-умѣ!..

XXVI.

Не русалки-ль водятъ это
Свой послѣдній хороводъ
Въ зыбкой зелени просвѣта
Надъ стоячей гладью водъ?!.

Разступился лѣсъ... Болото
Засинѣло вдалекѣ...
Мнѣ въ глаза маячитъ что-то
Въ пожелтѣломъ тростникѣ...

Что-то сѣрое за бѣлымъ
Словно тамъ погналось вдругъ...
Не летятъ-ли стадомъ цѣлымъ
Гуси-лебеди на лугъ?

Не русалки-ль водятъ это
Свой прощальный хороводъ?!..
Нѣтъ! Ведетъ на смѣну лѣта
Осень свой туманъ съ болотъ. .

Онъ плыветъ ко мнѣ волною,
Низомъ—стелется ковромъ;
Онъ дробится разсыпною
Мелкой зернью, серебромъ.

Лѣсъ шумитъ, заводитъ рѣчи,—
Откликъ слышится вдали:
Созываютъ птичье вѣче
Предъ отлётомъ журавли...

XXVII.

Шелестъ берёзокъ я слушалъ въ лѣсу...
Слышались жалобы въ шелестѣ этомъ:
„Такъ-ли ласкало, подруженьки, лѣтомъ
Солнце зеленую нашу красу?!.
Осени рады лишь ели да сосны:
Лѣто-ль, весна-ли, зима-ль,—все равно
Имъ красоваться листвой не дано!
Намъ-же осеннія ласки несносны!..
Ходитъ въ лѣсу, Лихо-Лихомъ, она:
Листья, ласкаючи насъ, обрываетъ,
Пѣсней своею тоску нагоняетъ,
Вѣетъ кошмаромъ тяжелаго сна...“

Шелеста грустнаго осень не слышитъ,—
Осень колдуетъ, гуляя въ лѣсу:
Сушитъ деревьевъ живую красу,
Смерти холоднымъ дыханіемъ дышетъ...
Вѣтеръ-приспѣшникъ—за осенью вслѣдъ,
Знай—собираетъ осеннія дани...
Ночью, что въ саванѣ, лѣсъ весь—въ туманѣ,
Днемъ—онъ лучами небесъ не согрѣтъ...
Холоденъ, мраченъ онъ весь, какъ могила.
Словно предсмертные стоны раба,
Льётся въ немъ листьевъ послѣднихъ мольба:
„Солнышко красное! Гдѣ-жъ твоя сила?!.“

XXVIII.

Подъ снѣжнымъ покровомъ журча цѣлый день,
Про вешнія зори, про лѣтнюю сѣнь,
Про знойнаго солнца живые лучи
Поютъ мнѣ живые лѣсные ключи...

О томъ, что внизу—глубоко̀ подъ землёй,
Во славу природы безсмертно-живой,
Грядущія, новыя, силы растутъ,—
Лѣсные ключи, не смолкая, поютъ...

И сердце—ихъ радостной пѣснѣ въ отвѣтъ—
Невольно имъ шлётъ свой безмолвный привѣтъ;
И блещутъ въ немъ яркаго солнца лучи,
Подъ снѣгомъ тоски—бьютъ живые ключи...

XXIX.

Весь, весь серебряный—съ шатра своихъ вершинъ
До глубины корней, укрытыхъ подъ снѣгами,—
Стоитъ онъ, сѣверный могучій исполинъ,
Закованный пигмеями-врагами.

*

Они подстерегли его отрадный сонъ,
Собрали полчища несмѣтныя безъ счета
И кинулись къ нему стремглавъ, со всѣхъ сторонъ,
И—вмигъ богатыря опутали въ тенёта...

*

Проснулся старый лѣсъ и видитъ: не избыть
Ему лихой бѣды негаданнаго плѣна,—
Что взяли верхъ враги (лѣсная волчья сыть!),
Что выдалъ сонъ его, какъ черная измѣна...

*

Ликуетъ вражья рать, бахвалится въ глаза
Своею силою, невѣдомой дотолѣ:
„Что, старый! Что, сѣдой!.. Гдѣ-жъ вся твоя гроза?!.
Не вырваться тебѣ, сгноимъ тебя въ неволѣ!..“

*

Охъ, показалъ-бы имъ, какъ прежде, богатырь,
Что въ немъ еще кипитъ кровь волею живучей,
Что можетъ разбудить собой всю даль, всю ширь
Какъ буря роковой—кличъ стараго могучій!..

*

Разсыпалась-бы вся, какъ листья, вражья рать
Отъ посвиста его, костьми-бъ легла отъ взгляда,—

Да путы тяжелы: рѣсницъ не приподнять,
Ни устъ не разомкнуть,—какъ ни томитъ досада...

*

„Что̀, старый! Что̀, сѣдой!..“ И вотъ—взмолился лѣсъ
Своей сестрѣ Веснѣ... А та ужъ—на помо̀гу
Сама къ нему спѣшитъ изъ терема небесъ;
Подснѣжные ручьи торятъ красѣ дорогу...

*

Вотъ-вотъ и Мать-Земля вздохнетъ въ отвѣтъ ключамъ,
И заструится паръ съ корней къ сѣдымъ вершинамъ,—
Тенета отряхнувъ слезами по вѣтвямъ,
Лѣсъ встрѣтится съ Весной свободнымъ исполиномъ...

*

„Иди, сестра, иди!..“—онъ тихо шепчетъ ей,
Не въ силахъ ни вздохнуть, ни шевельнуть вѣтвями,
Серебряными весь опутанный цѣпями,
Весь, весь серебряный—съ вершинъ и до корней...

XXX.

Всё озёра, озёра, озёра—
Подъ намётомъ дремучаго бора;
Впереди, по бокамъ, позади,—
Нѣтъ конца имъ, куда ни гляди!

Подошла, невзначай подступила
Полыхъ водъ неоглядная сила,—
Набѣжала изъ талыхъ снѣговъ
Съ обогрѣтыхъ весною бугровъ.

Кедры старые дремлютъ рядами
Надъ пришедшими въ-гости водами,—
Словно думаютъ думу они
Про тяжелые зимніе дни.

Хмурыхъ сосенъ столѣтнихъ вершины
Посѣдѣли отъ давней кручины,—
Имъ напомнила гостья-вода,
Что у нихъ за плечами—года.

Стройныхъ ёлокъ стоятъ вереницы,
Какъ весной на селѣ молодицы,—
Любо имъ любоваться собой
Въ тихоструйной водѣ снѣговой!..

Не одной, не одной-то весною
Вѣетъ,—вѣетъ родной стариною,
Старой былью родимыхъ былинъ
Боръ—сѣдой богатырь-исполинъ.

Такъ и думаешь: выйдетъ косматый
Русскихъ сказокъ герой бородатый,
Самъ хозяинъ лѣсной—Лѣсовикъ,
Матерòй, коренастый старикъ...

Выйдетъ, точно изъ вражьяго плѣна,
Вровень съ лѣсомъ, въ водѣ по колѣна,—
Да какъ гаркнетъ за ближней сосной:
„Просыпайся, народецъ лѣсной!..“

И, на òкрикъ его, хороводомъ
Поплывутъ по синѣющимъ водамъ,
Покидая свой зимній притонъ,
Всѣ русалки—въ зеленый затонъ;

И раздастся на всѣ-то озёра,
Въ тишинѣ заповѣднаго бора,
Безо всякихъ нежданныхъ помѣхъ—
Переливный русалочій смѣхъ...

XXXI

Жаворонка трели
Слушаетъ земля,—
На призывъ свирѣли
Откликъ шлютъ поля.

Всё знакомо взорамъ,
Все старо̀, какъ міръ;
Но—весеннимъ хоромъ
Жизнь зоветъ на пиръ...

Ждалъ его, заждàлся
Старый бражникъ—лѣсъ,—
Вотъ и кличъ раздался
Съ высоты небесъ;

Кличъ не разобравъ—чей,
Вздрогнулъ весь онъ вдругъ...
Дятелъ, лѣса кравчій,
Поднялъ вешній стукъ.

Въ шапкѣ-невидимкѣ
Скрывъ слѣды свои,
Вотъ онъ, въ легкой дымкѣ,
Смотритъ изъ хвой...

Соснамъ, отощалымъ
Зимнею порой,
Травкамъ захудалымъ
Скоро—пиръ-горой!

Каждая полянка
Будетъ, здѣсь и тамъ,
Скатерть-самобранка
И моимъ мечтамъ;

Вешнимъ хмѣлемъ мая
Захмѣлѣетъ боръ,
Грезамъ поднимая
Самолётъ-коверъ...

Выше, къ солнцу! Выше-жъ
Взвейся, пѣснь моя!..
Слышишь, сердце? Слышишь
Гимны бытія?!.

XXXII.

И въ этой свѣжести весенней,
И въ этой скромной красотѣ
Мнѣ внятенъ голосъ вдохновеній,
Влекущихъ къ дѣвственной мечтѣ.

Здѣсь—ближе небо; здѣсь—привѣтнѣй
Лучи апрѣльскихъ теплыхъ дней,
Здѣсь—сердце любитъ беззавѣтнѣй,
Здѣсь—дума чище и свѣтлѣй...

Здѣсь мысль готова вѣрить чуду;
Здѣсь вьются образы, какъ рой,
Къ себѣ скликая отовсюду
Летучихъ риѳмъ веселый строй...

Здѣсь каждый краткій мигъ чудесенъ...
Кто жаждетъ,—пей въ лѣсной глуши
Струю весеннихъ свѣтлыхъ пѣсенъ
Весенней свѣжести души!..

XXXIII.

Небо глядится въ глаза мнѣ,
Сосны привѣтно шумятъ;
Солнце роняетъ на камни
И на пески жгучій взглядъ.

Тучки висятъ жемчугами
Въ морѣ лазурныхъ зыбей;
Стелется зелень лугами;
Тѣни бѣгутъ отъ тѣней.

Шелестъ деревьевъ невнятный,
Шорохъ, проникшій въ траву...
Что это?—Сонъ благодатный,
Или мечта на-яву?..

Сердцу, объятому снами—
Тѣнями жизни-тоски,
Слышится: „Снова ты съ нами!
Снова тебѣ мы близки!..

„Снова ты—ближе къ природѣ,
Матери нашей съ тобой.
Въ ней—путь-дорога къ свободѣ
Въ мірѣ плѣненныхъ борьбой!

„Въ жизни немногія вёсны
Будешь ты съ нами встрѣчать...“
. . . . . .
Здравствуйте, милыя сосны,
Съ вами я, съ вами—опять!

XXXIV.

Пальмы сѣвера—повсюду;
Лабиринтъ колоннъ—вокругъ.
И дивятся, словно чуду,
Тишинѣ и взоръ, и слухъ...

Дальше,—гуще стѣны лѣса;
Все темнѣй, темнѣй надъ нимъ;
Хвойной зелени завѣса
Споритъ съ небомъ голубымъ.

Небо солнечныя стрѣлы
Изъ заоблачныхъ высотъ
Мечетъ въ дольніе предѣлы,
Въ лѣсъ лучи гонцами шлетъ:

„Разступись! Открой всѣ нѣдра
Заповѣдныя свои!..
Отдарю тебя я щедро!..“
Лѣсъ—стоитъ, какъ въ забытьи;

Лѣсъ не внемлетъ солнца кличу,
Хвойный щитъ поднявъ къ гонцамъ:
Вѣковѣчную добычу
Не отдастъ онъ пришлецамъ!

Не шелохнетъ въ темной хвоѣ;
И лѣсная тишина,
Словно что-то роковое,
Грозной тайною полна...

XXXV.

Тамъ—ходитъ-ходенёмъ желтѣющая рожь,
Межа неровною змѣится полосою;
За узкимъ межникомъ лѣсная молодежь
Взбѣгаетъ шумною зелёною толпою.

Ковры душистыхъ травъ, ковры лѣсныхъ цвѣтовъ
Кудесница-весна широко разостлала,
Причудливымъ вѣнкомъ сплетя болиголовъ,
Осоку заостривъ—какъ лезвіе кинжала.

Къ бездоннымъ небесамъ высоко приподнявъ
Могучіе стволы и темныя вершины,
У поросли густой лучи весны отнявъ,
Недвижимо стоятъ сѣдые исполины.

А далеко—внизу, подъ сѣнью вѣковой,
Ютится алая красотка-земляника
И тянется на свѣтъ съ постели моховой
И молитъ: „Солнышко, взгляни ко мнѣ, взгляни-ка!“

Но, вмѣсто солнышка, быть можетъ, пѣшеходъ,
Лѣсныхъ зелёныхъ кущъ случайный гость незваный,
Замѣтитъ бѣдную,—наклонится, сорветъ
И дальше побредетъ тропинкою песчаной...

XXXVI.

На свѣтлой полянѣ, надъ мягкой травою
Желтѣетъ волнистымъ ковромъ звѣробой;
А дальше лепечутъ зеленой листвою
Лѣсные побѣги веселой гурьбой.

Іюльское солнце всё залило блескомъ
И съ чистаго поля далёкихъ небесъ
Бросаетъ лучи надъ сквознымъ перелѣскомъ
И смѣло врывается въ сумрачный лѣсъ.

Изъ дремлющей чащи, гдѣ видны макушки
Задумчивыхъ сосенъ, несутся сюда
Унылые стоны бездомной кукушки —
Лѣсной сиромахи, не вьющей гнѣзда...

И слушаютъ сосны сѣдыя угрюмо,
И молча считаютъ отрывистый крикъ
Печальной вѣщуньи, и тайная дума
Для нихъ открываетъ грядущаго мигъ.

И ждутъ онѣ, ждутъ въ безпредѣльной тревогѣ,
Съ глубокой тоскою, той близкой поры,
Когда—за поляной, у пыльной дороги
Въ подросшемъ лѣсу застучатъ топоры...

XXXVII.

Срубленъ лѣсъ... Пеньки бѣгутъ за пнями...
Вѣетъ смертью это запустѣнье,—
Гдѣ недавно жизнь лилась волнами,
Гдѣ съ зари до зорьки межъ вѣтвями
Раздавалось птицъ веселыхъ пѣнье

Нѐчѣмъ здѣсь порадовать и взора —
Кромѣ бездны неба голубого!
А придетъ пора: опять вершины бора
Скорбнымъ шумомъ поздняго укора
Зашумятъ надъ памятью былого...

Долго ждать! По склону лѣсосѣки
Проступаетъ только верескъ алый:
Всюду—вѐрескъ, словно крови рѣки,
Обреченной литься здѣсь вовѣки,
Разбѣжались степью небывалой...

Все вокругъ, отъ края и до края,
Зацвѣло багряными цвѣтами...
Не сама-ль то Мать-Земля-Сырая,
Лѣсъ погибшій тризной поминая,
Всплакалась кровавыми слезами?!.

XXXVIII.

Мнѣ вѣяла весна въ лицо живымъ дыханьемъ,
Глаза мои ласкалъ привольемъ кругозоръ,
Моимъ мечтамъ кадилъ лѣснымъ благоуханьемъ
И тѣшилъ чуткій слухъ широкошумный боръ.

Рядами колоннадъ кругомъ вставали сосны,—
Свѣтлѣе зелень ихъ, душистѣй смоль была...
И пробуждало все мои былыя вёсны,
И думамъ не было ни мѣры, ни числа.

Но и надъ думами яснѣй лазурь синѣла;
Изъ темной глубины снѣговъ моей тоски—
Какъ здѣсь, въ лѣсной глуши,—тянулись въ высь несмѣло
Прозрачно-нѣжные подснѣжники-цвѣтки.

Молитвой тихою звучалъ мнѣ каждый трепетъ,
Съ гармоніей міровъ сливался каждый звукъ—
И птицъ веселый гамъ, и травъ весенній лепетъ,
И сердца моего, лишь сердцу внятный, стукъ...

О, счастливъ, счастливъ тотъ, кто на груди Природы
Съумѣетъ силою живой души своей
Постичь безсмертное величіе Свободы
И мимолетное ничтожество страстей!..

XXXIX.

Какъ знать,—быть можетъ, прежде здѣсь,
Гдѣ—сосны, рытвины да пни,—
Стояла пращурова весь;
Быть можетъ, къ ней въ былые дни
На вѣче людъ стекался весь...

Быть можетъ, здѣсь, въ сѣдую старь,
Завѣты праотцевъ храня,
Какой-нибудь полудикарь—
Въ своемъ роду̀ и жрецъ, и царь—
Вершилъ свой судъ при свѣтѣ дня...

Быть можетъ, здѣсь своимъ богамъ
Молился кто-нибудь изъ нихъ—
Безвѣстныхъ пращуровъ моихъ,
И слылъ весь міръ у нихъ за храмъ
При яркомъ блескѣ звѣздъ ночныхъ...

Быть можетъ, тамъ—гдѣ очерётъ
Тѣснится берегомъ къ рѣкѣ,
Водили дѣвы хороводъ,
И пѣлъ исчезнувшій народъ
На позабытомъ языкѣ...

Быть можетъ, вторгся ворогъ-лютъ
И мигомъ стеръ съ лица земли
Всё, что годами строилъ трудъ;
И—годы долгіе прошли,
И выросъ лѣсъ изъ праха тутъ...

Быть можетъ, здѣсь—въ глуши лѣсной,
Подъ этой тысячью ковровъ
Смолистой хвои—предокъ мой,
Угрюмый сынъ сѣдыхъ вѣковъ,
Лежитъ костьми въ землѣ сырой...

Быть можетъ, сосны мнѣ сейчасъ
Его устами говорятъ
О тòмъ, что мать-Природа насъ
Взростила вмѣстѣ, заурядъ—
Его, меня и „Божій садъ"...

О томъ, что вновь пройдутъ года,
И—всѣ умрутъ, кто жаждетъ жить;
Природа-жъ будетъ, какъ всегда,
И смерть нести, и жизнь дарить,
И не исчезнетъ никогда...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вывальщины.

		стр.
Памяти гр. А. К. Толстого		5
Запѣвка		9
I.	Микула	11
II.	Бертрада	17
III.	Русалочья заводь	21
IV.	Златоогненный цвѣтъ	25
V.	На коврѣ-самолётѣ	29
VI.	Потайный сказъ	33
VII.	Бѣгство боговъ	39
VIII.	Измѣнница-жена	43
IX.	Водяной	47
X.	Лада	51
XI.	Бѣлбожичъ	55
XII.	Суженый	59
XIII.	Подводная пустынь	65
XIV.	Старый ямщикъ	71
XV.	Горислава	75
XVI.	Царь снѣговъ	81
XVII.	Удаль	87
XVIII.	Скоморошья потѣха	91
XIX.	Святогоръ	95
XX.	Мара безумная	99
XXI.	Степь-урочище	105
XXII.	Полонянкина коса	109
XXIII.	Солнечные заигрыши	115
XXIV.	Изгой	119
XXV.	Пѣсня русалокъ	125
XXVI.	Царёвъ курганъ	129
XXVII.	Сосѣди	133
XXVIII.	Вѣчные всадники	137
XXIX.	Незваный гость	141
XXX.	Царевнинъ мостъ	149
XXXI.	Красная Весна	155
XXXII.	Могила троихъ	161
XXXIII.	Доброгнѣва	165
XXXIV.	Два брата	169
XXXV.	Князь-богоборецъ	173
XXXVI.	Несмѣяна-королевна	181

стр.
XXXVII. Перстень 189
XXXVIII. Чудище-Ложь 195
XXXIX. Пиръ въ камышахъ 201
XL. Зависть Лихая 205
XLI. Послѣдній богатырь 213
XLII. Безродная 217
XLIII. На плотахъ 223

Картины Поволжья.

I. Съ Нижегородскаго Вѣнца 233
II. Внизъ по Волгѣ 234
III. Рыбалки 235
IV. Подъ дождемъ 236
V. Волна-русалка 237
VI. На просторѣ 238
VII. У Керженца 230
VIII. По угорью 240
IX. Лѣса 241
X. Золотой мостъ 242
XI. Жегули 243
XII. Утро въ Жегуляхъ 244
XIII. Гигантскія чаши 245
XIV. Прежде и теперь 246
XV. Двѣ мести 247
XVI. Передъ Стенькинымъ бугромъ 248
XVII. Навстрѣчу степи 249
XVIII. Въ царствѣ хлѣба 250
XIX. Степь 251
XX. Бой великановъ 252
XXI. На Хвалынской пристани 253
XXII. „Столбичи“ 254
XXIII. Письмена горъ 255
XXIV. За Саратовомъ 256
XXV. Подъ Астраханью 257

Сѣверный лѣсъ.

I. „Поэзія задумчивыхъ, таинственныхъ лѣсовъ“ 261
II. „Лѣсъ говоритъ со мной безмолвіемъ“ . . 262
III. „Такъ много въ природѣ“ 263
IV. „Сосны молчаливыя“ 264
V. „Бѣлыхъ березокъ куртина“ 265

стр.
VI. „Всё ель кругомъ, повсюду ель..“ 266
VII. „Песчанымъ тѣснымъ логомъ“ 267
VIII. „Гордыя, стройныя“. 268
IX. „О, еслибъ только отвѣчать“ 269
X. „Стрѣлы солнца золотыя“ 270
XI. „Завели перекличку, гремятъ соловьи“ . . 271
XII. „Тишина.. Но сколько звуковъ“ 272
XIII. „Въ безмолвіи осенъ“ 274
XIV. „Сегодня бѣлый день“ 275
XV. „Пустынно-мутно привольно“ 276
XVI. „Подъ темнымъ намётомъ сосны вѣковой“. 277
XVII. „Зелени сколько-сколько зелени“ 278
XVIII. „Затишье подъ сѣнью лѣсной“ 279
XIX. „Чтобы чаще чертили змѣистыми тропами“. 280
XX. „Чтобы не нарушать ночную тишину“ 281
XXI. „Вы, дубы-матери и тётки“ 282
XXII. „Гачи—на шипы наброшены шипы“ . . . 283
XXIII. „Раньше в тихо прибрежьи я яблоки“. . 284
XXIV. „Отгуляли лебяжьи метели“ 285
XXV. „Медленнымъ шагомъ, четой молчаливой“. 286
XXVI. „Не рукавицы водятъ хоровод“. 287
XXVII. „Шелестъ березокъ я слушала въ лѣсу“ . 288
XXVIII. „Подъ снѣжнымъ покровомъ“. 289
XXIX. „Весь, весь серебряный“ 290
XXX. „Всё озера, озёра, озера“ 292
XXXI. „Жаворонка трели“ 294
XXXII. „[illegible]“ 296
XXXIII. „Небо сходится въ глаза мнѣ“ 297
XXXIV. „Шаловливо сѣверо-западу“ 298
XXXV. „Тамъ—ходитъ-ходуномъ желтѣющая рожь“ 299
XXXVI. „На свѣтлой полянѣ, надъ мягкой травою“. 300
XXXVII. „Сруб[illegible]ль... Пеньки бѣгутъ за пнями“ 301
XXXVIII. „Мнѣ вѣяла весна въ лицо“ 302
XXXIX. „Какъ знать,—быть можетъ, прежде здѣсь“ 303

$ 25

Stanford University Libraries
3 6105 012 150 673

PG
3467
K58B8
1899

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.